

Г. 20.
535.

ГЕОРГИЙ ШТОРН

Ф. Ф.

УШАКОВ

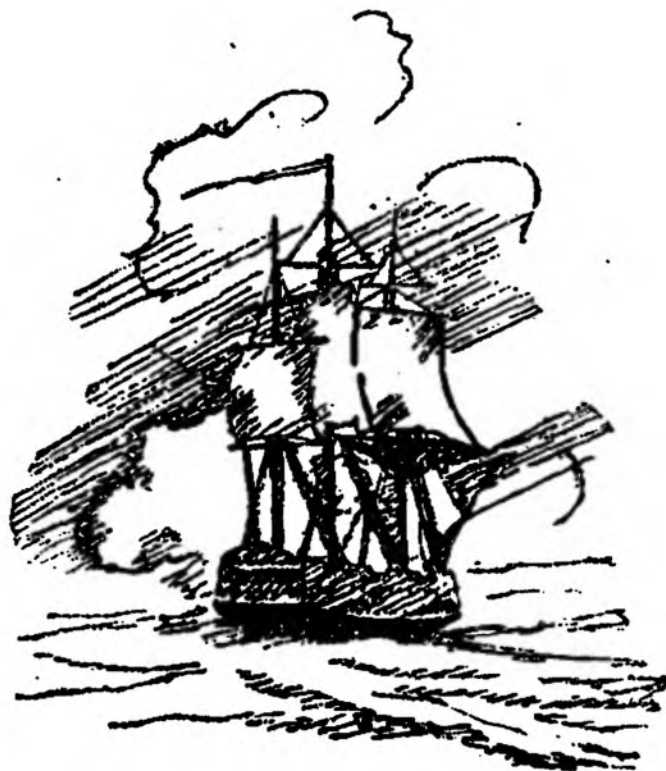

Ф. Ф. УШАКОВ

ГЕОРГИЙ ШТОРМ

Ф. Ф. УШАКОВ

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1950 Ленинград

Глава I В МОРСКОМ КОРПУСЕ

«Не всякий прут по заказу гнут».
Русская пословица

1

КОЛОКОЛ во дворе Морского кадетского корпуса возвестил перерыв между утренними и дневными классами. Тотчас по всему зданию захлопали двери, гул и топот наполнили коридоры и лестницы, и кадеты буйной ватагой высыпали во двор.

Разбившись на партии, они заняли места, облюбованные еще накануне.

Пространство в углу двора именовалось «Тавридой». Лихой «десантный отряд» открыл против нее действия с суши. Два сооружения из бревен и досок с легким подобием такелажа изображали корабли — турецкий и русский. Они сцепились в абордажном бою.

Сперва в игре приняли участие только кадеты второй и третьей рот; старшеклассники — гардемарины — наблюдали издали, снисходительно улыбаясь. Но когда «турки» отбили атаку, сами перешли на русский корабль и уже стали подбираться к русскому флагу, гардемарины не выдержали и тоже кинулись в схватку. Сражение с новою силою разгорелось по всему двору.

Уже время перешло за полдень и колокол прозвонил.

нил к обеду, уже была в третий раз взята «Таврида», а на кораблях все еще шел бой.

Флотский офицер, ведавший фронтовой частью корпуса, залюбовался игрою своих питомцев. Время от времени он кивал головой и покрикивал:

— Так, так, детушки! Хорошо!..

Стук колес за воротами заставил его обернуться. Перекрывая шум, он скомандовал:

— Смир-р-рно!

Все стихло в одно мгновение. Кадеты, поправляя свои растрепанные косицы и отряхивая зеленые сюртучки с белыми обшлагами и воротниками, вытягивались во фронт, отдавая честь десятилетнему генерал-адмиралу: цесаревич Павел Петрович в сопровождении директора корпуса Голенищева-Кутузова и своего наставника Порошина шел по корпусному двору.

Маленький Павел был пожалован в генерал-адмиральский чин своею матерью Екатериной. Его часто привозили в корпус на уроки морской тактики и корабельной архитектуры. Модели парусных судов, служившие для обучения кадетов и гардемарин, и впрямь очень занимали его...

Белолицый курносый мальчик в мундире генерал-адмирала с любопытством разглядывал затихшую при его появлении молодежь. Ему ужасно хотелось, чтобы кадеты снова начали битву, но сказать об этом он не решался. Голенищев-Кутузов угадал его мысли.

— Продолжать игру! — приказал он кадетам.

И она возобновилась, сначала далеко не так оживленно, как прежде, но мало-помалу дело завязалось и пошло все горячее и горячее.

Цесаревича сильно подмывало сорваться с места и побежать вслед за сражающимися. Но когда он попытался это сделать, Порошин наклонился к его уху и шопотом отчеканил:

— Ваше высочество не должны забывать, что вы генерал-адмирал!..

Злость и скука отразились на лице мальчика.

Была ранняя весна — март 1764 года.

Свежий ветер со взморья гнал маленькие серые облачка над Петербургом, трепал вымпелы потешных кадетских кораблей.

— «Если видишь в море корабль плывущий, не сомневайся, что оный управляем разумом и искусством»...

Математик Николай Курганов обычно начинал свои лекции цитатами из древних авторов. В присутствии цесаревича и директора это казалось ему особенно важным, и он начал урок по классу навигацкой науки с того, что говорил о ней Цицерон...

Это был знаменательный день. Из типографии Морского корпуса были получены первые экземпляры «Искусства военных флотов», сочинения Павла Госта, переведенного Голенищевым-Кутузовым с французского языка на русский. Отныне воспитанники корпуса должны были изучать военно-морское искусство по этой книге. Она служила единственным руководством для адмиралов всего мира уже почти семьдесят лет...

Дежурный гардемарин стоял у классных дверей на часах с тесаком, ружьем и в полной боевой амуниции.

В выставленном у кафедры красном бархатном кресле сидел цесаревич. Он тянулся взглядом к висевшей на стене карте Российской империи и беспокойно вертел головой.

— Этакая землища! — вдруг громко сказал он. — Сидя в кресле, всего увидеть нельзя; надобно вставать, чтобы оба конца высмотреть!..

Порошин начал тихо выговаривать ему по-французски, что нельзя так вести себя на уроке.

Математик Курганов задавал вопросы ученикам.

Это был своего рода экзамен, на котором проверялись знания не только по навигацкой науке. Курганов спрашивал обо всем понемногу. Он не вызывал никого по фамилии и лишь нацеливался в различных направлениях пальцем, как бы считая сидевших перед ним воспитанников. Вопросы следовали один за другим быстро, и кадеты так же быстро отвечали на них.

— Что означает, если говорят, что корабль «спускается»?

— Корабль спускается, когда он нос под ветер уклоняет.

— Что есть линия бейдевинда?

— Линия, круче которой к ветру корабль не может идти...

Потом задал несколько вопросов директор: как определить течение на якоре и со шлюпки? что делать, идя в бейдевинд под всеми парусами, если ветер свежеет? как приготовить военный корабль к походу? как заменить потерянный в море руль?

В заключение Курганов объявил задачу: «Когда звезда Сириус восходит и заходит в одно время с солнцем на московском горизонте?» Задача была предложена всему классу, и он общими силами решил ее.

Голенищев-Кутузов остался доволен. В Морском корпусе учили с пользой для флота! Предметов было достаточно. Программа разнообразна, но и не так уж обширна. Кадеты правильно говорили, что «науками докучают не много, дают простор молодым головам»...

Курганов умолк и вопросительно посмотрел на директора. Голенищев-Кутузов взял книгу Госта, заложенную посередине линейкой, и заговорил:

— Отечество наше уже в древние времена было морскою державою. На своих бесчисленных ладьях ходили наши предки по Черному морю, сражались с огненосным греческим флотом и не однажды мужественно касались самих цареградских стен... Враги надолго отрезали Русь от морей. Но неусыпными трудами государя Петра Великого было вновь добыто море и создан флот российский. Теперь надлежит нам прилежно изучать правила морских эволюций¹, дабы флот наш был не последним на морях...

Он вынул закладку и, держа книгу развернутой, показывая классу чертеж, с величайшим значением протянул:

— «Флоты... к бою... строятся... в две параллельные линии»... Сие есть основа всего!..

Урок подходил к концу. Цесаревич зевал и тер глаза кулачками.

Директор похвалил учеников за успехи и произнес на прощанье короткую речь.

Это было наставление будущим водителям кораблей

¹ Морские эволюции — построения боевых судов; являлись основанием тактики парусного флота.

и эскадр — капитанам, адмиралам. Нарисовав перед кадетами картину предстоящих битв за родные берега и воды, он напомнил им об обязанностях командира и привел в пример царя Петра.

Он резко закончил свою речь, погрозив при этом пальцем:

— Запомните! Не любящий своего отечества — проклят!..

И в классе, где и так было тихо, стало слышно дыхание воспитанников. Затем лучшим ученикам были розданы экземпляры «Искусства военных флотов» Павла Госта.

Одним из получивших в собственность эту книгу был гардемарин Федор Ушаков.

3

— Ученье будет пушками!.. — объявляли по камерам дежурные гардемарины.

Небо над Васильевским островом наполнилось широким, могучим рассветом. Барабан бил зорю на корпусном дворе.

Кадеты вскакивали с постелей и бежали умываться. Потом они становились во фронт, и дежурный офицер осматривал каждого: уши, руки, пуговицы на мундире, позументы на воротнике.

Все три роты строились во дворе и выходили на набережную со своими знаменами; на них реял орел со скипетром и державою и герб корпуса — руль, градшток и шпага, увенчанные короной.

Кадеты шли к пристани, направляясь на артиллерийское ученье в Кронштадт...

* * *

...Гул орудий еще стоял вокруг Ушакова.

Проведенный на ученье день разгорячил его. Командные слова и заглушавший их грохот пушек отдавались звоном в голове и ушах.

Всегда розовое лицо Федора горело от морского ветра. У него был высокий, удлиненный лоб, упрямо сдвиг-

нутые брови и прямой мясистый, слегка вздернутый кверху нос. Сухо очерченный рот, твердые скулы и сильная нижняя челюсть придавали лицу замкнутое, строгое выражение. Плечистый и широкогрудый, с холодным взглядом ясных непроницаемых глаз, он казался много старше своих девятнадцати лет.

Окно каморки выходило на набережную. Почти все кадеты помещались в общих гулких и просторных камерах. Но Ушаков выпросил себе «келейку», чтобы больше быть одному.

Это не было нелюдимостью: он бывал и общительным и веселым. И в то же время упорная мысль, овладевшая им еще до приезда в столицу, заставляла его все чаще замыкаться в себе.

Вдобавок он замкнулся из гордости. Явившись в корпус в «лапотной» одежде, он был принят за простачка, деревенщину. Гардемарины стали над ним подтрунивать, и некоторые из них попытались прибрать его к рукам.

Таков был обычай: старшекласники утверждали свое господство над новичками; младший подавал старшему умываться, снимал с него сапоги, чистил платье, бегал на посылках. Но с Ушаковым этого не случилось. Его большая физическая сила сохранила ему свободу. От него отступили, сказав с уважением: «Этот на себе ездить не даст»...

Он родился в небогатой дворянской семье, в Темниковском уезде Тамбовской губернии¹. Сельский священник обучил его грамоте, деревенский староста — ходить с рогатиной на медведя; старик односельчанин, служивший во флоте при Петре канониром, рассказывал ему много чудесных былей о море и о царе-моряке.

В корпусе он опять услышал о Петре. Там все жило его именем. Оно звучало в классах и на практических занятиях, мелькало на страницах учебных книг.

Мысль, овладевшая Ушаковым, была еще неясным томлением юноши — желанием посвятить себя какому-то большому новому делу; она сопровождалась уверенностью, что путь к этому новому намечен Петром.

С каждым днем убеждался он в этом все больше.

¹ Точная дата рождения Ф. Ф. Ушакова неизвестна: предположительно — май 1745 года.

Роясь в корпусной библиотеке, отыскивая петровские указы и письма, распоряжения Петра по армии и флоту, Федор усердно изучал «Регламент об управлении адмиралтейства и верфи», «Устав воинский» и «Устав морской».

Предисловие к «Уставу морскому» он читал, перечитывал и в конце концов вытвердил наизусть. В память врезались строки, в которых Петр рассказывал, как зародилась его страсть к морю и как мать пыталась отворотить его от опасностей мореплавания. «Но не такое духа сыновнего было устремление, — вспоминал он об этом, — чтоб его можно удержать и остановить».

Это было сказано вдохновенно. За словами Петра скрывалась неудержимость народа, стесненного замкнутостью своих водных просторов, понявшего, что «вода узка».

И еще одно место навсегда запомнилось Ушакову: «Не имела Россия флота морского, хотя и могла иметь, если бы мысль о том и попечение было».

И Ушакову становились понятными заботы Петра о «великом флота строении» и его упорство в «добывании» морей...

Учился Федор прекрасно; предметы давались ему легко все, кроме танцев, — тут у него ничего не выходило. Зато он хорошо играл в ротном оркестре на флейте. Она и сейчас лежала у него на столе поверх книг и бумаг.

Рука его потянулась к флейте. Он поднес ее к губам и попытался повторить мелодию — марш, слышанный час тому назад на улице...

Когда кадеты, возвращаясь с ученья, уже подходили к зданию корпуса, дорогу им пересек Суздальский пехотный полк. В воздухе разливалась величавая русская песня. Потом она замерла, и ударили марш пылавшие белым огнем трубы. Трубы были серебряные. Полк получил их за взятие Берлина в 1760 году.

На казачьей лошадке проехал полковой командир. Первое, что бросилось Ушакову в глаза, были худо сшитые высокие, до колен, ботфорты и грубого сукна гренадерская куртка; затем взгляд его скользнул по сухонькой фигурке полковника, и он увидел его лицо.

Русское простое лицо, добродушно-лукавое, немного грустное и вместе с тем необычайно живое.

— Суворов! — сказали в толпе.

Ушаков видел Суворова впервые, но уже был наслышан об этом офицере, начавшем небывалым способом обучать солдат.

Всю столицу облетел рассказ о случае на военном смотре. Во время маневров, когда все шло по заранее написанной диспозиции, Суворов со своими людьми внезапно ворвался в траншею «противника», нарушил диспозицию и смешал все впрах...

Ушаков отложил флейту в сторону и склонился над книгой. «Искусство военных флотов, или сочинение о морских эволюциях» лежало перед ним на столе.

С книгой Госта он уже был знаком хорошо. Она стала причиной его упорных раздумий...

«Устав воинский» гласил: «Упреждать и всячески искать неприятеля опровергнуть».

«Устав морской» требовал таких же решительных действий.

Но труд Госта этому не учил. Что предпочесть — риск или осторожность, — на этот вопрос не отвечала книга. Она предоставляла решать флагману.

В ней говорилось: «Два равные флота могут принудить один другого к бою».

Было сказано: «могут принудить», но не было сказано: «должны».

Это вводило мысль дальше, заставляло Ушакова сравнивать морское искусство Петра с искусством западноевропейских адмиралов. Но из них один только голландец Рюйтер¹ казался ему достойным похвалы.

У этого Рюйтера стоило поучиться. Но Петр был понятней и ближе. Ушаков ясно рисовал себе, каким должен быть флотоводец, когда размышлял о Петре в Гангутском бою.

В этом сражении, где обстановка все время менялась, смелость Петра и быстрота принятых им решений явили собой непревзойденный пример.

Решимость указывала путь Ушакову. Перед ним часто

¹ Р ю й т е р (1617—1676) — известный голландский адмирал.

вставала картина Гангутского боя: на шумных веслах атаковали шведов петровские скампавеи¹; впереди, стоя в шлюпках с обнаженными шпагами, шли командиры; они вели суда и отряды судов в атаку, как ведут войска на сухопутный штурм.

Ушаков сожалел, что этот обычай утрачен. Но с тех пор многое изменилось во флоте. Осторожные люди появились всюду. Они извратили полезного Госта — взяли от него лишь то, что оберегало их покой...

Была узкая вода. Флот должен был ее расширить.

Предстояли сражения на морях. Они должны были разыграться по Госту, который, казалось, предусмотрел все. Но в прославленном руководстве указывались способы, а не путь к победе. Было неясно, что важнее: ремесло, наука или искусство флотоводца. Но это могло притти лишь с годами, с великим опытом боевой жизни. Это было впереди...

Он снова взял флейту. Пальцы его пробежали по клапанам — в камерке прозвучал марш Суздальского полка.

— Искать!.. Быть может, всю жизнь искать должно! — сказал он вслух, положил флейту и закрыл книгу. — «Не всякий прут по заказу гнут»!..

Потом он достал с полки толстую тетрадь и перелистал ее. Его рукой были сделаны выписки из петровских «Артикулов» 1722 года. Он сунул в чернильницу перо и трижды подчеркнул нужное место. Это был наказ офицеру: не держаться, «яко слепой — стены», буквы устава, ибо в уставах «порядки писаны, а времен и случаев нет».

¹ Скампавея — галера облегченного типа на сто пятьдесят человек десанта и гребцов.

Глава II

ЧЕСМЕНСКИЙ БОЙ

«Играть до последнего!»
Приказ адмирала Спиридова
в Хьюсском бою

1

ОДА узка́! — твердил юный Петр, переходя со своими потешными корабликами с реки Яузы на Измайловский пруд и оттуда на Плещеево озеро у Переславля. — Вода узка́! — повторял он с ожесточением, порываясь на морской простор.

Оторванность от морей была одною из причин отсталости России. Петр хорошо понимал это, начиная борьбу со стариною. И, работая на своих верфях, разгибая натруженную спину, он недаром говаривал: «Трудимся в поте лица!..»

Трудом, подвигом надо было вернуть потерянное, то, что издавна принадлежало по праву: русский народ имел выходы к морю и славился морскою силою еще во времена Киевской Руси.

Князья Олег, Игорь не раз ходили морем на Византию. Число их ладей простиралось иногда до двух и более тысяч. Тревожная весть часто летела по побережью: «Русь идет!.. Покрыли море корабли!..»

Русское население обитало в Тавриде уже в X сто-

летию. Это оно помогало князю Владимиру и кормило его дружину, когда он осаждал Херсонес.

В IX—X веках арабы иначе не называли Черное море, как Русским. Но в XII веке это название стало забываться. Морские походы затихли. Раздробленность ослабила Киевское государство; упадок его довершило татарское нашествие, отрезавшее Русь от южных морей.

Только север сохранил выход к морям Балтийскому, Белому и к Ледовитому океану. Но вскоре шведам удалось «затворить» Балтику и оторвать от Новгорода часть Карелии. За новгородцами остались только Нева и берег Финского залива между Наровой и Сестрой.

Юг же Русской земли попрежнему не имел доступа к морю. На северном Черноморском побережье окрепло наследие татарского ига — живший набегами и работорговлей Крым. Крымский хан Менгли-Гирей в 1492 году построил Кара-Керменскую крепость (Очаков) и запер ею выход из Днепра в лиманы. За ханом стояла новая сила — Турция, овладевшая руинами Византии. Она выдвинула далеко в черноморские степи свой авангард — Крымскую орду...

Создать большой, сильный флот стало делом жизни Петра, стремившегося выйти к морю на севере и юге. Иноземцы советовали ему сперва добыть безопасные гавани, но он отвечал: «Флот сам себе отыщет гавань!» и продолжал строить галеры и корабли.

При нем в разных местах страны появилось двадцать пять верфей. В 1710 году вступили в строй первые русские корабли 50-пушечного ранга.

Всего при Петре было спущено на воду более тысячи судов.

Россия имела все необходимое для того, чтобы стать морской державою: корабельный лес, пеньку, смолу, парусину и, главное, отважных людей, от начала своей истории связанных с морем и лишь временно оторванных от него...

Утверждаясь на Балтике, Петр упорно думал и о Черном море. По его указу, были разведаны подступы к лиманам. Пороги на Днепре он пытался обойти каналом и уже начал пробивать его в береговом граните, чтобы сделать насквозь судоходной великую реку.

Воронеж — Азов — Таганрог были вехами на его пути к югу.

Он завещал потомкам «добыть» заветное Русское (Черное) море. А чтобы дело его не пришло в забвение, велел свято чтить память о первенцах русского флота и строго наказывал переславльским воеводам: «Надлежит вам беречь остатки кораблей, яхт и галеры; а буде опустите, то взыскано будет на вас и потомках ваших, яко пренебрегшии сей указ».

2

Враждебный России Крым искал союзников для борьбы с нею. Взоры хана Крым-Гирея давно уже обращались к Пруссии. Еще во дни своей молодости он послал в Берлин гонца к Фридриху II — сказать ему, что «ханское сердце бьется за прусского короля».

1761 год поверг «непобедимого» Фридриха в отчаяние. Неудача преследовала его по пятам. Год назад разбитый в Восточной Пруссии, он уже терял Померанию, где крепость Кольберг успешно штурмовали русские войска.

В самый тяжелый для короля момент к нему в лагерь под Штреленом прибыло посольство крымского хана: Крым-Гирей предлагал Фридриху союз против России, обещая немедленно прислать вспомогательный корпус из шестнадцати тысяч татар.

Спасительная мысль осенила Фридриха. С самого начала Семилетней войны он пытался привлечь на свою сторону Турцию, но она упорно сопротивлялась союзу с Пруссией. И он решил объединиться с крымским ханом, чтобы таким путем втянуть Порту¹ в войну.

Он послал к Крым-Гирею своего адъютанта фон-дер-Гольца, и в Бахчисарае был заключен прусско-татарский союз. Однако надобность в этом союзе вскоре отпала,

¹ Порта (Оттоманская, обычно с эпитетом «Блистательная» или «Высокая») — русское наименование Турции и турецкого правительства, употреблявшееся в XVIII—XIX столетиях и в начале XX-го; происходит от турецкого «Баб-и-Али» («Высокая Дверь»), как назывался вход в султанский дворец в Константинополе (Стамбуле). «Высокая Порта» — перевод французского «La Porte Sublime».

так как умерла императрица Елизавета Петровна и воцарился Петр III, заключивший с Фридрихом мир.

Прусский король стремился ослабить Россию, как позднее добивались того же другие державы. Пруссия первая из европейских государств попыталась вмешаться в спор за Черное море и поддержать Турцию против России в неминуемо предстоящей между ними войне.

3

Богатство Оттоманской Порты и подвластного ей Крыма сильно поддерживала работорговля. На рабов был большой спрос в султанском флоте; ценились рабы и в турецком сельском хозяйстве: анатолийские турки руками невольников обрабатывали свои поля.

Крымцы чуть ли не каждые пять лет совершали набеги на украинские, польские и русские земли, угоняли жителей и в Каффе (Феодосии) продавали их генуэзским купцам.

Из-за этих набегов население Украины, Польши и Великороссии за четыре века уменьшилось почти на пять миллионов. Русские пленницы наполняли турецкие гаремы; русские гребцы звенели кандалами на турецких, венецианских и даже на французских судах.

Так продолжаться долее не могло — война за Крым была неизбежной. С 1764 года началось усиление русского флота. Турция также готовилась к войне.

Между тем успехи русских войск в Польше вызвали враждебные действия со стороны французского двора. Франция, боясь усиления России, видела в ней опасного соперника — «друга своих недругов и врага своих друзей». Она стала добиваться от Турции разрыва отношений с Россией. Венгерский барон Тотт, находившийся на французской службе, хлопоча о союзе Франции с крымским ханом, прибыл для этой цели в Бахчисарай.

Осенью 1768 года Франция добилась успеха: гурки бросили русского посланника Обрезкова в Семибашенный замок. Так они обычно поступали с послами, когда хотели объявить какому-нибудь государству войну.

Россия приняла вызов. Зима прошла в приготовлениях к борьбе.

Война началась весной вторжением крымского хана на Украину. Против него выступил генерал Долгоруков. Две другие армии — князя Голицына и Румянцева — двинулись к Дунаю против главных сил сераскира-паши.

Чтобы отвлечь силы Турции от Дуная, решено было нанести ей удар «с тыла», подняв восстание в Греции и на Балканах, где христианское население изнывало под турецким гнетом. На славянских и греческом языках было напечатано воззвание, чтобы «зажечь огонь во всех местах».

Русский подполковник Каразин в одежде богомольца распространил это воззвание в Черногории, нося его в посохе и корешке псалтири. На Балканах, островах Архипелага и на полуострове Морея вспыхнуло восстание. Но это было лишь частью плана. Россия готовилась предпринять более серьезный шаг.

Двум эскадрам Балтийского флота было приказано обогнуть Европу, войти в Эгейское море и угрожать самой столице Порты, проникнув в Дарданельский пролив.

В июле 1769 года вышла в свой рейс первая эскадра — под командованием адмирала Спиридова: семь кораблей, один фрегат, один бомбардирский корабль и шесть вспомогательных судов с десантом.

Вторая эскадра — под командованием контр-адмирала Эльфинстона (три корабля, два фрегата и четыре транспорта с войсками) — покинула Балтику в октябре.

На корабле «Три святителя», входившем в состав эскадры Спиридова, отправился на Мальту маркиз Кавалькабо, назначенный туда русским поверенным в делах.

Екатерина II решила обратиться к Мальтийскому ордену как к возможному союзнику в войне с турками, так как орден с XVI века, когда он был основан, считал себя «хранителем Средиземного моря от мусульман».

Мальтийцы имели небольшой флот и успешно боролись с корсарами. Среди членов ордена было много французов, испанцев, итальянцев. Орден был католический и считался подчиненным неаполитанскому королю.

Русский поверенный, предложивший мальтийцам союз с Россией, получил ответ, что это встретит большие затруднения. Ему сказали, что орден придерживается

взглядов Франции, Испании и Неаполитанского королевства, а эти государства решили соблюдать нейтралитет.

Тем временем эскадра Спиридова бросила якорь в Ливорно. Переход из Балтики в Средиземное море обошелся ей дорого: от недостатка пресной воды и от гнилой солонины умерло двести восемь человек команды и на кораблях было более трехсот больных.

Во Франции и Италии посмеивались над бедствиями русского флота. Там не верили, что флот этот сможет бороться с турецким, будучи так плохо снабжен и оторван от своих баз.

Но умнейший человек Франции, Вольтер, нашел русский план превосходящим планы величайших полководцев древности.

По всей Морее и Эпиру пылало восстание. Шестидесят тысяч греков поднялись с оружием за свою свободу. И Екатерина писала Румянцеву: «В Леванте¹ всё в огне, и только что флот ждут».

4

Эскадра Спиридова в феврале пришла в воды Морей.

Высаженный с русских кораблей десант осадил Наварин — сильную морскую крепость на западном Морейском побережье. После шестидневного штурма ее взял бригадир морской артиллерии Иван Ганнибал.

В апреле прибыл в Наварин и сделал его своей главной квартирой главнокомандующий всеми русскими силами в Архипелаге граф Алексей Орлов.

Спиридов и Эльфинстон в июне соединились у острова Цериго. Орлов принял начальство над эскадрой и поднял свой флаг на корабле «Три иерарха». Командиром его был капитан 1-го ранга Грейг².

Получив известие, что турецкий флот стоит у острова Хиос, ожидая подкреплений из Дарданельского про-

¹ Л е в а н т — общее название стран, примыкающих к восточной части Средиземного моря: Турции, Сирии, Египта и т. д. В данном случае подразумеваются Морей и Эпир.

² Г р е й г С. К. (1736—1788) — впоследствии адмирал.

лива, Орлов решил немедленно напасть на турок, чтобы предупредить соединение их эскадр.

Утром 24 июня¹, по сигналу «гнать за неприятелем», русский флот — девять кораблей, три фрегата, один бомбардирский корабль и мелкие суда — вошел в Хиосский пролив.

У Анатолийского берега, близ крепости и порта Чесмэ, стояла турецкая эскадра — шестнадцать кораблей, четыре фрегата и более пятидесяти галер, бригов, фелук и галиотов. Дарданельская флотилия уже прибыла — опередить ее не удалось.

Турецкий флот стоял на якоре в две линии; в первой из них — десять самых больших кораблей.

Противник располагал превосходными силами. Русский главнокомандующий не был моряком; а Спиридов и Эльфинстон не ладили между собою. Тем не менее все — матросы и командиры — были полны одного желания: истребить неприятеля или пасть.

Грейг, ученик английской школы, предложил план атаки. Это был обычный для того времени способ, прочно утвердившийся в британском флоте и уже три четверти века господствовавший в боях.

Было решено атаковать неприятельский авангард и часть центра, спускаясь кильватерной колонной² и ведя бой в линии параллельно противнику. При этом Спиридов рассчитал, что командиры судов второй турецкой линии не посмеют при противном ветре сняться с якоря, чтобы помочь своим передним атакованным кораблям.

Русская эскадра в строе кильватерной колонны начала спускаться на противника. Турецкий адмирал Ибрагим-паша бежал со страху на берег, и команду над неприятельским флотом принял алжирец Хуссейн-бей.

Когда головной корабль «Европа» подошел на пушечный выстрел, турецкий флот выкатил клубы дыма, весь осветился, и раздался оглушительный, с перекатом залп.

Но русский авангард не отвечал. Его экипажи управ-

¹ Все исторические даты указаны по старому стилю; лишь в отдельных случаях, для большей точности, — по старому и новому стилям.

² Кильватерная колонна — строй судов, идущих одно за другим, «в струе» идущего впереди корабля.

ляли парусами, как на маневрах. Командир головного корабля капитан 1-го ранга Клокачев продолжал идти своим курсом — ложиться борт о борт с противником. Когда подошли на расстояние кабельтова¹, турецкий флот снова завалило дымом — он открыл огонь, стреляя по рангоуту² и парусам.

Корабль «Европа» получил повреждения и временно вышел из строя. Его место занял шедший следом 66-пушечный корабль «Св. Евстафий». Командовал им капитан Круз.

Под огнем пяти турецких судов он двинулся на сближение с Хуссейн-беем и атаковал его 90-пушечный корабль «Реал-Мустафа».

По шканцам «Евстафия», в полном мундире, с обнаженной шпагой, спокойно ходил Спиридов. На юте корабля играла музыка. Адмирал приказал: «Играть до последнего!» «Евстафий» совсем близко подошел к неприятелю и теперь посылал в него свои залпы в упор.

Внезапно ветер стих, и русский корабль с перебитым рангоутом, порванными парусами и снастями понесло на турецкий. Тогда Круз, продолжая вести огонь вдоль борта противника, бросил свою команду на abordаж...

Корабль «Три святителя» следовал за «Евстафием». Вскоре, с перебитыми фока-брасами, он «упал» почти в середину турецкого флота и принужден был отстреливаться на оба борта, двигаясь между двух огней.

Издали доносились глухие пушечные удары. Это отставший арьергард под начальством Эльфинстона приближался к месту боя, стреляя из своих пушек.

Между тем русская эскадра вновь строилась в линию. Пришлось изменить план атаки и сражаться, отдав якорь. Корабль «Три иерарха» первый стал против турецкого флагмана и повел с ним бой.

А «Евстафий» крепко сошелся с противником. Его оркестр продолжал играть. На «Реал-Мустафе» завязалось жаркое дело.

Один русский матрос кинулся срывать турецкий кор-

¹ Кабельтов — морская мера длины — 185,8 метра.

² Рангоут — совокупность всех деревянных брусьев, служащих на судне для поддержания и растягивания парусов (мачты, реи, стеньги и т. д.).

мовой флаг. Его ранили в правую руку; он протянул левую — ранили в левую; он вцепился во флаг зубами и, заколотый турком, пал мертвый с флагом в зубах.

Флаг, изорванный в клочья, все же был доставлен Спиридову.

В это время на турецком корабле начался пожар.

В зное июньского полдня сухое корабельное дерево и просмоленные снасти загорались, как порох. Обоим кораблям угрожала гибель. Хуссейн-бей прыгнул за борт и был подобран своими шлюпками. Вслед за ним и вся турецкая команда стала спасаться вплавь.

По сошедшимся реям и такелажу пламя перекинулось на «Евстафий». Со всего русского флота к нему спешили шлюпки. Спиридов оставил корабль и перенес свой флаг на ближайший. Оркестр продолжал играть, выполняя приказ.

Горящая грот-мачта турецкого корабля рухнула на палубу русского. Пылавшие головешки попали в пороховой погреб. Взрыв мгновенно уничтожил всю надводную часть «Евстафия». Вслед за ним подняло на воздух и «Реал-Мустафу».

Удалось спасти только Круза и шестьдесят человек команды.

Корпуса погибших кораблей пылали, и ветром их наносило на турок.

Отряд Эльфинстона входил в линию.

Но противник уже рубил якорные канаты, спеша укрыться в бухте Чесме.

5

Турецкий флот теснился без всякого строя.

Весь день 25 июня русские зорко стерегли Чесменский залив.

Наступила ночь. Капитану Грейгу был дан приказ атаковать неприятеля четырьмя кораблями, двумя фрегатами и одним бомбардирским кораблем.

Бригадиру артиллерии Ганнибалу было приказано превратить четыре греческих судна в брандеры¹. В течение всего дня суда эти наполнялись горючим материа-

¹ Брандер — парусное судно, нагруженное горючим материалом, зажигаемое и направляемое на неприятельские суда.

лом, ящиками с гранатами и стружками; на реях крепились железные крючья для сцепки с неприятельским кораблем.

К вечеру брандеры были готовы и держались на ветре под парусами. Лейтенанты Ильин, Дугдаль, капитан-лейтенант Мекензи и мичман Гагарин вызвались вести их на турецкий флот.

Для атаки были назначены корабли «Ростислав», «Европа», «Саратов», «Не тронь меня», фрегаты «Африка» и «Надежда» и бомбардирский корабль «Гром».

Грейг поднял свой вымпел на «Ростиславе». В полночь на его кормовом флагштоке показались три фонаря, и весь отряд двинулся на турок. Чтобы отвлечь их внимание от брандеров, в полной темноте был открыт огонь.

Еще до того как был дан сигнал, корабль «Европа», бывший более всех под ветром, вошел в бухту. Клокачев сделал это, опасаясь, что ветер нанесет его судно на песчаную банку, хотя по диспозиции он должен был идти вторым. Корабль «Европа» бросил якорь в южной части бухты, открыл огонь и некоторое время сражался один со всем турецким флотом, пока прочие корабли не пришли на места и не вступили в бой.

С обеих сторон полетели бомбы и ядра. Так продолжалось около двух часов, пока один из каркасов¹ «Грома» не зажег на турецком корабле грот-марсель. Вскоре запылал второй турецкий корабль. Пламя осветило бухту, и по сигналу Грейга взвились три ракеты. Тогда брандеры ринулись на турецкий флот.

Первый из них был перехвачен неприятельскими галерами. Два других также не достигли цели. Один лишь Ильин — на четвертом брандере — удачно пристал к большому 84-пушечному кораблю.

Сцепившись с ним, он на глазах у турецкого экипажа зажег свое судно, без всякой торопливости пересел в шлюпку и налег на весла. Брандер запылал, охватывая пламенем корабль противника, и огонь быстро перекинулся на другие турецкие корабли.

Два из них, уже зажженные русскими каркасами, взорвались первыми.

¹ К а р к а с — зажигательный снаряд.

Грейг сделал судам сигнал оттянуться на безопасное расстояние, но сам со своим кораблем остался на месте до полного завершения дела. Он лишь приказал как можно туже перекрепить паруса, обливать их из брандспойтов и окачивать ведрами палубы и борта.

В третьем часу раздались новые тяжкие удары: три турецких корабля погрузились кормой в воду; днища их высоко поднялись, продолжая пылать.

До рассвета взрывы уничтожили еще три корабля противника.

Настало утро, мрачное от густо летавшей копоти; какие-то черные лохмотья мелькали и мотались в дыму.

В шестом часу взорвались три корабля — девятый, десятый, одиннадцатый.

В седьмом — подняло на воздух еще четыре корабля.

Всего их погибло пятнадцать; кроме того — два фрегата, более сорока мелких судов и около трехсот шлюпок. Турки потеряли до одиннадцати тысяч человек экипажа. У русских было убито сорок три и ранено двадцать пять.

* * *

Маркиз Кавалькабо, продолжавший оставаться на Мальте, первый сообщил в Петербург о победе.

Одновременно он послал Вольтеру подробное описание боя, предлагая увековечить это событие в прозе или стихах.

Вскоре маркизу пришлось убедиться, что успехи русских в Архипелаге ухудшили дела с Мальтой.

«Победы наших войск, — доносил он в столицу, — потурчили всю Европу, не исключая святого отца и Мальтийский орден».

А Франция отправила в Турцию своих инженеров, чтобы помочь Порте восстановить флот.

Орлов отказался от мысли вести войну в Море, ибо разрозненные отряды греков не могли продолжать борьбу с регулярными турецкими войсками.

Но русские приобрели полное господство в водах Архипелага. Адмирал Спиридов написал об этом восторженные слова:

«Неприятельский военный турецкий флот атаковали, разбили, разломали, сожгли, на небо пустили, - потопили и в пепел обратили, а сами стали быть во всем Архипелаге господствующи».

Морская сила Турции оказалась подорванной.

И в России выбили медаль в честь Чесменской победы с изображением горящего турецкого флота и короткой надписью: «Б ы л».

Глава III

„НЕ К МАСТИ КОЗЫРЬ!“

«Надлежит начинать солидным, а кончать блистательным».

Суворов

1

ВКИПАЖИ судов Азовской флотилии праздновали годовщину Чесменской победы. В этот день к флотилии прибыл из Таганрога вице-адмирал Сенявин¹, и офицеры торопились на торжественную встречу в Азов.

Девятнадцать небольших кораблей стояли недалеко от донского устья. Это был молодой, поспешно созданный флот, недавно проведенный по Дону в Азовское море. Против самых гирл² теснилось множество мелких судов и несколько пловучих батарей — прамов, — плоскодонных, громоздких, вооруженных тяжелыми пушками. Рядом с прамом «Дефев» стоял бот «Курьер» — двухмачтовое посыльное судно.

Командовал им лейтенант Ушаков.

Пять лет назад выпущенный из корпуса мичманом,

¹ Сенявин А. Н. (1716—1797) — вице-адмирал, начальник Азовской флотилии.

² Гирло (укр.) — горло, разветвление речного русла, рукав.

Он был сначала зачислен в галерный флот; потом совершил на военном транспорте «Нарген» переход из Кронштадта в Архангельск, а лето следующего года провел в плавании вблизи берегов Швеции.

За год до начала турецкой войны состоялся указ о снаряжении Азовской флотилии, и Ушаков получил назначение на юг.

Три тысячи плотников застучали топорами в Таврове, Новопавловске и Хоперске, восстанавливая старые петровские верфи. По особым чертежам Адмиралтейств-коллегии на них начали строить парусно-гребные суда с малой осадкой, чтобы свободно проходили через мелководный донской бар¹.

Их сплавливали Доном при помощи многих перегрузок. В низовьях реки, у крепости св. Димитрия Ростовского², они останавливались, получали вооружение и оснастку и дожидались прибылой воды. Потом они проходили через донские гирла и достигали Таганрога. Но и там, даже на выходе в море, не всегда была «вольная» — достаточной глубины — вода.

Способный, неутомимый вице-адмирал Сенявин принял начальство над «Донской экспедицией». Тихая степная река доставила ему много хлопот. Воды ее быстро поднимались и спадали. Проводить в море суда было нелегкой задачей. Для этого требовались расторопные, находчивые командиры. Ушаков учился всему у Сенявина и не раз выручал застрявшие на Дону суда.

На пловучих батареях началась его служба в Азовской флотилии: сперва на праме № 5, потом на праме «Дефоб».

У неуклюжих этих судов нос и корма были одинаковы. Малоподвижный, вооруженный одними тяжелыми пушками, прам походил на береговой форт.

Служа на прамах, Ушаков свел короткое знакомство с судовыми орудиями, оценил силу корабельной артиллерии и пришел к мысли, что ею должно пользоваться по-новому, сочетая «плотный», прицельный огонь и маневр.

¹ Бар — мелководная гряда перед устьем реки, перекат.

² Позднее — порт и город Ростов на Дону.

Весь минувший год он водил караваны Доном до Таганрога и совершил свой первый скромный подвиг: снял припасы и материалы с затопленных на Дону транспортов, которые уже считались пропавшими, и доставил на место самые суда...

Служба давала ему опыт, но не радовала и томила. Где-то, за морями, встретились большие флоты и прогремели залпы Чесменского боя, а здесь дни проходили в тихом дозоре, в посылках, без единой встречи с противником. И Ушаков ждал своего часа, уверенный, что этот час придет...

Шлюпка с «Курьера» доставила его на берег.

Угрюмый капитан-лейтенант Тишевский уже поджидал его на песчаной отмели, в тележке, запряженной коренастой калмыцкой кобылкой. По прибитой июньским ливнем дороге они отправились в Азов.

Нагретая за день земля дышала сухим, ровным теплом. Обильный, но короткий дождь ничуть не освежил ее.

Вокруг расстилалась древняя приазовская степь. Ушакова связывало с нею глухое родовое предание. Ему не раз доводилось слышать, что еще во времена Тьмутараканского княжества отсюда вышел его предок — Ушак, один из адыгейских князей...

Азов открылся уже на закате со своими похожими на овраги улочками, остатками турецкой каланчи и толстой, еще генуэзской кладки, крепостной стеной. По косогорам тянулись белые казацкие мазанки, а в крепости стояло несколько рубленных из сплавного леса изб.

Тележка подкатила к одной из них, где помещалась штаб-квартира Сенявина. Прибывшие вошли в просторную горницу, убранную андреевскими флагами и полевыми цветами. Командиры оживленно хлопотали у стола.

Сенявин был точен и приехал тотчас после выстрела зоревой пушки. Поздоровавшись с собравшимися и окинув комнату взглядом голубых нестареющих глаз, он заложил руку за борт мундира и достал конверт с вензелем и короной.

— Письмо ее величества!.. — объявил он торжественно и прочел: — «С большим удовольствием усмотрела я, что 17-го мая российский флаг веял на Азовском мо-

ре после шестидесятилетней перемирия; дай бог вице-адмиралу Сенявину счастливый путь и добрый успех...» Напутствие государыни, — добавил он, бережно вкладывая письмо в конверт, — должно отнести ко всему нашему молодому Азовскому флоту... Предлагаю тост за здоровье ее величества!.. — И он приветливо улыбнулся. — Прошу обратить внимание на сей благородных размеров графин!..

Была дружно выпита водка, и вице-адмирал поздравил моряков со славною годовщиною. Все сели за стол. Внесли зажженные свечи, и стало уютно, как при встрече добрых друзей.

— Ну, господа, — сказал Сенявин, — год назад положили мы доброе начало делу. Надобно так же хорошо его продолжать... Армия генерала Долгорукова идет к Перекопу. Нашей флотилии приказано поддержать действия сухопутных войск, помочь им занять Керчь и Еникале и сделать Азовское море недоступным для неприятеля. Отечество ожидает от вас подвигов, столь же славных, как Чесменское дело и Кагул!..

Громким «ура» встретили моряки слова командира и по второму разу наполнили чарки.

— А Кагул, пожалуй, Чесмы стоит, — обратился к Ушакову вечно смеющийся капитан-лейтенант Скрыплев. — Тридцатитысячное русское войско совершенно разбивает сто пятьдесят тысяч турок! Даже представить трудно, как это могло произойти!

— Я слышал в Таганроге от одного офицера... — медленно проговорил Ушаков. — Он видел все своими глазами... Дело решили новая тактика Румянцева, превосходство русской артиллерии и стойкость наших солдат.

— Это какая же тактика? — заинтересовался Тишевский.

— Пехота строилась несколькими каре; они взаимно поддерживали друг друга. Турецкая конница, атакуя одно каре, попадала под огонь других...

— Этаких два удара: один — в июне, другой — в июле!.. Тяжелый год для противника! Хотя он еще силен.

— На море весьма усиливается, — подтвердил Скрыплев.

— Стало быть, и нам, морякам, нужна новая тактика, — сказал Ушаков.

— А нынешняя чем плоха? — спросил Тишевский. — Мало вам, что ли, когда за двое суток уничтожается такой флот?!

— Да ведь как сказать... Если как следует разобратся...

— Трезвому не разобратся! — смеясь, перебил Скрыплев и потянулся к графину.

Ушаков продолжал, все так же растягивая слова:

— Нынешняя тактика не на всякий случай пригодна. Ибо случаи и обстоятельства бывают разные, а способ атаки у нас один...

Тишевский и Скрыплев с изумлением слушали Ушакова.

А он говорил, постепенно возвышая голос и уже не замечая собеседников, зримо представляя себе атакующую эскадру и подернутый дымом сражения пролив:

— Турки в Хиосской баталии были атакованы правильно, хотя не думаю, чтобы их иным, лучшим образом нельзя было атаковать...

— Для чего же — иным образом? — хмурясь, спросил Тишевский. — Ведь флот наш великую одержал победу!

— Одержал, бесспорно. Но дабы и впредь победы он мог одерживать, надлежит нам владеть искусством маневра. А мы от старины отступить не смеем. Знаем одну атаку в строе, параллельном противнику, — и всё!

Тишевский насутился еще больше:

— Вы с такою твердостью о сем судите!..

— Еще будучи в корпусе, я много занимался морской тактикой. И сейчас о том же думаю.

— Вот он у нас каков! — вставил Скрыплев, наливая по чарке себе и товарищам. — А ведь все молчком, молчком!..

— Благодарствуйте, я пить не стану, — сказал Ушаков и посмотрел на Тишевского.

Капитан-лейтенант морщил лоб, усиленно о чем-то думая, и, словно поймав наконец какую-то ускользавшую мысль, спросил:

— Что же, по-вашему, есть Чесменский бой?

Ушаков, подумав, ответил:

— Нынешний век знает мало решительных встреч линейных флотов. Забыты пути к таким встречам, утрачено такое искусство. Флотоводцы стремятся не выиграть битву, а более уклониться от нее. Чесменский бой есть зачин нового морского искусства для нашего флота. Хотите знать почему? Извольте!.. Спиридов решился атаковать сильнейшего противника и довести до конца сражение!.. Но сия решимость — только начало. Новую тактику еще надо создать!

Тишевский снова наморщил лоб и сказал с раздражением:

— Тонкую вашу материю полагаю излишнею для командиров пловучих батарей и посыльных ботов.

— Не вечно же нам на посыльных ботах находиться, — возразил Ушаков.

— Федор Федорович о корабле мечтает, — сказал с усмешкою Скрыплев.

— А может, и об эскадре, — холодно произнес Тишевский.

Розовое лицо Ушакова занялось румянцем, но он ничего не ответил и замолчал, будто запер себя на замок...

Уже под утро он вышел на крыльцо. За столом еще сидели. Из окна рвалась могучая песня:

Успокойся ты, море синее,
Не волнуйся ты, море Средиземное...

Это была песня о походе русского флота в Архипелаг. Ушакову хотелось побыть одному. Он пошел к реке, с легкой досадой думая о товарищах. Неплохие ребята — простоватый Скрыплев и усердный, осторожный Тишевский — были славными моряками, но «тонкости» военно-морского дела не занимали их...

Предраассветный ветерок дохнул Ушакову в лицо, и он вдруг почувствовал свое одиночество и свою молодую силу. Это чувство было похоже на какое-то беспричинное торжество.

Степная бескрайная ширь обступала его со всех сторон. Он стоял на речном берегу, на страже своей древней родины, и смотрел на сигнальные огни каравана, идущего по течению.

В великом просторе неба перемещались звезды, и в станице на другой стороне Дона кричали вторые петухи.

— Порты считают, что крепости Еникале и Тамань суть глаза ее безопасности, — говорил в Бухаресте турецкий посол русскому.

Русский посол Обрезков, только что выпущенный турками из тюрьмы, отвечал:

— Ваше превосходительство глазами Блистательной Порты называете Еникале и Тамань; из них Россия берет один для себя, другой отдает татарам, а Блистательной Порте дозволяет построить для себя третий глаз, чтобы видеть проход российских судов в Черное море...

Но турецкий посол уверял, что для построения третьего глаза нет подходящего места.

Переговоры тянулись долго и ни к чему не привели...

Еникале и Тамань не были главным предметом спора. Турки упорствовали больше всего в нежелании признать независимость Крыма, провозглашенную осенью 1771 года, когда крымцы вынуждены были заключить мир.

Войска Долгорукова, поддержанные флотилией Сенявина, дважды разбили крымского хана Селим-Гирея и взяли Ферх-Кермен¹, Гезлев², Балаклаву, Каффу, Керчь, Еникале и Тамань.

Крым был объявлен независимым — под покровительством России, и с Турцией открылись мирные переговоры. Они тянулись до марта 1773 года, а весной снова началась война.

Флотилии Сенявина пришлось нести крейсерскую службу вдоль Крымского побережья. Базой крейсеров сделалась Балаклава. Ушаков командовал в этой флотилии ботом «Курьер».

Балаклавская бухта, тихая и глубокая, похожая на горное озеро, была на редкость удобна для стоянки флота. Любой шторм замирал, стиснутый в ее узкой горловине, пропускавшей в глубину бухты только самую легкую зыбь. Голые розовые скалы закрывали ее от всех ветров, и тишина не нарушалась даже во время бурь, когда совсем близко грохотало об утесы море. Для

¹ Ферх-Кермен — татарское название Перекопа.

² Гезлев — татарское название Евпатории.

неприятельских судов вход в узкую, хорошо защищенную бухту был неприступен. Но противник мог в других местах угрожать побережью: его эскадра стояла близко — у мыса Таклы, а войска — на Таманском берегу.

Ушаков ходил в Таганрог, Каффу, возвращался в Балаклаву, занимал брандвахтенный пост у Керченского пролива, находился в крейсерстве у берегов.

Его бот «Курьер» имел четырнадцать десятифунтовых пушек¹ и две гаубицы, хорошо слушался руля и был легок в ходу. Ушаков учился на нем управлять парусами, стремясь в совершенстве овладеть искусством придавать в бою быстрые и выгодные движения кораблю.

Прикрывая Керченский пролив и Крым, русские корабли не раз перестреливались с турецкими. Но дело редко доходило до сражений. Чаще всего это были мелкие стычки, осторожное взаимное разведывание сил.

После каждой такой встречи Ушаков брал вахтенный журнал, внимательно прочитывал его и делал выписки. Он изучал характер противника — старался понять, в чем его слабость, каковы его искусство, повадка, стойкость в бою.

Однажды случилось, что русская эскадра встретила вражескую. Турецкий флагман тотчас же начал обходить свои корабли, делая каждому командиру словесные указания. Но когда обе эскадры построились и русские начали атаку, турки уклонились от боя и ушли. Вскоре то же самое произошло вторично. (Ушаков был участником обеих встреч с противником.) «Это что же?! — подумал он. — Турецкие адмиралы наставляют своих командиров словесно! Стало быть, на сигналы во время сражения не надеются?! Стало быть, турки без флагмана не могут вести бой?!»

Его осенила мысль, которая впоследствии сделалась путеводной. Но он хорошо понимал, что для решения стоявшей перед ним задачи понадобятся годы. Нужно было не только изучить противника, но и выдвинуть против него новый способ борьбы.

Таким способом Ушаков считал сочетание огня и маневра. Но для этого нужны были точность и быстрота

¹ Десятифунтовая пушка — стреляющая ядрами весом в десять фунтов.

действий. И он размышлял о людях, об экипажах кораблей, о тех, кому в скором времени придется сражаться по-новому. Он думал, что их надо заранее к этому подготовить, потому что от их сноровки и выучки и будет главным образом зависеть успех.

Его тетради заполнялись заметками, отрывочными и пространными планами — чему и как обучать «морских слугителей»¹. Он наблюдал матросов-новичков в походах, видал их в боевых переделках. Олонецкие, тульские, тверские ребята исполняли новое для них дело так же споро и неутомимо, как дома у себя пахали и косили. И Ушаков говорил себе: «С такими людьми можно не только за свои берега быть спокойным, но и неприятельским берегам беспокойство учинить».

1773 год был на исходе. Ушаков пришел в Балаклаву. Его назначили командиром на 16-пушечный корабль «Морея», а вскоре перевели на другой такой же корабль, «Модон».

Море, завещанное Петром, лежало у ног Ушакова, дышало соленой влагой, оставляло свои брызги на его лице. Теперь оно было рядом, со своими глубокими бухтами и чудесными рейдами. И становилось понятным, как нужно «великое флота строение», чтобы сберечь этот простор.

Флотилия зимовала. Мокрый снег падал на балаклавские скалы; он тут же таял, и над ними снова открывалось яркое синее небо. Команды были заняты ремонтом судов.

Весной вспыхнуло татарское восстание. Турки пытались высадиться у Балаклав, и корабль «Модон» участвовал в отражении десанта. Потом снова наступила тишина.

Дни Ушаков проводил на корабле, а вечера коротал на берегу в одиночестве. Командиры Тишевский, Скрыплев, да и другие заметно стали его сторониться: он казался им одержимым несбыточными мечтами, высокомерным, холодным чужаком.

«Не к масти козырь!» заметил как-то о нем Тишевский. Это было сказано громко, и Ушаков услышал. «А может, и впрямь не к масти? — подумал он, пытаюсь

¹ Так называли в то время матросов.

взглянуть на себя глазами товарищей. — Я — тамбовский. Сторона наша — сухопутная. Ушаковы на морях почти не бывали. Может, и впрямь нужно тут не искусство, а единое только ремесло?..»

Но он тотчас же отогнал эту мысль и упрекнул себя за минутную слабость. То, что было неясно ему в книге Госта, он понял уже давно. Искусство и наука в морском деле неразделимы! Но ремесло, при слепом подчинении букве устава... Это было не по душе Ушакову.

Путь был ясен. Его указывали Петр и тот командир Суздальского полка — Суворов, слава о военных делах которого уже залетала в тихую бухту, где стояли сенявинские суда.

3

Эскадра Спиридова после Чесменской победы господствовала в водах Архипелага. Она захватывала и топила турецкие транспорты с продовольствием и, блокировав Проливы со стороны Эгейского моря, отрезала от Константинополя египетский хлеб.

Летом 1774 года русские войска на Балканах перешли к решительным действиям. Часть армии Румянцева под начальством Суворова разгромила сорокатысячный турецкий корпус у Козлуджи. Судьба кампании быстро решилась.

10 июня в болгарской деревушке Кучук-Кайнарджи Турция подписала мир.

Лукавый союзник России — прусский король Фридрих — писал в Петербург, что Порта просит его «употребить свои добрые услуги» для смягчения условий мира. Но дело обошлось без «услуг» прусского короля.

Порта признала независимость Крыма, отдала России Большую и Малую Кабарду, Керчь, Еникале и Кинбурн, согласилась на свободу русского судоходства по всему Черному морю и открыла Проливы для русских торговых судов.

Екатерина наградила Румянцева и предложила ему въехать в Москву на триумфальной колеснице, но он отказался.

Столица праздновала победу.

В Крыму стало спокойно.

Остаток года Ушаков прослужил в Таганроге, а в следующем году получил перевод в Кронштадт.

* * *

Трехмесячный отпуск домой и производство в чин капитан-лейтенанта были ему наградой за пятилетнюю службу на Дону и в Крыму. О нем уже говорили как о человеке, умеющем взяться за любое серьезное дело. И дело вскоре нашлось. Летом 1776 года была снаряжена в Средиземное море торговая экспедиция. Три фрегата Балтийского флота подняли купеческие флаги, приняли груз и отправились в дальнее плавание. На четвертом фрегате, конвоировавшем их под военным флагом, ушел в море Ушаков.

В Ливорно к экспедиции присоединились еще два судна, оставшиеся там после окончания войны с Турцией. Ушаков принял командование над одним из них — фрегатом «Св. Павел». Он начал совершать торговые рейсы от берегов Италии в Константинополь и обратно, не подозревая, что в этих же самых водах ему доведется прославить русское имя двадцать лет спустя.

Посещая Стамбул, Морею, воды Архипелага — места недавних побед русского флота, — он понял, как важен для России выход в Средиземное море и что добиться этого можно, только утвердившись на черноморских берегах.

Это стало ему особенно ясно, когда настала пора возвращаться: турки не пропустили фрегаты под купеческим флагом через Проливы, видя в этом попытку русских усилить на Черном море свой флот.

Два года и девять месяцев провели русские моряки за границей и в мае 1779 года возвратились в Кронштадт.

Тотчас по возвращении Ушаков был послан на небольшом фрегате к острову Аспэ (близ Гогланда) собрать сведения о появившихся там иностранных судах. Затем его назначили командиром корабля «Георгий Победоносец», а после закрытия навигации отправили в Рыбинск и Тверь для доставки оттуда корабельного леса. Осенью следующего года Адмиралтейств-коллегия,

отметив примерную службу Ушакова, назначила его «командиром яхты ее величества», стоявшей на Неве против Зимнего дворца...

В это время Россия решительно выступила на защиту свободы торгового мореплавания и предприняла шаг, на который не решалась еще ни одна страна.

Соединенные Штаты Америки вели борьбу с Англией за свою независимость. Сторону американцев приняли Франция и Испания. Англия вступила с ними в войну.

Крейсеры враждующих стран начали обыскивать все встречные суда, конфискуя товары, принадлежащие враждебным нациям, даже если они находились на нейтральном корабле.

Это наносило сильный удар морской торговле.

В начале 1780 года два корабля с русскими товарами были захвачены испанскими крейсерами на пути в Малагу, отведены в Кадикс и проданы там с публичных торгов.

Русское правительство немедленно отдало приказ о снаряжении пятнадцати кораблей и четырех фрегатов для защиты чести русского флага и 28 февраля обратилось к правительствам всех морских европейских держав. Призывая их последовать своему примеру, оно объявило, что суда нейтральных стран могут свободно плавать повсюду, что неприятельская собственность, исключая оружие, на таких кораблях неприкосновенна и что Россия намерена силою отстаивать свои права. К русскому заявлению примкнули Швеция, Дания, Австрия, Пруссия, Португалия и Неаполитанское королевство. Образовался союз — «Северный вооруженный нейтралитет». Англия не вступила в него, ибо сама была воюющей стороной, но дала командирам своих крейсеров более мягкие инструкции и послала учтивый ответ России, что всегда считала своею обязанностью всячески уважать русский флаг...

Европе был дан урок международного морского права.

В Кронштадте готовились к выходу в море боевые корабли.

Ушаков, томясь на императорской яхте «Штандарт», с грустью ловил слухи о предстоящем плавании. Долж-

ность «придворного капитана» сулила ему блестящую будущность, открывала доступ в круг самых сильных людей империи, но это только тяготило его. Он не умел кланяться и заискивать, быть обходительным и забавным во время увеселительных прогулок. Его прямота и суровость отталкивали от него вельможных щеголей и сановных дам.

«Не к масти козырь!» стали говорить о нем при дворе. Это дошло до него. Он усмехнулся и подумал: «На сей раз — сущая правда». И почувствовал себя счастливым, когда в сентябре 1780 года служба на императорской яхте вдруг оборвалась: его назначили командовать 66-пушечным кораблем «Виктор», уходившим в Средиземное море охранять русские суда.

4

Нечто новое рождалось на морях. Было похоже, что люди, водившие корабли и флоты, пробудились от спячки, в которой они провели почти целый век.

Испанцы с французами, осаждая Гибралтар, прикрыли свои прамы броневыми крышами из кожи и железных брусьев.

Англичане поставили на свои суда скорострельные пушки. Они назывались карронадами и действовали на малой дистанции.

Это требовало сближения с противником, то-есть нового качества — решительности в бою.

А ее-то и не было. Она только рождалась под спудом мертвых инструкций, требовавших оберегать от сражений флот.

До второй половины XVI века морской бой велся без всякого строя. Корабли держались группами. Это мешало действию их артиллерии, так как один корабль часто заслонял другой.

Чтобы устранить это, был введен строй кильватера, в котором каждое судно шло «в струе» идущего впереди корабля.

Однако флотоводцы не боялись, когда это было нужно, разбивать строй на отряды, растягивать, либо сжимать его для сосредоточения сил.

Адмиралы Рюйтер, Турвиль¹, Дюкен² действовали разумно. Они понимали, что такое обстановка. Но прошло сто лет, и об этом забыли — стали считать, что в любых условиях надо сохранять строй.

Строжайшие боевые инструкции появились в английском флоте. Их составило Британское адмиралтейство. Оно начертало непреложный девятнадцатый параграф, который гласил:

«Если адмирал и его флот находятся на ветре³ у неприятеля и растягиваются в боевую линию, авангард флота адмирала должен направиться на авангард неприятеля, и всему флоту вступить в сражение от авангарда до арьергарда последовательно каждым своим кораблем».

Риск был упразднен. В прошлое отошел маневр, в особенности такой, как прорезание неприятельской линии. Ремесло завладело боем, и легче всего стало уклониться от встречи. Искусства более не было. Оно угасло на целое столетие, но его нельзя было убить совсем.

В годы англо-американской войны французский и британский флоты выдвинули новых адмиралов. Они пытались возродить искусство и развязать сражения на море. Это были Сюффрен, Родней, Худ.

В 1782 году английский адмирал Родней вышел в Вест-Индию, чтобы воспрепятствовать французам высадиться на Ямайке.

В сражении у острова Доминика французский флот получил возможность уклониться от боя; он вышел на ветер перед самым носом Роднея, и единственным средством помешать бегству французов было прорезать их строй.

Но инструкции Адмиралтейства грозили за это карой. Их пресловутый девятнадцатый параграф предписывал командирам во что бы то ни стало держать линию⁴ и не терять своих мест.

¹ Турвиль (1642—1701) — французский адмирал; с 1693 года маршал Франции.

² Дюкен (1610—1688) — французский адмирал; одержал ряд побед над голландским флотом.

³ Если стать лицом к ветру, то все предметы, находящиеся впереди, будут на ветре, находящиеся же позади — под ветром.

⁴ Отсюда и название «линейный корабль».

Капитан флагманского корабля Дуглас ясно видел, что противник ускользнет, если авангард его не будет отрезан. Он стал убеждать Роднея сделать это немедленно. Адмирал колебался. Тогда Дуглас на свой риск отдал рулевому приказ. Родней отменил приказание. Но Дуглас, уверенный в правильности маневра, повторил свой приказ рулевому. Родней сказал: «Делайте, как знаете!» И Дуглас настоял на своем.

Отрезанные французские корабли сбились в кучу и, осыпаясь залпами карронад, пришли в полное расстройство.

Но Родней не развил успеха; он не решился на окружение неприятельского авангарда. И главные силы французского флота были упущены: из тридцати трех кораблей противника англичане захватили всего пять...

Так новое случайно, робко и медленно пролагало себе путь на Западе в то самое время, когда Ушаков, полный решимости, додумывал свою морскую «науку побеждать».

Глава IV

ЧУМА В ХЕРСОНЕ

«Не боящися ни единого страху».
Петр I

1

АВГУСТОВСКИЙ полдень 1783 года маршевая колонна матросов Балтийского флота сделала привал в приднепровской степи.

Колонна направлялась в Херсон для судостроительных работ и должна была обеспечить новые суда командами. От самого Петербурга ее вели Ушаков, лейтенант Данилов и мичман Пустошкин, назначенные на херсонские верфи наблюдать за постройкой двух кораблей.

В заграничном плавании Ушаков находился более года. Произведенный затем в капитаны 2-го ранга, он провел несколько месяцев в Петербурге, наблюдая за достройкой фрегата «Проворный», и отправился на Днепр, уже имея опыт в строительстве боевых судов.

До Херсона оставалось меньше одного перехода. Ушаков послал туда расторопного лейтенанта Данилова, чтобы приготовить для людей кров.

...Выложенный сеном возок мягко покотил по пыльной степной дороге. Уже за несколько верст от города в воздухе сильно потянуло гарью, и лейтенант увидел

дым, застилавший горизонт. Дым становился все удушливее по мере приближения к Херсону. По обочинам дороги стали попадаться горящие кучи мусора, зажженные неизвестно кем и для чего.

При въезде в город Данилова никто не остановил. Кучи камыша и бурьяна пылали на улицах, огонь повсюду преграждал дорогу. Проехать на лошади было трудно. Лейтенант вылез из возка и пошел пешком.

Часовой у казарм вытянулся перед ним и отдал честь. Данилов спросил, как пройти к адмиралтейству. Мускулы на лице солдата напряглись; он сделал отчаянное усилие, чтобы ответить, но вдруг зашатался и упал.

Данилов покачал головой, думая, что солдат пьян, и неторопливо пошел дальше. Он не сделал и двадцати шагов, как часовой с другой стороны улицы закричал, чтобы он скорее шел прочь от этого места. В ту же секунду Данилов увидел на дороге два распростертых трупа и понял, почему горят костры и отчего упал солдат.

В городе была чума.

Стараясь почти не дышать и жмурясь от разъедающего глаза дыма, лейтенант добрал до адмиралтейства и в глубине полутемного прохладного коридора отыскал адмиральский кабинет.

Главный командир Черноморского флота, герой Чесменского боя вице-адмирал Клокачев сидел за письменным столом, по-стариковски сгорбясь, в полном изнеможении. По его серому лицу и воспаленным глазам было видно, что он не спал уже много ночей.

Тучный смуглый моряк беседовал с ним, небрежно развалясь в кресле. Выражение лица у моряка было самое сладкое, а глаза сочились масляным блеском. Он удивительно напоминал черного жирного таракана, хотя и не было у него усов — во флоте не полагались усы.

Это был капитан 1-го ранга граф Войнович, уроженец Триеста, в 1770 году зачисленный на русскую службу.

Данилов подал главному командиру рапорт, но тот не принял бумаги и велел положить ее в ведро с уксусом, стоявшее у дверей.

— Ну вот! — сказал Клокачев, угрюмым взглядом следя за лейтенантом. — Прибыли в самое пекло!.. Семьсот человек морских служителей!.. Этого я страшился пуще всего!

— Батюшка Федот Алексеевич! — вкрадчиво заговорил Войнович. — Будучи командиром постройки корабля «Слава Екатерины», сознаю особливую сего дела важность. Разреши, голубчик... У меня план...

Клокачев слушал хмуро, с явным недоверием поглядывая на собеседника.

Войнович, томно поводя глазами, продолжал:

— Работы на верфях надобно прекратить. Морских служителей выселить в здоровую местность, а вольнонаемным учинить расчет — пусть идут куда хотят...

— Дабы разнести заразу по всей округе?! Так не будет! — И Клокачев встал. — Людей у меня нет, опоры не чувствую, и недуг мешает!.. Мне бы сюда одного дельного человека, я бы чуму за тридевять земель загнал!..

Большой и сутулый, он подошел к окну и устремил взгляд на реку, будто видел там флот, с которым предстояло начать сражение.

По быстрому, на редкость подвижному лицу Данилова пробегали тени. Душевная борьба вице-адмирала передавалась ему.

— Моровое поветрие у нас! — сказал, отходя от окна, Клокачев. — Небось, видели своими глазами. Не знаю, как взглянет на сие ваш командир.

— Капитан Ушаков, — ответил Данилов, — приказал мне осведомиться, приготовлены ли квартиры для морских служителей.

— Квартиры для них приготовлены, а должно ли им вступать в город, решить затрудняюсь. Прекращать без указа работу не имею права, но и рисковать вашими людьми не могу.

— Как прикажете доложить?

— Без прибытия новых команд постройку корабля номер четыре продолжать невозможно. Но предупреждаю: опасность великая!.. Пусть командир ваш решает сам...

Час спустя Данилов покинул зачумленный город. Он велел вознице-матросу гнать что было мочи, пока они не миновали последних костров.

Уже смеркалось, когда он подъехал к своим. Было время ужина. Колонна расположилась в степи. Ушаков брал из котла пробу. Данилов, подойдя к нему, проговорил:

— В Херсоне смертное поветрие!.. Вводить людей в город опасно. Капитан Войнович полагает нужным приостановить постройку судов.

Он сказал это тихо, но люди, стоявшие у котла, услышали и передали шепотом весть дальше. В одно мгновение вся колонна узнала, что впереди — чума.

— Каковы намерения главного командира? — спросил Ушаков.

— Вице-адмирал Клокачев не имеет на сей счет никакого указа и предоставляет на ваше усмотрение...

Семьсот человек, затаив дыхание, стояли за спиной Ушакова.

— Вы были посланы узнать о квартирах, — сказал он громко.

— Казармы окуривают дымом и моют уксусом с горячей водою...

Ушаков еще более возвысил голос и сказал, чтобы слышали все и прониклись его спокойной, уверенной силой:

— Никакое моровое поветрие строительству нашего флота воспрепятствовать не может! Завтра люди начнут работу на верфях!.. А жить будут... в степи!..

2

Херсону шел пятый год. По приказу Потемкина, прославленный Наваринским штурмом Иван Ганнибал заложил его в 1778 году в тридцати верстах от Лимана. Действуя весьма решительно, он быстро построил на Днепре крепость и верфи. Несколько полков солдат и двенадцать рот мастеровых справились с этим в месячный срок.

В мае 1779 года на херсонских верфях уже был заложен 66-пушечный корабль «Слава Екатерины». Предполагалось строить по четыре таких корабля в год.

Россия неуклонно стремилась к своему заветному морю. Строить большие суда на Дону было невозможно, и в днепровском устье появилась первая верфь Черноморского флота, хорошо прикрытая островами, облегчавшими действие батарей.

Четыре года спустя Херсон уже вырос в целый город — с адмиралтейством, казармами, арсеналом и литей-

ным двором. На его верфях строились галеры, корабли и фрегаты; крепость защищалась двумястами орудий и десятитысячным гарнизоном; широко раскинулись предместья, заселенные ремесленниками и купечеством, а в гавань стали приходить турецкие и греческие суда...

В год основания Херсона Потемкин писал Екатерине: «Крым положением своим разрывает наши границы... Положите же теперь, что Крым ваш и что нет уже сей бородавки на носу, — вот вдруг положение границ прекрасное...»

Судьба Крыма почти решала судьбу Черного моря. Это хорошо понимали в Стамбуле, и это крайне заботило представителей европейских держав. Они ссорились, мирились и объединялись, чтобы сообща воздействовать на Порту и противостоять стремлениям России. Русский посланник в Турции Булгаков доносил обо всем в Петербург.

Он писал о происках прусского агента Гаффона, о том, что Фридрих II готов заключить союз с турками и что Франция намерена дать Порте двенадцать линейных кораблей, которые поднимут турецкий флаг.

Несмотря ни на что, 8 апреля 1783 года Россия присоединила Крым, и Порты не смогла этому воспрепятствовать.

Екатерина немедленно приказала перевести в Ахтиарскую бухту на юго-западном берегу Крыма часть Азовского и Днепровского флота и назвать этот флот Черноморским. 17 мая вице-адмирал Клокачев ввел в Ахтиар Азовскую эскадру и основал Севастопольский порт.

Осмотрев бухту, он составил о ней восторженную докладную записку. «Во всей Европе, — писал он, — нет подобной сей гавани положением, величиной и глубиной; можно в ней иметь флот до 100 линейных судов...»

Назначенный главным командиром нового флота и начальником херсонских верфей, Клокачев прибыл в Херсон, где спешно строились гребные суда и корабль «Слава Екатерины». Чума поразила город в самый разгар работ.

Она была занесена из Константинополя на турецкой фелуке¹ и быстро распространилась среди рабочего люда, солдат гарнизона и команд строящихся судов...

¹ Фелука — небольшое парусное судно.

Ушаков действительно попал в самое пекло, когда зараза уже грозила остановить работы на верфях и от нее умирало по несколько десятков человек в день. Но он повел себя так, словно в Херсоне не было никакой моровой язвы и все шло обычным порядком. Своих людей он поставил на постройку корабля № 4 и только приказал им ни с кем не общаться и содержать себя в чистоте.

Он вызвал на единоборство чуму, и команда, как один человек, поддержала его во время этого поединка. Как бы уговорившись между собой, люди работали, избегая даже упоминать об опасности, понимая чутьем, что, лишь согласив свою волю с волею командира, можно сохранить жизнь.

И все же через несколько дней заболел матрос; потом свалилось еще двое. Но Ушаков заранее принял меры, поселив команду в степи.

Он сам начертил план лагерного расположения команды корабля № 4. Разбив людей на небольшие артели, он выстроил для каждой по камышовому бараку с окнами, затянутыми промасленной бумагой, и кровлями, шуршащими под ветром желтыми метелками камыша.

Баракы он окружил маленькими землянками, рассчитанными на одного человека. При первом же подозрительном заболевании барак сжигался, а вся артель расселялась по одиночным землянкам. На значительном расстоянии от лагеря была устроена больница и уже совсем далеко в степь выдвинут карантин.

Каждое утро и вечер матросы обмывались уксусом, проветривали свои постели и окуривали дымом белье и одежду. За водой они ходили в сопровождении офицера, в определенное время, чтобы не соприкоснуться с посторонними и с командами других судов.

Верфи продолжали работать. Матросы отправлялись туда спозаранку и возвращались в баракы, когда багровое от дыма костров солнце уже опускалось за широкой рекой. Ушаков ежедневно навещал лагерь. Приезжая домой, он раздевался, выливал на себя ведро уксуса и брал в рот чеснок.

Бесстрашный человек гнал чуму, и она перед ним отступала. Поветрие вскоре среди его людей прекратилось. Примеру Ушакова последовали многие командиры и начали переселять свои команды в степь.

На него смотрели с восторгом и почти со страхом. Данилов, служивший под начальством Войновича, однажды встретил Ушакова и сказал: «Я почитал бы для себя за счастье находиться под вашею командою!..»

Войнович крайне досадовал на такой оборот дела. Еще опасность не миновала, и ему попрежнему хотелось бежать из Херсона. Но с прибытием Ушакова об этом нечего было и думать — он заставил каждого, не колеблясь, выполнять свой долг.

В

Осенью от моровой язвы умер Клокачев. Сменивший его вице-адмирал Сухотин учредил комиссию по борьбе с чумою, но особенно хлопотать ей не пришлось: все возможное было уже сделано Ушаковым. В его команде чума прекратилась на четыре месяца раньше, чем во всех прочих. Она быстро уходила из города и окрестностей и наконец вовсе исчезла с наступлением холодов.

В Херсон возвращалось население. Город постепенно оживал и строился. Офицеры давали друг другу обеды. Войнович устроил у себя на квартире театр...

Ушаков полгода не прикасался к своим тетрадям. Снова взявшись за них, он с удивлением обнаружил, что многое, бывшее ему неясным, теперь прояснилось. Словно кто-то другой, пока он боролся с чумою, думая за него над давнишним вопросом, отчасти нашел ответ.

Опыт службы у берегов Крыма и два заграничных плавания подсказывали ему выводы из сделанных наблюдений, но осторожность удерживала его от окончательного решения.

Тяготило одиночество. Много лет зрела в уме Ушакова догадка о том, что на морях воюют нелепо и что надо воевать иначе, но он еще не говорил об этом ни с кем.

И одному человеку он открылся. Это был мичман Пустошкин, выделявшийся среди командиров своей серьезностью. Потребность поделиться своими мыслями толкнула Ушакова на откровенность, а мичман к этому весьма располагал.

Федор Федорович не ошибся. Пустошкин выслушал

его со вниманием, не удивился и не высказал никаких сомнений, проявил искренний, живой интерес.

Они стали друзьями. Их облизала, кроме того, общая неприязнь к Войновичу, служить с которым обоим им было нелегко.

Еще один человек в Херсоне сильно не любил Войновича — это слуга Ушакова Федор, вызванный им из тамбовского имения.

Федор был крепкий, строгого нрава старик. Ушакова он знал еще мальчиком и как никто умел с ним обходиться. Когда Федор Федорович гневался — а это бывало с ним часто, — Федор выслушивал его молча, стараясь отойти подальше, но потом сам возвышал голос и начинал наступать. Роли менялись. Федор Федорович немедленно умолкал, в свою очередь удаляясь от Федора, и тоже выслушивал его молча, терпеливо дожидаясь, пока утихнет гнев старика.

В чумные херсонские ночи начальство часто тревожило Ушакова, посылая за ним матросов. Федор накидывался на вестовых с криком: «Сам-то весь день мается, людей спасает, себя не жалеет; хотя бы ночью покой ему дали!..» и бранил Войновича, если посланный был от него.

Графа он не терпел и называл не иначе, как «тараканом». Внешность Войновича раздражала и Ушакова. Он, не боявшийся ничего на свете, приходил в содрогание при виде тараканов. Это был старый, не изжитый еще с детства страх.

4

Весной 1784 года за успешную борьбу с чумой в Херсоне Ушаков был произведен в капитаны 1-го ранга и пожалован орденом Владимира 4-й степени. Этим орденом награждались лица, проявившие «особое усердие и способность сверх того, к чему их обязывали служебный долг, присяга и честь».

Известие пришло вечером накануне воскресного дня. Когда благодатное южное утро встало над городом и зелеными днепровскими берегами, командиры судов уже знали о награждении Ушакова, и многие из них отправились его поздравлять.

Первым явился Данилов. Ушакова он застал за рабо-

той. Склонившись над листом плотной бумаги, он старательно наносил на нее чертежи каких-то строений. Лицо его было особенно розовым и казалось совсем молодым.

Ушаков крепко пожал руку лейтенанту. Данилов сел, с любопытством оглядывая большую, чисто выбеленную комнату, где, кроме стола, койки и двух кресел, не было почти ничего.

Один предмет на столе привлек его внимание. Это была флейта, с которою Ушаков не расставался с самого корпуса.

— Играете? — изумился Данилов.

— Случается... Когда весьма устаю.

— Не ожидал, право!

— Но ведь и вы... играете...

Это был намек на домашний театр Войновича, где лейтенант подвизался на комических ролях.

Данилов покраснел:

— Мне ничего иного не остается. Я действительно люблю театр, но поверьте, Федор Федорович, люблю море гораздо больше. Однако не имею надежды стать когда-либо моряком.

Ушаков вздохнул и постучал пальцем о флейту.

— Да-а, при вашем начальнике мне трудновато... А что, к производству он вас представил?

— Отнюдь! Ему желательно иметь подле себя лейтенанта, а не капитана. Извините за резкость — он украл у меня чин!..

Приход Пустошкина прервал разговор. Данилов тотчас распрощался и вышел. Ушаков поглядел ему вслед, с грустью думая, что в этом славном малом зря пропадает сила.

Пустошкин, сухой, стройный, подтянутый, как на параде, поздравил Ушакова и спросил, сияя румяным добродушным лицом:

— Что это Данилов, завидя меня, бежал? Ведь мы с ним не враги.

— В меланхолии он.

— Это по какой причине?

— На Войновича сетует: не дает ему ходу. Какого-то лицедея делает из него.

Пустошкин, недавно произведенный в лейтенанты и

назначенный на корабль «Слава Екатерины», нахмурился:

— Не знаю сам, как буду служить. С таким командиром в гавани пропадешь, не то что в море. А ведь мир с турками шаток, Федор Федорович! Ну что, ежели война?!

— Питаю надежду, — сказал Ушаков, — что в военное время Войнович не будет командовать «Славой Екатерины».

— Да ведь рука у него в Петербурге! — с тоской протянул Пустошкин.

Мимо окон в туче пыли промчалась коляска. Было слышно, как у крыльца остановились кони.

Потом отворилась дверь, и Федор сумрачным голосом доложил с порога:

— Граф Войнович пожаловали!.. На двор просить али со двора?

— Ступай, проси! — сказал Ушаков в крайней досаде.

Войнович, весь лоснящийся и разомлевший от зноя, вошел с таким видом, словно торжественно приносил себя в дар.

— Ну, батюшка, поздравляю! — пропел он, блестя глазами, и полез целоваться. — Думал первым у тебя быть, да Семен Афанасьевич упредил.

— Упреждать не старался, — заметил Пустошкин, — а вышло так по моей искренней расположенности к Федору Федоровичу.

— Да мы все к нему расположены! — возразил Войнович и медленно двинулся к столу. — Неужто работаешь?! В такой-то день!.. — Войнович норовил всем говорить «ты», не считаясь с возрастом и положением собеседника. — Чертежи какие-то вижу, планы... Дозволишь взглянуть? Или секрет?

— План госпиталя для морских служителей, — сказал Ушаков. — Я уже докладывал главному командиру. Войнович жестом перечеркнул бумагу:

— Пустое!

— То-есть как «пустое»?

— Морской человек лечиться не должен.

— Не возьму в толк! — багровея, переспросил Ушаков.

— Говорю, что матрос лечиться не должен, таково мое мнение.

Рука Ушакова задрожала, пальцы сжались в кулак, и он глухо, с трудом выговорил:

— Марко Иванович!.. Прошу... о людях... так не изъясняться!..

Войнович попятился, взглянул на Пустошкина и вдруг засмеялся, будто заблеял овцой.

— Ну, не буду, не буду! — заговорил он поспешно, заметив, что смех его уж вовсе некстати. — Да пускай лечатся! Господь с ними! Не браниться же нам из-за сего!.. А ведь я не только поздравлять приехал. И меня нынче поздравить должно!.. По указу ее величества, эскадра переводится в Севастополь, и я определен начальствовать ею... Так что сей день задам жару в Херсоне. Все пьяны будут!.. — И он откланялся. — Прошу покорнейше пожаловать ко мне на спектакль!..

— Ну, поздравил! — вырвалось у Пустошкина, когда Войнович вышел. — Что скажете, Федор Федорович?

— С самого малолетства привык оказывать повиновение начальникам, — ледяным тоном ответил Ушаков и сел за стол.

— Моровую язву осилили, а с Войновичем потруднее будет. Вот она где, чума в Херсоне!..

Ушаков молчал.

— Да ведь он, чего доброго, и флотом командовать станет! — продолжал Пустошкин. — Тогда совсем по рукам и ногам свяжет!

— Весьма возможно.

— Как же полагаете действовать?

— Как полагаю? А вот как!..

И Ушаков, к великому удивлению Пустошкина, взял флейту и заиграл на ней.

Глава V

ПУТЕШЕСТВИЕ В ПОЛУДЕННЫЙ КРАЙ

«Посещая страны, мне подчиненные,
увидишь шелками устлан путь».

Потемкин

1

ПРОБЫВ в крейсерстве до начала осенних штормов, херсонская эскадра вошла в Севастопольский порт.

Вторая база Черноморского флота, названная Севастополем — «городом славы», — была еще неустроенным и пустынным местом. Мелкий лес и кустарник росли на диких холмах, сторожа покой деревушки Ахтиара, и татарские овцы паслись по берегам бухт. «Св. Павел»¹ долго не мог войти на рейд. Ушаков изрядно погорячился, пока стали у мыска в просторной бухте. На другой ее стороне стоял корабль «Слава Екатерины» — Войнович пришел намного раньше. Там уже были построены казармы и пристань, а на мыске еще не было ничего.

«Св. Павел» ошвартовался, и команду спустили на берег. Матросы с любопытством разбежались по лесу и сразу напали на кизил. Так осыпаны были им деревья, словно красным сукном покрыты, а ягоды крупные, как

¹ Построенный на херсонских верфях корабль № 4.

орехи, и вкусные, только не во что брать. День был ветреный, но погожий и теплый. Матросы скинули с себя рубашки, остались в одних парусинных бушлатах, набрали в рубашки ягод и воротились на корабль.

Ушаков увидел — затопал ногами на вахтенного и закричал:

— На что пускал? Объедаться?!

Насилу уговорили его офицеры, что ягоды очень хороши.

Ему наложили полную тарелку. Он тут же при всех попробовал, пожевал одну ягоду, другую и, ухмыльнувшись, командовал:

— Есть всем!..

Вскоре приехал поздравить Ушакова с прибытием «главный командир» Севастополя — контр-адмирал Мекензи. Он явился, как заправский помещик, — со своею дворней, гребцами и дворовым шутком. На шканцах развернули ковер, веселились, пели песни и показывали разные забавные штуки. Потом Мекензи уехал, и пошла работа: начали строить пристань для выгрузки корабля...

Бухты, закрытые от ветра горами, были глубоки, вместительны и удобны для стоянки большого флота. Одна из них выводила на бескрайный простор моря, представляя собой великолепный рейд.

Новый порт должен был затмить Херсонский. Угрожать ему неприятельским кораблям было трудно. Херсон же мог легко оказаться закрытым и турецкой эскадрой и очаковскими батареями, запиравшими Днепровский лиман.

Первые севастопольские постройки походили на обычные новороссийские хаты. Их строили просто: делали плетень, обмазывали глиной, крыли камышом, и дом был готов. Такие мазанки всюду теснились по береговым кручам. Но начальник порта контр-адмирал Мекензи уже выжигал известь, заготовлял кирпич, пускал в дело древние камни Херсонеса и возводил каменные дома.

Суда таганрогских и керченских купцов стояли у причалов. Корабли и фрегаты разместились в Южной и Северной бухтах, где год назад швартовались всего четыре барказа; они были найдены в камышах Черной речки вблизи Инкермана, отремонтированы, вооружены и вступили в строй.

Работы в Севастополе шли полным ходом. Мекензи проводил от горных ключей воду, строил каменную пристань и напротив нее — дом для себя.

Хороший, дельный помощник оказался у контр-адмирала — его флаг-офицер¹, молодой Дмитрий Сенявин. Он поспевал всюду, и любое дело горело и спорилось у него под руками. Происходил он из древнего рода Сенявиных — фамилии славных русских моряков...

Летом 1785 года были утверждены штаты Черноморского флота: 12 кораблей, 20 фрегатов, 23 транспортных судна и 13 500 матросов, солдат и артиллеристов. Флот со всеми адмиралтействами и портами Азовского и Черного морей был отдан в полное ведение Потемкина, и ему был пожалован кайзер-флаг².

Главкомандующий решил немедленно укреплять Севастополь.

«Сие место, — писал он в докладной записке, — должно быть столь сильно укреплено, что хотя б неприятель облегал крепость с земли и с моря, она могла бы его нападению противиться, доколе из других пределов России не придут на помощь войска».

Он приказал составить план. Фортификатор, начертанный им, остался неизвестным. Пояс оборонительных сооружений, по этому плану, должен был охватить не только Севастополь, но и весь Херсонесский полуостров и обойтись казне в шесть миллионов рублей.

Таких средств не нашлось, и план оказался несбыточной затеей. Новый порт был оставлен под защитой укреплений, возведенных еще до основания Севастополя — в 1778 году.

Строителем этих первых бастионов Севастополя был Суворов. В то время он командовал в Крыму войсками и ведал обороной береговой полосы. В разных местах он создал двадцать девять укрепленных пунктов и провел линию наблюдательных постов по всему побережью. Наметив стоянки для судов Азовской флотилии, он сочинил сигналы для связи сухопутных войск и морских отрядов

¹ Флаг-офицер — морской офицер, состоящий при флагмане для исполнения сигналов и адъютантских обязанностей.

² Кайзер-флаг — флаг генерал-адмирала, главнокомандующего флотом. Право поднимать кайзер-флаг присваивалось в виде особого пожалования — для придания чрезвычайных полномочий.

и — на случай, если турки вздумают злоупотреблять русским флагом — обучил солдат распознавать турецкие суда.

В его распоряжении имелся резервный корпус, стоявший к северу от Чонгара. Сам же Суворов находился у Ахтиарской бухты, которую только еще начал укреплять.

Войны не было, но она в любой день могла начаться. Суворов имел приказ: ни в коем случае не допускать высадки, но и не прибегать к оружию без крайней нужды.

В середине июня 1778 года турецкая эскадра подошла к Ахтиару и расположилась во внутренних водах бухты. Стало известно, что ожидается прибытие и капудан-паши¹ со всем его флотом. Перед Суворовым стояла задача: удержать неприкосновенными берега Тавриды и в то же время сохранить мир.

Он немедленно подтянул к Ахтиару резервы — шесть батальонов с конницей и артиллерией — и ночью, заняв оба берега у входа в бухту, приступил к постройке батарей.

Две из них были начаты на северном мысу, одна — на южном; в тылу их возводились редуты и шанцы.

«Гости» пытались схитрить — просили разрешения сойти на берег, чтобы запастись водою. Им было сказано, что источники иссякли и что на берег их не пустят, так как они могут занести чуму.

Два дня и три ночи велись работы. Укрепления вырастали на глазах у турок. На третий день, увидев, что они окажутся запертыми в бухте, турки снялись с якоря и ушли.

* * *

Начало севастопольской славе положил Суворов:

Преемником ее должен был стать Ушаков...

И он тотчас же, едва ступив с корабля на сушу, объявил аврал на берегу пустынного Ахтиара. Засучив рукава, сам — за мастера, назначив офицеров десятниками, он поставил на работу весь экипаж. Одни забивали колья, другие носили щебень и камень, третьи застилали фашинником ямы и засыпали землей. Ушаков поторапливал, гневаясь, если кто оказывался непонятливым или

¹ Ка п у д а н - п а ш а (турецк.) — генерал-адмирал, главнокомандующий турецким флотом.

нерадивым, и, случилось, даже пускал в ход дубинку. «Бешеный! — говорили о нем. — А шумит не зря — дело знает...» И пристань кончили быстро. Потом сделали из парусов большую палатку, расснастили корабль и убрали в палатку такелаж...¹

Вскоре Потемкин поручил Войновичу и Ушакову устройство флота и обучение экипажей. Ушаков с радостью встретил этот приказ.

Он лично занялся обучением новобранцев; толковал им устав, показывал на учебном судне, как лазить по вантам, крепить снасти, шить паруса и управлять парусами, стараясь, чтобы каждый матрос узнал его близко и поверил ему во всем.

Петровский «Устав морской» помог ему в этом деле.

Петр стремился к тому, чтобы «всякий человек, когда ни спросят, знал свою должность и место».

«Всякий спешит исполнить ему должное», внушал матросам Ушаков.

И он добивался этого так, как было предписано уставом: по всему кораблю развесил «билеты», на каждом — фамилия человека, назначенного к данному месту. Так воспитывалось чувство ответственности, и не знавший своего дела нес наказание, «смотря по вине»...

Когда задули ветры, ученье на кораблях прекратилось. В борт «Св. Павла» вставили рамы со стеклами; закрыли ялики брезентом; в каюте Ушакова сложили каменный камелек и выставили на юте трубу. Зазимовали все на корабле — настоящего жилья еще не было. Матросы и канониры стали заготавливать камень для казарм и корабельных магазинов² и место, где обосновался «Св. Павел», назвали Павловским мыском.

В конце декабря умер контр-адмирал Мекензи, и Войнович стал начальником Севастопольского порта и флота. Для Ушакова это был удар.

Новое — то, что влекло его и к чему он готовил свои экипажи — было чуждо Войновичу, ибо требовало муже-

¹ Такелаж — совокупность всех веревочных снастей судна; разделяется на стоячий (неподвижный) и бегучий (подвижный) такелаж; первый служит для поддержки мачт, второй — для управления парусами.

² Магазины — склад для хранения провианта и всяких корабельных запасов.

ства, которого он отнюдь не имел. Ушаков предвидел с его стороны козни, подкопы, глухое и явное противодействие и думал о том, что это выльется в первом же морском бою...

Между тем из Херсона пришел слух, что императрица намерена посетить Севастополь. Хотя слух был еще смутный, тем не менее он сильно взбудоражил порт. Командиры стали приводить в порядок свое корабельное хозяйство, Ушаков — с еще большим рвением обучать экипажи, Войнович же начал перестраивать дом Мекензи во дворец.

Он «приласкал» Сенявина и сделал его своим флаг-офицером. Одаренный, обладавший живым, быстрым умом, Сенявин сохранял повадки лихого гардемарина и норовил прикинуться простачком. Он любил рассказывать, как отец привез его на санях в Морской корпус, сказал: «Прости, Митюха! Спущен корабль на воду, отдан богу на руки!», крикнул ямщику: «Пошел!» — и скрылся из глаз... Ушаков, подавлявший своей суровостью и достоинством, с каким исполнял он всякое дело, вызывал у Сенявина озорное желание подтрунить над ним. В беседах с товарищами он отпускал шутки, иногда весьма чувствительные для самолюбия Ушакова. Федор Федорович знал об этом, приписывал все Войновичу, и на душе у него было тяжело.

Тяжело было и Пустошкину, отлично видевшему все, что происходит во флоте. Его тяготила служба под прямым начальством Войновича и тревожила мысль о будущем — о неизбежной новой русско-турецкой войне.

А дело шло к разрыву с Турцией. Порта не могла примириться с присоединением к России Крыма и поспешно вооружала армию и флот.

Нелепое положение на корабле угнетало Пустошкина: ему не давали никакого определенного дела. Неожиданно для себя в июне 1786 года он получил от Потемкина назначение, какому позавидовал бы любой офицер.

Ему было предписано отправиться на фрегате «Пчела» за границу и собрать важные сведения (от этого многое должно было решиться в ближайшее время).

Находясь в плавании, Пустошкин первый из русских столкнулся с человеком, деяния которого впоследствии потрясли мир...

По Кучук-Кайнарджийскому договору, Турция обязалась открыть торговым судам России проход в Средиземное море и, кроме того, защищать русский флаг.

В те времена любое торговое судно нуждалось в защите и совершало рейсы, вооруженное пушками. Между Африкой и Европой купцов подстерегали корсары. Пиратские гнезда берберов¹ и североафриканских турок являлись страшной угрозой средиземноморским торговым путям.

Пираты Алжира и Туниса брали на abordаж корабли, вцепляясь в них железными лапами, и захватывали людей и товары. Их небольшие корсарские суда составляли целые флоты, а командовали ими искусные моряки.

В XVI веке Алжирия подпала под власть турок. (Спустя двести лет алжирские турки объявили себя независимыми.) Не было силы на Средиземном море, которая могла бы с ними сладить. Когда Людовик XIV послал к Алжиру эскадру адмирала Дюкена, алжирцы схватили французского консула, привязали его к крепостной пушке и выстрелили им во французский флот.

Они все же признавали султана главой мусульманства и выполняли многие требования Порты. Берберийские флоты поддерживали ее во всех войнах, которые она вела против христианских стран.

Поэтому, когда в 1786 году два русских купеческих судна были захвачены (по слухам) алжирцами, Россия потребовала от Порты ответа и, не получив его, решила удостовериться, верно ли, что корсары нападают на русские суда.

Пустошкин получил приказ снарядить небольшой военный фрегат и под купеческим флагом отправиться в разные порты Средиземного моря. Так как, по договору, через Дарданеллы пропускались суда, имевшие не более двенадцати пушек, лейтенанту было приказано сверх двенадцати спрятать в трюме еще восемь орудий, а команды взять не более сорока пяти человек. В июне фрегат

¹ Берберы (или берберийцы) — общее название покоренных в VII веке арабами и обращенных в ислам обитателей Северной Африки.

«Пчела» пришёл в Константинополь. Здесь от русского посланника лейтенант получил инструкцию: по выходе из Дарданелл поставить на места все скрытые пушки и удвоить команду наемными греческими матросами; идя же Мессинским проливом, узнать, упряжают ли русским судам корсары, и в случае нападения дать отпор.

Пустошкин, посетив острова Архипелага, нарочно пошел южнее Сицилии и Сардинии и, нигде не встретив корсаров, прибыл в Марсель. Русский посланник во Франции дал ему новое поручение: отправиться в Тулон и осмотреть порт, адмиралтейство, канатную фабрику и материалы, идущие на постройку кораблей.

В Тулоне лейтенант познакомился с одним поручиком французской артиллерии и вместе с ним осматривал укрепления. На память о знакомстве с русским путешественником поручик преподнес ему две камышовые трости. Но при покупке их у него не нашлось денег, и Пустошкину пришлось заплатить за подарок.

Имя скромного поручика французской артиллерии было Наполеон Бонапарт.

3

Проведя в дальнем плавании около девяти месяцев, Пустошкин весной 1787 года прибыл в Кинбурн.

Сведения, полученные им на обратном пути, были очень тревожны, и он написал об этом в Кременчуг Потемкину. Князь командировал для опроса лейтенанта своего племянника — Самойлова, а сам поспешил навстречу императрице, «шествовавшей» обозреть недавно присоединенный край.

Он встретил Екатерину в Киеве, и 24 апреля великолепная флотилия из сорока семи вымпелов двинулась вниз по Днепру.

Суда эти, только что выстроенные «для шествия ее величества», должны были затем стать боевыми, составить гребную Лиманскую флотилию. Пока же они ослепляли роскошью, в особенности галеры императрицы «Днепр» и «Десна».

За Екатериной следовал ее двор — министры, фрейлины, — а также иностранные посланники. На каждом судне была своя музыка. Множество лодок шло по течению.

Порой на зеленых мысках появлялись и маневрировали легкие отряды казаков, и пушечный гром раздавался с берегов.

30 апреля императорский поезд приблизился к Кременчугу. В обеденный час на галере «Десна», где находилась столовая, собрался кружок императрицы. В этот день его составили: граф Безбородко, посол Франции Сегюр, личный представитель австрийского императора принц де-Линь и австрийский посол Кобенцль. Потемкин отсутствовал — он ушел вперед на своей галере, чтобы подготовить все к военному смотру, предстоявшему в Кременчуге.

Новенькие хутора и села казались нарисованными или же построенными только вчера. Пышный, близорукый Сегюр недоверчивым взглядом провожал цветущие селения, все более убеждаясь, что перед ним — декорация, искусно расставленная на пути.

— Давно ли все это создано? — прищурясь, спросил он у Безбородко.

— Еще год назад здесь была совершенная пустыня, — последовал ответ.

Сегюр всматривался в женоподобное, пухлое лицо саванника, видел его безупречно вежливую улыбку и думал, что обман действительно ловкий и что людей, которые толпились на берегах, попросту перегоняют с места на место. Но Безбородко, как бы угадав его мысли, сказал:

— Совсем недавно число жителей в этом крае было не более двухсот тысяч, а вскорости превысит миллион...

Счастливым смех Екатерины прервал их беседу.

— Это все князь Потемкин, — сказала она, обращаясь к Сегюру. — Я иной раз думаю, что он чародей.

— Мы все так полагаем, — произнес Кобенцль. — Не сомневаюсь, что и его величество император будет такого же мнения.

Речь шла об австрийском императоре Иосифе, только что прибывшем в Россию по приглашению императрицы. Встреча с ним должна была произойти в ближайшие дни.

Екатерина окинула собеседников взглядом холодных голубоватых глаз и сказала:

— Друзья мои! Я представляю себе, сколько басен сочиняют сейчас в Европе о нашем пребывании на волнах Днепра!

— Там уверяют, — подхватил Кобенцль, — что русская императрица и ее друг император намерены завоевать Турцию, Персию, Индию...

— А затем и весь свет, — лукаво смеясь, вставил Безбородко.

— Странствующий кабинет Екатерины действительно тревожит все прочие, — подтвердил де-Линь.

— Стало быть, этот петербургский кабинет, — с улыбкой заметила Екатерина, — кажется весьма значительным, если он так тревожит другие?

— Без сомнения, — ответил де-Линь. — Но я не знаю ни одного, который был бы столь мал.

— Вы находите его малым?

— Всего в несколько дюймов, ваше величество, — ведь он простирается от одного вашего виска до другого...

Пушечный залп с левого берега заглушил любезную остроту де-Линя.

— Кременчуг! — сказал Безбородко, указывая на притаившийся в зелени городок.

4

Войска Кременчугской дивизии четыре месяца готовились к смотру. В начале года командование ими принял генерал-аншеф Суворов. Конец зимы и весна прошли в непрерывном ученье. Тревогами, трудными маршами и переправами приучал Суворов солдат к делу, показывал им войну до войны.

Он старался развить волю в пехоте, воспитать дерзость в кавалерии. «Конница займется, пехота не отстанет», повторял он настойчиво и воспитывал своих конников невиданным способом — обучал их рубке соломенных чучел и вязкой глины на полном скаку. Особым образом он приучал и коней. Батальон, принимавший атаку, строился в каре; кони мчались на цепь солдат, но едва достигали ее, цепь расступалась, и ворвавшимся в каре лошадям тотчас навешивали торбы с овсом.

Суворову было что показать на смотре. Атаки его конницы приобрели силу неотразимых ударов. Вышколенные лошади стремглав летели на «противника» и

опрокидывали его, несмотря на штыки, ружейный и пушечный огонь...

Потемкин намеревался блеснуть Суворовым и возлагал на маневры большие надежды.

Екатерине он устроил пышную встречу. Дворянство и купечество целой губернии были собраны им в Кременчуг.

От пристани вдоль всей ограды английского парка с вековыми деревьями, каким-то чудом насаженными Потемкиным, стояла толпа.

«Благородное новороссийское дворянство», недавно наделенное императрицей землями и крепостными, ожидало появления своей благодетельницы. Напустив на себя степенность, чинно стояли шустрые купцы из Херсона, Канева и Черкасс. Местный уроженец Фалеев резко выделялся среди них своим беспокойным видом. По его суетливым движениям и возбужденному лицу было видно, что предстоящее зрелище волнует его больше, чем прочих. Он был поставщиком провианта для Кременчугской дивизии, строил суда для путешествия Екатерины, за что был пожалован в подполковники, пользовался большим доверием Потемкина и в хозяйственных делах являлся его правой рукой.

Наживаясь во-всю, на костях тысяч людей возводил он пристани, дома, хутора, склады. Потемкинский размах восхищал его. И когда княжеская карета, запряженная шестеркой коней цугом, прокатила мимо, Фалеев воскликнул:

— Вот он, князь Григорий Александрович!.. Всё у него в голове да в руках!

После этого толпа еще полчаса стояла на солнце, пока императрица не проследовала к месту маневров. Потом все двинулись на поле за городом.

Войска уже выводились на смотр.

Колонны пехоты и двадцать пять эскадронов конницы двигались в полном порядке, но с какой-то необычайной легкостью и непринужденностью, совсем не похожей на парадный строй.

Необычным был и внешний вид войска. Куртки, шаровары, легкие сапоги и удобные каски сменили прежнюю стеснительную форму прусского образца. Твердые лосиные брюки, которые перед надеванием приходилось

мочить в воде, косы, букли и пудра были отменены еще Румянцевым. Позднее Потемкин объявил об этом в приказе: «Завиваться, пудриться, плесть косы — солдатское ли сие дело?.. Туалет солдатский должен быть таков, что встал — и готов».

Суворов провел дивизию перед зеленым пригорком, где стояли Екатерина и ее спутники; затем войска разделились по роду оружия, быстро расположились в разных местах огромного луга и начали показывать чудеса.

Сперва было показано, как «пушки не боятся лошадей, а лошади — пушек».

Казачья лавой шла на батарейный огонь, и бомбардиры стреляли в упор по казачьей лаве. Пушки и лошади действительно не боялись друг друга, но все же конница побеждала своей живой, стремительной силой и брала орудия и прислугу в плен.

Потом батальон пехоты построился в каре, и кавалерия пошла на него в атаку. Приученные кони ржали и рвались вперед; ни отбросить, ни остановить их было невозможно. Солдаты расступались перед ними, и всадники проскакивали сквозь строй.

Маневр повторился несколько раз. Когда дым от выстрелов рассеялся и улеглась пыль последней атаки, на земле осталось пять или шесть человек, сильно помятых лошадьми.

— Ново, весьма дерзостно и примечательно! — сказал графу Безбородко Кобенцль и переменил место на холмике, чтобы лучше видеть. — Однако, — добавил он, заметив лежащих на земле пехотинцев, — маневры не обходятся без жертв!

— Как и все новое и дерзостное, — заметил Безбородко.

...Густые массы войск двигались отовсюду к центру луга, окружая пехоту, построившуюся в несколько каре, чтобы отразить натиск превосходящих сил.

Суворов, командуя обороной, прокричал резко и весело:

— Неприятель обошел — тем лучше: он сам идет на поражение!..

Раздалась команда, и окруженные войска открыли частый огонь.

Атака дрогнула, остановилась. Тогда из интервалов

между каре, опустив пики, вынеслись на конях казаки. Пехота, перестроясь, кинулась вслед за ними, и по всему полю начался разгром только что наступавших войск.

— Неприятеля преследуй! — звучал голос Суворова. — Недорубленный лес опять вырастает... Коли! Смелый заколет семерых!..

Смотр закончился вечером, когда от реки уже потянуло свежестью и висевшая в воздухе пыль тонко-золотым облаком поплыла над лугом. Суворов сказал речь, разъяснив войскам их ошибки и похвалив их за то, что заслуживало похвалы.

Потемкин, стоявший на холмике подле императрицы, в продолжение маневров не проронил ни слова. Он грыз ногти и безучастно смотрел на войска, словно происходящее вовсе его не касалось. Во всех движениях большой, грузной фигуры Потемкина чувствовались подавленность и вялость. Это был приступ его обычной беспричинной хандры.

Голос Екатерины несколько вывел его из оцепенения.

— От Петербурга до Киева, — обратилась она к нему, — мне казалось, что пружины моей империи ослабли, но здесь они в полной силе и действии.

Потемкин наклонил голову.

— Я видела армию, — продолжала она. — Это превосходнейшее войско, какое только можно встретить. Дай бог увидеть таким и флот!

Суворов легко взбежал на пригорок и направился прямо к императрице. В темносинем мундире с красным воротником и тремя звездами, с лицом, покрытым сетью ранних морщин, он казался престарелым и немощным. И в то же время что-то непреклонно твердое было в этом простом и необычайном лице.

Он подошел «к руке», и Екатерина сказала рассчитанным, умеренно холодным тоном:

— Желательно, чтобы вы сопровождали нас до Херсона. — И добавила: — Князь Григорий Александрович вознаградит вас за службу...

Суворов посмотрел на грызущего ногти Потемкина, потом на Екатерину и с ужимкой ответил:

— Не я, не я, это все его светлость, князь!

Она быстро отвела взгляд и заговорила о чем-то с графом Безбородко.

А Суворова окружили иностранцы — Кобенцль, Сегюр и де-Линь.

— Ваше высокопревосходительство! — с жаром приступил к нему Кобенцль. — Позвольте мне, посланнику австрийского императора, выразить свое восхищение!.. Искусство ваших войск выше всяких похвал, но тайна его непостижима!

Суворов лукаво усмехнулся:

— Скорый заряд, исправный приклад — и всё тут.

— Но как вы обходитесь без артикулов, без обычных командных слов?!

— Имели мы прежде вымышленные слова: «строй фронт по локтю», «стройся в полторы шеренги» и тому подобное. Все это я давно позабыл.

— Ваши маневры, — сказал Сегюр, — похожи на настоящую войну! У вас даже бывают потери...

— Помилуй бог! Солдат дорог! — сердито выпалил Суворов. — Я четыре, пять, десять человек убью — четыре, пять, десять тысяч выучу!..

Иностранцы от неожиданности замолчали.

Суворов, быстро повернувшись налево кругом, сбежал с пригорка.

— И еще как выучит! — задумчиво произнес де-Линь.

5

Император Иосиф приехал в Россию под именем графа Фалькенштейна, в простой коляске, в сопровождении одного генерала и двух слуг. Не надеясь на свою армию в предстоящей войне с Турцией, император подыскивал себе подходящих союзников. Странствуя под чужим именем, он рассчитывал наилучшим образом ознакомиться с положением дел в России и выяснить, стоит ли заключать с нею союз.

Императрицу он встретил у селения Койдак, выше порогов, вместе с нею присутствовал при закладке Екатеринослава, где Потемкин собирался построить храм «аршинчиком выше собора св. Петра в Риме», двенадцать фабрик, университет и консерваторию, и в начале мая прибыл в Херсон.

Путешествие ошеломило и озадачило императора. Он с трудом разбирался в своих впечатлениях, и виденное им на Днепре казалось ему каким-то сном.

Сюрпризы Потемкина в виде торжественных встреч, парадов, иллюминаций, панорам строящихся дворцов и селений сопровождали Иосифа до самого днепровского устья. В то же время ему попадались на глаза сотни одетых в рубище крепостных, выполнявших тяжелые работы.

И Сегюр, с которым он успел подружиться, твердил ему, что им показывают «ненатуральные» села и что цветущее состояние края — один обман.

Людей и впрямь перегоняли с места на место, и нежилые, наспех сколоченные хаты бросались в глаза во многих местах. Потемкин показывал Екатерине «шелками устлан путь», приукрасив его так, что иностранцам все казалось обманом.

Но за показной стороной скрывалась действительность: оживление быстро заселяемого края. Император понял это, когда увидел Херсон.

Две тысячи домов — каменных и вполне натуральных — составляли большой, опрятный город; его лавки ломились от русских и заморских товаров; около двухсот купеческих судов стояло в гавани, и целая армия рабочих хлопотала на верфях, готовя к спуску фрегат и два больших корабля.

В этом году херсонская торговля приняла громадные размеры. Из дунайских портов приходили суда с грузами. Здесь находились австрийский и неаполитанский консулы. С Херсоном торговали Марсель, Александрия, Генуя, Ливорно, Триест...

По приезде в Херсон Потемкин получил подробное донесение Пустошкина и немедленно доложил о нем императрице.

Лейтенант добросовестно выполнил поручение: он сообщил о поведении алжирцев, о состоянии турецких портов и гарнизонов, о подготовке в Анатолии десантов для отправки к берегам Крыма и о том, что турецкий флот совершенно готов к выходу в море и может начать войну в любой день.

Пустошкин был произведен в капитан-лейтенанты и на своем фрегате ушел в Севастополь. А в Херсон при-

был русский посол в Турции Булгаков и привез еще более тревожные вести: на острове Кандия¹ сорван флаг с дома русского консула, а на острове Родос консул убит.

Открытие военных действий все же не входило в планы России: ей нужно было еще некоторое время, чтобы подготовить армию и флот. Тем не менее Булгакову было предписано потребовать от Порты удовлетворения за бесчинства на Кандии и Родосе, а также настаивать, чтобы алжирцы возвратили захваченные русские суда.

Потом были торжественно спущены на воду фрегат и два корабля.

На другой день Екатерина выразила желание отправиться в Кинбурн, чтобы оттуда морем следовать в Севастополь. Но перед самым отъездом, когда она и ее спутники сидели за столом, пришло известие, что близ Очакова появилась сильная турецкая эскадра. Стало также известно, что с эскадрой прибыли французские офицеры для перестройки очаковских укреплений и усиления батарей.

— Как надобно это понять? — спросил Безбородко Сегюра. — В то время, когда только что подписан дружественный трактат с Францией и ее посол сопровождает императрицу, мы видим, что французские инженеры занимаются устройством артиллерии у наших врагов!

— Это могут быть только волонтеры, — любезно ответил Сегюр. — А за них французское правительство отвечать не может.

— Разве что так, — с усмешкой произнес Безбородко и, обратившись к Екатерине, заметил: — При таких обстоятельствах путешествие вашего величества морем не представляется безопасным.

— Что посоветуете делать?

— Следовать далее сухим путем.

— Согласна! — Екатерина обвела взглядом присутствующих и сказала: — Значит, война? Что ж, повторим чесмэнский урок, коли его позабыли! Я в тот раз

¹ К а н д и я — Крит. Острова Крит и Родос в XVIII веке находились под турецким владычеством.

своих моряков так разожгла, что они у меня огневыми стали!..

— Ее величество слишком много приписывает себе, — шепнул Сегюр императору.

— Это не имеет значения, — возразил Иосиф, — в особенности если жар, о котором говорит она, не остыл...

6

Войнович сбивался с ног, готовясь к приезду Екатерины. Захлебываясь от усердия, украшал он порт и город, а более всего — бывший Мекензиев дом, превращенный им во дворец.

Стены дворцовых комнат были обложены до окон ореховым деревом, а выше — покрыты малиновым штофом.

От дворца до каменной пристани, уже носившей, по Войновичу, название Графской, сделали деревянный помост с железными перилами и на них навесили позолоченные фонари.

Труды Марко Ивановича никогда не пропадали даром. И сейчас, в разгар своих хлопот, он был обласкан: в середине мая его произвели в контр-адмиралы; это было нужно Потемкину, чтобы под контр-адмиральским флагом вывести на рейд флот.

Ушаков тоже готовился к торжественной встрече. Он ничего не украшал и проводил время в обычных, казалось, занятиях с моряками. Но за этой обыденностью морского ученья скрывался секрет.

Его большой план действий отводил особое место работе канониров. Он был уверен, что судовая артиллерия должна и может заговорить по-новому, ибо вообще по-новому надо воевать на морях.

Он начал с малого, выбрав для опытного обучения команду небольшого бомбардирского судна «Страшный». На нем он ежедневно уходил за Балаклаву и там, стоя на якоре либо идя под всеми парусами, громил из орудий пустынный, угрюмый мыс...

От самого Перекопа была вспахана земля и сделана дорога для проезда императрицы, приготовлены для освещения пути смоляные бочки, поставлены путевые дворцы.

21 мая в Севастополе стало известно, что Екатерина прибыла в Бахчисарай, а в полдень следующего дня караван императрицы уже вступил в долину Инкермана.

Император Иосиф ехал в одной карете с Сегюром. Солнце жгло немилосердно. Щедрость крымской природы становилась неистовой, и близость моря уже угадывалась в яркой синеве неба над буйно встававшей отовсюду зеленью и диким нагромождением скал.

— Самая натуральная из всех потемкинских декораций, — проговорил Сегюр, любуясь открывшимся видом.

— И притом не стоившая денег, — сказал император. — Кстати, вы заметили, как все ловят взгляд князя?

— Еще бы! — усмехнулся Сегюр. — Но поймать его взгляд довольно трудно. Вообще это самый странный человек, какого я когда-либо встречал.

Карету сильно качнуло, и Сегюр ухватился за болтавшийся над ним ремешок.

— Я не верю в Потемкина! — раздраженно сказал он. — Его затей стране не по силам. Она нищая и забитая. Половина ее населения — крепостные, а императрица ежегодно увеличивает их число.

— Но вы видите, — возразил император, — что здесь строят дороги, гавани, крепости, воздвигают на болотах дворцы, разводят в пустынях леса. Потемкин, повидимому, не щадит ни людей, ни денег, и все может оказаться нетрудным. Здешний народ горячо любит свое отечество и будет драться за него с любым неприятелем. А русская армия очень сильна.

— Не спорю, — согласился Сегюр. — В этом я сам убедился.

Император прикрыл ладонью лицо, защищаясь от ветвей, хлеставших в окно кареты.

— Императрица задумала великое дело — союз четырех держав: России, Австрии, Франции, Испании. Это пока еще тайна, но, думаю, вы уже о ней знаете... То, что я слышал о Суворове, крайне серьезно... Для армии такой

генерал — это всё! Россия создает флот. Если у нее еще появится новый — морской — Суворов, она будет непобедима!.. Но уже и сейчас она — выгодный и надежный союзник.

— И ваше величество склоняетесь... — начал Сегюр осторожно.

Император кивнул головой и закончил:

— ...к тому, чтобы заключить с Россией союз...

Дорога огибала гору, кое-где поросшую орешником и терном, местами же совершенно голую, будто изглоданную огнем.

— Наконец-то! — внезапно воскликнул Сегюр и, постучав в окошечко, велел кучеру остановиться. — Ваше величество! — сказал он, выходя на дорогу. — Я уличил князя!.. Смотрите, вон там — декорация, самый настоящий холст!..

Сливаясь с серой горой, стояло такое же серое, неживое овечье стадо. Художник не нашел бы для картины лучшего места: тень от скалы падала на клочок голого склона, и камни уцелевшей на нем древней ограды были завиты плющом.

Сегюр направился к горе. Но едва он сделал несколько шагов вдоль дороги, овцы заблеяли, и стадо, подняв облако пыли, шарахнулось в сторону.

— Нет... они живые... — смущенно пробормотал Сегюр, возвращаясь и влезая в карету.

Император, откинувшись на подушку, хохотал...

Вскоре прибыли к устью Черной речки, впадавшей в Ахтиарский залив. У пристани стояли наготове катера под светлозелеными тентами. Гребцы — выбранные со всего флота самые сильные и красивые люди — были одеты в белые шелковые рубахи и шляпы с вензелями Екатерины II.

Ветра не было. Флотилия катеров на веслах направилась в Севастополь и в пятом часу вечера под гром салюта вошла в Южную бухту.

Екатерина проследовала по тонкому синему сукну, проложенному от самой воды через всю пристань. Войнович и капитаны кораблей встретили ее на берегу.

Потемкин, уже обретший полную бодрость духа, чувствующий себя хозяином этой земли, моря и порта, ввел гостей во дворец.

После короткого отдыха сели за стол.

При звуках оркестра распахнулась балконная дверь, и все увидели рейд, эскадру — шестнадцать кораблей в линии под флагом контр-адмирала Войновича. Это был Черноморский флот, построенный наспех из сырого дерева, не обшитый медью и все же прозный, готовый в любую минуту вступить под паруса.

8

Часом позже Потемкин осмотрел Севастопольскую эскадру. На борту «Св. Павла» он встречен был Ушаковым и принял от него рапорт о состоянии корабля.

Это была их первая встреча. Потемкин знал Ушакова только по донесениям и по наслышке. Поручая ему воспитание моряков-черноморцев, он полагал, что отдает их в надежные руки.

И сейчас, слушая твердую речь этого человека, любясь его спокойной, уверенной силой, он думал о том, что выбор оказался хорош...

— Пользуясь прибытием вашей светлости к эскадре, — говорил Ушаков, — прошу дозволения изложить взгляд свой касательно одного тайного и крайне важного дела...

— Тайного и крайне важного? — повторил Потемкин. — Какого же именно?

— Касательно образа действий военного флота, о чем беспрестанно думаю в течение многих лет...

Любопытство и удивление засветились во взгляде Потемкина. Стоявший перед ним командир был гораздо значительнее, чем он полагал.

— Известно вашей светлости, — продолжал Ушаков, — что о морских сражениях уже долгое время нет слуху. А если и происходят, то не иначе как ленивыми баталиями их должно называть... Между тем флоты заводятся для войны, а не для предохранения себя от боевых столкновений...

— Едко сказано! — заметил Потемкин.

— Боязливая тактика лишь вредит государству. Только полное разбитие неприятеля оканчивает войну!

Они стояли на верхнем деке, у притаившихся в за-

драенных портах¹ пушек, и рассуждали о том, когда и как этим пушкам стрелять.

— Я за то, — проговорил Потемкин, — чтобы сражаться отважно, нападать на сильнейшего противника даже с малыми силами.

— И к тому есть способы, — сказал Ушаков. — Один из них, когда речь о турках, есть следующий... Не раз видно мною, что турецкий флот приходит в расстройство тотчас по обращении капитана-паши² или старшего флагмана в бегство. Отсюда вижу, что надобно всегда в начале сражения атаковать их флагманский корабль.

— Весьма дельно! — воскликнул Потемкин. — Вполне одобряю и даю свое согласие!

Закатное солнце положило по всему кораблю жаркие блики. Оно легло на белый мундир Ушакова, ударило ему в лицо, и он на секунду зажмурил глаза.

Потемкин еще раз ощутил его уверенность и спокойную силу, подумав, что такой человек именно и нужен флоту.

Ушаков посмотрел в упор. На лице его резко обозначились скулы; нижняя челюсть выдвинулась и как бы окаменела; глаза были ясные, непроницаемые; небольшой гладкий парик слегка натягивал кожу удлиненного лба.

— Ваша светлость! — жестко сказал он. — Соблюдать в сражениях правила не всегда возможно. Оные в кабинетах пишутся, где ветры не дуют и ничего не могут менять... Я к тому говорю, что может представиться военный случай. А граф Войнович назначает меня командовать авангардом...

Потемкин понял. Он кивнул головой и, улыбаясь, ответил:

— Согласен на все! Действовать, по обстоятельствам глядя, — это разумно!.. А случай скоро представится. Можно будет и отечество прославить и себя показать!

¹ Порт — люк, амбразура.

² Капитан-паша — то же, что капудан-паша: генерал-адмирал, главнокомандующий турецким флотом.

В сумерках Екатерина, сопровождаемая Потемкиным, села на катер, и brave гребцы быстро отвели его на середину бухты. Бомбардирское судно «Страшный», стоявшее под кормой корабля «Слава Екатерины», начало бомбардировать городок с башнями и стенами, построенный для этого на Северной стороне.

С третьего выстрела судно зажгло городок, а после пятого огонь охватил все его башни и стены.

Такой стрельбы во флоте еще не видали. Матросы и командиры молча переглядывались, стоя на палубах кораблей.

— Похвально! — обратилась к Потемкину Екатерина. — Однако изрядно они у тебя стреляют! Оказывается, флот твой круглехонько обточен.

— Полно, матушка-государыня! — ответил Потемкин. — Обточен, да не совсем.

— Передай благодарность нашу, — продолжала Екатерина, — графу Войновичу за все содеянное им в Севастополе, а за добрую стрельбу — особенно.

— Стрельбе, матушка, обучал не Войнович, а капитан первого ранга Ушаков.

— Ушаков? Ирой херсонский?!. Так отчего он капитан первого ранга? Ведь я указ подписала... Поздравь его, друг мой, не мешкая, бригадиром!

Бомбардирское судно «Страшный», возвращаясь к своему месту, прошло мимо катера. У орудий стояли комендоры, казалось готовые вновь показать свое искусство императрице.

Но ни ей, ни Потемкину было невдомек, какую роль эта сноровка ушаковских канониров сыграет в борьбе за Черное море, когда флоту придется воевать по-новому, так, как еще не воевали на морях.

Глава VI

КИНБУРН—ОЧАКОВ

«Лодки бьют корабли, и пушки за-
граждают течение рек».

Потемкин

1

ВОЙНА началась в августе 1787 года внезапным нападением турецкой эскадры на фрегат «Скорый» и бот «Битюг», стоявшие у Кинбурнской косы.

Два русских судна в течение трех часов отбивались от одиннадцати вражеских, а в сумерках подняли паруса и ушли к Херсону, выдержав огонь очаковских батарей...

Почти все морские силы Турции были выведены в Черное море. Двадцать пять кораблей прибыли к Очакову для блокады Лимана. Командовал ими разбитый русскими при Чесмэ алжирец Хуссейн-бей, теперь уже — Эски-Хуссейн («Старый Хуссейн»).

Другая эскадра, из шестнадцати вымпелов, стояла в Варне для обороны Проливов.

Французские инженеры укрепляли очаковские бастионы, углубляли рвы и одевали их камнем. Европейские державы не остались безучастными к усилению России на черноморских водах: шведские, прусские и английские офицеры помогли туркам разработать план.

Он был направлен к тому, чтобы разрезать линию русских коммуникаций, идущую по Бугу на Кинбурн — Перекоп — Севастополь. И так как Черноморский флот к началу войны оказался разделенным между Севастополем и Херсоном, было решено разбить его по частям.

Турки намерены были овладеть Кинбурном, кинуться на Херсон, уничтожить верфи и затем перебросить десант в Крым. В их руках был ключ Лимана — Очаков. Он запирает Херсон и угрожал сообщениям флота. Русские должны были во что бы то ни стало овладеть этим ключом.

Стотысячная армия под начальством Потемкина двинулась к Очакову, но задержалась в Елисаветграде, так как была еще не готова. Чтобы выиграть время, Потемкин решил перейти к обороне, удерживая всеми силами Херсоно-Кинбурнский район.

Защита его была поручена Суворову. Избрав Херсон своей главной квартирой, он приказал построить пять батарей на островах, прикрывавших днепровское устье, сформировал отряды вооруженных жителей и отрядил суда для обороны города со стороны реки.

В Кинбурне он возвел в самых угрожаемых местах батареи и установил наблюдение за противником. Для защиты берега он решил привлечь Лиманскую флотилию. Ее командир, контр-адмирал Мордвинов¹, с большим неудовольствием предоставил в его распоряжение три фрегата и четыре галеры. Противник решительных действий, к тому же не подчиненный Суворову, он не считал себя обязанным помогать сухопутным войскам.

Между тем Потемкин, вынужденный воздерживаться от наступательных операций на суше, решил немедленно ввести в действие флот.

24 августа он приказал Черноморской эскадре выйти в море, всюду искать противника, невзирая на его превосходство, и «не мыслить ни о чем, кроме победы или смерти».

«Где завидите флот турецкий, — писал он Войновичу, — атакуйте его во что бы то ни стало, хотя бы всем пропасть».

¹ Мордвинов Н. С., граф (1754—1845) — с 1797 года адмирал; известный русский государственный деятель.

31 августа Севастопольская эскадра из трех кораблей и семи фрегатов взяла курс на Варну, имея приказ истребить стоящий там флот.

Войнович находился на корабле «Слава Екатерины»; капитан Тиздель командовал «Марией Магдалиной», на «Св. Павле» шел Ушаков.

8 сентября близ мыса Калиакрия эскадру захватил шторм.

На одном фрегате сломало фор-стенгю¹. Войнович сделал сигнал: стать на якорь, вызвать со всех судов плотников и послать их на фрегат. Стенгю поставили, но когда собрались отправить мастеровых обратно, ветер усилился, начало заливать шлюпки. Плотники так и остались на фрегате. А Войнович сделал сигнал: снявшись с якоря, итти к Варне, что означало итти в самые опасные и дурные места.

К ночи погода и вовсе разыгралась. Кинулись убирать паруса — поздно! Полетели мачты и стенгю, и, как назло, плотников нет: все на фрегате. А ветер все пуще, пену понесло выше корабля.

Матросы втихомолку ругали Войновича: «Вот что нам сделала Варна — сделалось угарно. А более — от нашего флагмана: нельзя без рассудка в море ходить!»

Паруса изорвало ветром; на судах появились течи. Фрегат «Крым» всю ночь палил из пушек, требуя помощи. Корабль «Мария Магдалина» лишился мачт и руля.

Эскадра была рассеяна. «Крым» пропал без вести. Корабль Тизделя течением отнесло к Босфору, и он был захвачен турками. На «Славе Екатерины» переломало все мачты и воды прибыло до десяти футов; матросы помпами, ведрами и ушатами выливали воду в продолжение двух дней.

Ушакова несколько суток носило по морю. Уже совсем погибали, когда показался берег. Думали — Феодосия, Крымские горы, но ошиблись: это было Кавказское побережье. Ушаков сказал: «Лучше в море погибать, нежели у турка быть в руках!..» Кое-как, с великим трудом, приладили к фок-мачте небольшой парус и поворотили от берегов абхазских в море. «Св. Павел» терпел

¹ Фор-стенгюга — второе колено на фок-мачте (передней мачте судна).

жестокое бедствие. Только самообладание командира и безграничное доверие к нему команды спасли от гибели корабль.

Моряки-черноморцы с потерями вышли из первого испытания, но ни на минуту не лишились присутствия духа. Один Войнович не скрывал страха и сокрушался по поводу утраты своих вещей, денег и табакерки, забывая о том, какой урон из-за него понес флот.

Почти все суда нуждались в ремонте. «Крым» и «Мария Магдалина» были потеряны.

А турки, видя ослабление русского флота, перебро-сили в Очаков до пяти тысяч войска, решив начать атаку Кинбурна как раз в то время, когда в Севастополь возвращались рассеянные бурей суда.

2

Второй ключ Лимана — Кинбурн — запирает трех-верстное водное пространство узкой и длинной стрелкой. Он защищался старинным фортом, имевшим всего де-вятнадцать медных и пятьдесят чугунных пушек, и ре-дутами, вооруженными полевыми орудиями. Эта оборо-на все же сильно стесняла противника, ибо суда его, лавируя в извилистом фарватере, должны были подстав-лять свои борта под огонь Кинбурнской косы.

Турки несколько раз приближались к Кинбурну и за-тевали перестрелку. Суворов пытался отправить туда на помощь мордвиновскую флотилию, но она не шла.

13 сентября противник начал сильный обстрел Кин-бурнского форта. В тот же день греки-перебежчики из Очакова сообщили Суворову, что на Херсон никаких по-кушений не будет и турки в ближайшие дни атакуют Кинбурн.

Суворов перенес туда свою квартиру и потребовал выхода в Лиман флотилии. Мордвинов выделил фрегат «Скорый», бот «Битюг» и четыре галеры. Но начальнику этого отряда капитану 2-го ранга Обольянинову было предписано, чтобы он «ввиду превосходства неприятель-ского флота имел осторожность и сам бы одного не атаковал».

От Обольянинова нельзя было ожидать решительных

действий, но капитаны и матросы Лиманской флотилии, воодушевленные именем Суворова, рвались в бой.

Мичман Ломбард принял в Глубокой пристани (недалеко от устья) галеру «Десна» — ту самую, на которой во время путешествия Екатерины находилась ее столовая, взял на борт сто двадцать человек пехоты, спрятал их, придал галере вид брандера и поставил на нее восемь трехфунтовых пушек и один пудовый единокор¹.

Однако стоявшая в Глубокой флотилия не торопилась к встрече с противником. Ее командир, капитан 1-го ранга Вельяшев, приказал Ломбарду присоединиться к отряду. Но мичман ответил, что получил в Херсоне приказ свыше, и ушел к Кинбурну один.

В седьмом часу вечера турки начали обстрел Кинбурнской крепости. Он продолжался более часа. Потом показалось идущее на парусах судно, державшее курс вдоль вражеского берега. Это была «Десна».

Не видя на ней людей, турки приняли ее за брандер, и суда их стали поспешно строиться в линию. Через полтора часа Ломбард «атаковал весь турецкий флот до линейных кораблей».

Его люди бились с противником из пушек и ружей, потопили одно неприятельское судно и повредили другое. Потерь на галере не было: русские сложили в бортовые сетки свои матрацы, плащи и прочие вещи и сделали из них отличный бруствер, в котором засело много турецких ядер и пуль...

Пока галера «Десна» своим бесстрашным натиском гнала турок прочь от Кинбурна, отряд капитана Оболянинова бесцельно крейсировал у Глубокой пристани, выполняя мордвиновский приказ.

Мало того — в смелости мичмана Мордвинов усмотрел одно только нарушение дисциплины и потребовал предания его военному суду.

Но Суворов в восторженных словах сделал донесение о бое одинокой русской галеры с целым турецким флотом. И Потемкин ответил Мордвинову: «Я прощаю

¹ Единокор — длинная гаубица; стреляла не только ядрами, но также бомбами и гранатами; послужила образцом для таких же орудий, принятых в XVIII веке в армиях западноевропейских стран.

вину офицера. Объяви, мой друг, ему чин — какой заблагорассудишь!» Однако понадобилось вторичное ходатайство Суворова, чтобы Ломбард был награжден.

Это дело всколыхнуло офицеров Черноморского флота. Необходимость решительных действий стала для них очевидной. Потемкин настойчиво требовал этого от Мордвинова и Войновича, но добился лишь некоторой помощи от первого, воздействовать же на второго так и не смог.

Суворов всерьез писал: «Коли б севастопольцы меньше хитрили, все бы здесь стамбульское пропало».

Но Марко Иванович, натерпевшись в начале месяца страху, не имел никакого желания выходить в море. У него была веская отговорка — незаконченный ремонт судов.

А противник готовился к нападению. Суда его стояли недалеко от Кинбурна. Было видно, как турки ходят по палубам, курят табак, хлопчут у орудий; ветром доносило их заунывные песни. И Суворов с досадой писал Потемкину: «Прославил бы себя Севастопольский флот! О нем слуху нет!»

* * *

Утром 1 (12) октября 1787 года отборные турецкие войска начали высаживаться у оконечности Кинбурнской стрелки. Высаживались они и в другом месте — у Мариинского редута, в двенадцати верстах от крепости. Суворов не отвечал ни одним выстрелом. «Пускай все вылезут, не мешайте им!» спокойно сказал он и отдал приказ выяснить место высадки главных вражеских сил.

Янычар было доставлено на косу до пяти тысяч. Командовали ими французские «волонтеры» под главным начальством Юсуф-паши.

Суворов имел только тысячу пехотинцев. Резервы, заранее расположенные им поблизости, должны были подойти через несколько часов.

Турки быстро окапывались — рыли траншеи. Атаковать их сразу же после высадки было трудно — флот противника прикрывал свой десант сильным огнем. По мере продвижения турок по косе, поражаемое флотом пространство уменьшалось, зато все турецкие траншеи

надо было брать с фронта: обход их с правого фланга преграждался сильным огнем с моря, а с левого — отмели — был доступен только коннице, но она еще не пришла.

К трем часам дня турки выкопали пятнадцать траншей и приблизились к крепости почти на ружейный выстрел. Но резервы уже подходили, и Суворов завязал бой.

Пятьдесят дервишей метались среди мусульман, воодушевляя их.

Силы были неравные. Отбив контратаку русских, турки стали теснить их к форту. Тогда Суворов бросился вперед, остановил отступавших и выбил турок из нескольких траншей.

Пятьсот корабельных пушек засыпали Кинбурнскую косу бомбами, ядрами и картечью. Пули турецкие были крупные, «двойные». У лошади Суворова оторвало морду; его самого ранило картечью в бок. Он потерял сознание и, как сам потом говорил, «был от смерти на полногтя». Придя в себя, он увидел пехоту, отступавшую к крепости. Русские пушки были захвачены турками; они отвозили их к себе у него на глазах.

В это время галера «Десна» сбила с позиции несколько фланговых судов противника, и Юсуф-паша отвел к Очакову почти весь свой флот...

Солнце было низко. Пехота отступала. Но к месту боя спешили резервы. Все подкрепления уже прибыли. У Суворова было теперь до двух тысяч свежих солдат.

Превозмогая боль, полный решимости, он ударил на турок всеми своими силами, очистил пятнадцать линий окопов и прижал противника к самой воде.

Рука Суворова была прострелена и кровоточила. Казачий есаул сорвал с шеи свой галстук и перевязал рану.

Два эскадрона павлодарцев примчались на берег. Суворов указал им на море.

И море не остановило их.

Они кинулись на конях в воду, словно собираясь переплыть Лиман и штурмом взять очаковскую твердыню. Но это был маневр — казаки отыскивали отмели, чтобы зайти туркам в тыл.

Турецкий флот удалился — возможности отступить

на суда у противника не было. И он стал отчаянно отбиваться, когда пехота атаковала его с суши, а конница — с тыла, со стороны моря. Но русские выходили из волн и влямывались в самую гущу турецких войск.

Турки устилали песчаную косу трупами.

Артиллерия громила их картечью, пехота — штыками, конники саблями сбрасывали в море. Почти весь десант был уничтожен. Только семьсот человек спаслись на мелких судах...

Победа была полная. После Кинбурнского боя турки сняли блокаду Лимана, и Эски-Хуссейн увел эскадру к турецким берегам.

Бездействие флота угнетало Суворова, заставляло его писать горькие строки: «О, коли б он, как баталия была, в ту ночь показался, дешева была б разделка!»

Но Мордвинов не рискнул появиться у Кинбурна, а Войнович не посмел выйти из Севастополя и перенять Эски-Хуссейна на его возвратном пути.

3

Успех сухопутных войск Суворова объяснялся его решительностью. Она имела славную традицию, восходящую к военному искусству Петра.

Но флот также был его детищем, и решительная тактика на море прямо указывалась петровским морским уставом.

Традиция русского военного искусства для армии и флота была одна.

И все же случилось так, что о ней мало-помалу забыли во флоте. В этом была повинна школа, которая предписывала адмиралам осторожность, уча их не развязывать на морях боев.

Это была английская школа. Боевые инструкции британского флота с сугубой строгостью предписывали осторожность. В 70-х годах XVIII века в Россию было приглашено много английских морских офицеров. Это не могло не повлиять на русских моряков.

Англичане приносили с собой нечто чуждое духу русского военного искусства: все они находились под властью рутины, даже наиболее способные из них.

Мордвинов, обучавшийся в Англии, был сторонником общепризнанной нерешительной тактики, Войнович — уже вовсе жалким ее представителем.

Но Ушаков твердо верил, что тактика эта доживает последние дни.

Надо было дерзать! Жизнь властно толкала к этому; требовалось совершенно изменить характер морской войны.

Главное уже было ясно: действовать необходимо решительно. Парусами управлять точно и быстро и особо обучать такому искусству людей. Первый удар наносить флагману противника, ибо всякий неприятель (а в особенности турки) после этого должен притти в расстройство. Поражать неприятеля прицельной стрельбою (в грядущих сражениях артиллерии будет принадлежать многое, если не всё).

Ушаков просматривал «Устав морской» и по-новому читал знакомые строки: «Капитанам и командирам кораблей не стрелять из пушек по неприятелю прежде, нежели они толь близко придут, чтоб можно вред учинить».

При большой пловучести деревянного корабля потопить его было делом нелегким. Слова устава означали, что сходитья с противником надо как можно ближе, а затем — громить его залпами всего корабельного борта.

И Ушаков решил сделать старинное русское искусство «огненного боя» таким же грозным, каким оно было при Петре Первом, а если удастся, то еще грозней...

* * *

Каждое утро барабанщик на шканцах «Св. Павла» ударял тревогу, и люди на батарейных палубах занимали свои места.

Артиллерийские офицеры громко командовали:
— Ученье будет пушками!..

Комендоры становились у орудий, положив правые руки на крышки запалов, по обе стороны от них — прислуга, а рядом — помощники с фитилями в руках.

Прислуга раскрепляла у пушек тали, комендоры снимали с запалов крышки.

— По человеку в порт для снятия пробок!

Матрос выходил через амбразуру за борт и вынимал из орудия втулку. Потом он «банил» пушку внутри щеткою, принимал картуз с пыжом и надкусывал его.

— Посылай до места!

Матрос посылал картуз «до казны»; оборотив щетку, прибывал порох, закатывал в пушку ядро и клал второй пыж.

— Люди, ступай в корабль!.. Бери с порохом рог!..

Комендор протыкал протравкой запал и сыпал на него порох.

— Прицеливайся!

Комендор смотрел между двумя большими пальцами вдоль по пушке.

— Пали!

И комендорский помощник подносил к запалу фитиль...

На все это уходило минуты четыре. Но Ушаков добивался большей быстроты и лучшей сноровки. Он требовал, чтобы канонир помнил завет Петра, оставленный им морским артиллеристам: «Стрелять как возможно скоро, однакож с доброю прицелкою, дабы действительно выстрелы были, а не гром один».

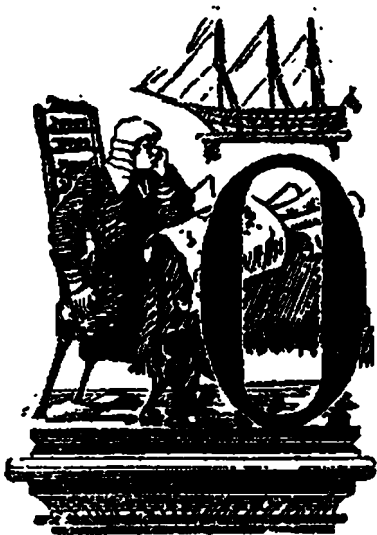
Глава VII

ОГОНЬ ПО ФЛАГМАНУ

«Трудимся в поте лица».

Петр I

1

КОЛО 1780 года в Англии один чиновник, никогда не знавший моря, привел в изумление своих родных и друзей.

Человек этот, по имени Джон Клерк оф-Эльдин, шотландец по происхождению, неожиданно обнаружил интерес к военно-морскому делу и обзавелся моделями парусных судов.

На прудах старых, запущенных парков и на столах в комнатах у себя дома стал он делать опыты с этим игрушечным флотом. Связи в морском ведомстве открыли ему доступ к адмиралтейским архивам, и он принялся изучать историю морских битв Англии за последние сорок лет.

Почти все они кончались «вничью». Попытки английских адмиралов нанести удар усиливавшейся на море Франции оставались безуспешными. Это вызывало в Англии сильное недовольство флотом, но в его составе не было ни одного человека, способного объяснить причину неудач.

Джон Клерк, не будучи ни моряком, ни военным, решил оказать стране эту услугу.

Маневры с игрушечным флотом и упорное изучение планов сражений помогли Клерку решить задачу, а беседы с людьми из Адмиралтейства убедили его в своей правоте.

Разбор двенадцати морских встреч английских и французских флотоводцев открыл Клерку глаза на допускаемую всякий раз одну и ту же ошибку: адмиралов связывало «поклонение строю»; они вели бои только в строе кильватерной колонны, двигаясь параллельно противнику; при этом авангард находился против авангарда, центр — против центра, арьергард — против арьергарда; флотоводцы стремились к нанесению равномерного удара по всей линии, и бой сводился к поединкам отдельных кораблей.

Атаковать превосходящими силами часть флота противника не допускалось. Нельзя было нарушить строй даже для оказания поддержки товарищу. Командиры быстроходных кораблей и фрегатов должны были равняться по самому худшему своему ходоку.

Здравый смысл помог «сухопутному» Клерку обнаружить нелепость, долгое время ускользавшую от внимания моряков.

Но нелепость не ограничивалась сохранением строя. Начинать атаку разрешалось, только заняв наветренное положение. Сперва стремились выиграть ветер. До этого не начинали боя даже со слабейшим противником, а на выигрыш ветра иногда уходило несколько дней.

В конце первой половины века (в 1744 году) английский адмирал Мэтьюз отважился выйти из строя. Это было в сражении при Тулоне. Он нарушил строй, чтобы напасть на растянувшийся авангард противника, но не был поддержан собственным арьергардом. Маневр не принес Мэтьюзу успеха, и он был предан суду.

Спустя тринадцать лет другой английский адмирал, Бинг, проиграл сражение у Минорки и был за это казнен.

Суд, приговорив его к смерти за нанесение позора британскому флагу, в то же время одобрил основную нелепость — то, что адмирал сохранил строй.

Но как раз сохранение строя и не позволило Бингу

добиться победы. Он не подошел во-время к своему авангарду потому, что ровнялся по самым худшим ходам своего отряда. Мало того — имея на один корабль больше, чем у французов, он вывел его из линии, чтобы сравнить число английских и неприятельских кораблей.

Дальше идти было некуда. Казнь Бинга окончательно утвердила «поклонение строю», связала английских адмиралов, завела их в полный тупик.

Клерк все это понял. Желая, чтобы это так же хорошо поняли и другие, он начал писать труд.

Вскрыв причину неудач британского флота, он объявил тактику, предписанную Адмиралтейством, непригодной и предложил новый способ атаки, в основе которого лежали решимость и риск.

Он советовал нападать на противника, стремясь разделить его силы, и затем атаковать часть его флота ударом превосходящего числа кораблей. В сущности, это было не ново: Рюйтер прославился как мастер свободного маневра. Маневр был широко известен и только забыт.

Павел Гост подробно говорил о маневре, но не был сторонником прорезания строя. Кроме того, он учил, что «два равных флота могут принудить один другого к бою».

Клерк же требовал **навязать** противнику бой.

В январе 1782 года он отпечатал пятьдесят экземпляров своей книги и роздал их друзьям¹.

Не случайно в те же годы на английских судах появились скорострельные карронады — оружие ближнего боя, созданное для тех, кто больше не станет уклоняться от боев.

Всюду, во всех областях, жизнь выдвигала одинаковые требования, новые идеи витали в воздухе.

Но пока на Западе адмиралы колебались, последовать им или нет за Клерком, русский моряк Ушаков собственным умом отыскал путь к победе и ждал только случая, чтобы доказать свою правоту.

¹ Книга Клерка под названием «Движение флотов» вышла в России только в 1803 году.

Ушаков жаждал скорее сразиться с противником. Но к этому отнюдь не стремилось начальство: Войнович боя не искал.

Между тем турецкий флот опять стоял у Очакова, попрежнему угрожая Кинбурну. Потемкин, ища человека, способного дать решительный отпор туркам, вызвал в Херсон Ушакова. Но Мордвинов немедленно отправил его обратно, и Ушакову участвовать в действиях галерной флотилии не пришлось.

А флотилии этой придавалось большое значение. Ей предстояло защищать Херсон и вести борьбу за Очаков. Потемкин, спешно ее пополняя, строил галеры в разных местах по берегам Днепра.

Он принял также решительные меры для охраны Крыма от турецких десантов: на случай, чтобы крымцы не ударили русским в спину, он приказал отобрать у татар оружие и татарских коней выгнать за Перекоп.

А Эски-Хуссейн весной появился в Лимане; у него было десять кораблей, шесть фрегатов и пятьдесят малых судов. Но Потемкин успел усилить Лиманскую флотилию — в ней насчитывалось уже до семидесяти вымпелов. Мордвинов больше не командовал ею и распоряжался теперь лишь по хозяйственной части.

7 и 17 июня турки дважды пытались уничтожить русские суда в Лимане, но потеряли два корабля и укрылись под защиту очаковских батарей.

«Севастопольский флот невидим... — писал Суворов. — Войнович в пространстве, быть может он маневрирует, как академик...»¹

Поведение Войновича возмущало Потемкина: все его понуждения оставались напрасными — Марко Иванович в море не выходил.

Но в севастопольском адмиралтействе кипела работа. Люди «переменялись на две вахты». Из Херсона на волах доставляли мачты; их доделывали и ставили на поврежденные суда эскадры. Ушаков сам следил за ремонтом. Работали день и ночь.

18 июня турецкий флот сделал попытку уйти в море,

¹ «Академией» Суворов в шутку называл штаб Потемкина.

но попал под огонь кинбурнских пушек, запутался в трудном фарватере и, обстрелянный со стороны Лимана, потерял пять кораблей, два фрегата и еще несколько судов. После этого он ушел, оставив под Очаковым только свою гребную флотилию. Но ее вскоре заблокировал русский гребной флот.

18 же июня в море вышел Войнович. Марко Иванович сделал это, положившись во всем на командира своего авангарда.

И он мог быть спокоен: авангардом командовал Ушаков.

3

Море было свежее и ветер встречный, когда вышли из Севастополя. Эскадру Войновича составляли два корабля и десять фрегатов; за ними следовали двадцать четыре небольших судна, годных для разведывательной службы и крейсерства у берегов.

Войнович держал флаг на корабле «Преображение». Ушаков шел на «Св. Павле». Перед выходом в море он приказал:

— Люди расписаны по местам... Каждый знает свое место и спешит исполнить ему должное... В неприятеля стрелять только ближними, прицельными залпами. До подхода на пистолетный выстрел огня не открывать!

Войновичу он объявил:

— Могу ручаться за успешные действия авангарда, ежели будет дозволено мне поступать безбоязненно.

— Делай, батюшка, как знаешь, — ответил Марко Иванович и предоставил Ушакову свободу, махнув рукой на все...

Крейсеры донесли, что Эски-Хуссейн получил подкрепление и сам ищет встречи с русской эскадрой.

Но неприятеля нигде не было видно. Войнович держался между Очаковым и Березанью — островом Святого Евферия, как назывался он тысячу лет назад.

Флоты киевских князей всегда проходили мимо него, держа путь к Византии. Здесь зимовал Святослав, отважный, неутомимый воитель с русым чубом на бритом темени и золотой в ухе серьгой.

Тот же ветер тянул с берегов, что и в давние времена Святослава.

Турки не появлялись.

Когда Войнович приблизился к Гаджибею¹, крейсера вновь донесли: флот противника — под парусами и лавирует в сторону Севастополя.

Наконец 29 июня на эскадре заметили турецкие суда.

Они находились близ острова Фидониси, к востоку от устьев Дуная. С этого дня их уже не теряли из виду.

1 июля Войнович прислал Ушакову записку:

«Любезный товарищ! Мне бы нужно поговорить с вами. Пожалуйста, приезжай, если будет досуг. 20 линейных кораблей насчитал!»

Ушаков усмехнулся. У него не было ни досуга, ни желания говорить с Войновичем.

Утром следующего дня шлюпка доставила новое письмо:

«Если подойдет к тебе капитан-паша, сожги, батюшка, проклятого! Надобно нам поработать теперича и отделаться на один конец. Если будет тихо, посылай ко мне часто свои мнения и что предвидишь. Будь здоров и держи всех сомкнутыми, авось избавимся...»

— «Авось избавимся!» — повторил Ушаков, скомкал письмо и скрипнул зубами. — А вот как избавиться от тебя?!

В тот же день флоты сблизились. Теперь можно было разглядеть противника. Ушаков, стоя на шканцах, смотрел в подзорную трубу.

Он определял ранг судов и прикидывал в уме соотношение сил обоих флотов.

У турок было семнадцать кораблей и восемь фрегатов; двадцать четыре мелких судна держались за ними «в замке».

Ушаков насчитал 1100 неприятельских пушек. У Войновича было 550 орудий. Общий вес турецкого залпа составил бы 410 пудов металла; вес русского залпа — едва 160 пудов.

Русские корабли, не обшитые медью, обрастали ракушками, травой и уступали турецким в быстроте хода,

¹ Г а д ж и б е й — укрепление, на месте которого в 1794 году была основана Одесса.

а пушки, наспех отлитые на Баташевских заводах, были малокалиберными.

Флот турецкий был гораздо сильнее русского. Но стал он таким недавно. Из всех народов, живших вблизи Средиземного моря, турки последними завели себе парусные суда.

Еще недавно корабли их были громоздки, плохо вооружены и черпали воду нижними батареями при самом слабом ветре. Экипажи их не знали своего дела, а командирами становились те, кто больше за это платил.

После Чесменского боя началось преобразование турецкого флота. Французские инженеры построили Порте много судов по чертежам Тулонского адмиралтейства, снабженных сильной артиллерией, легких в ходу. На них появились греки — хорошие, опытные матросы. Но обучить турок попрежнему было трудно: они служили на флоте только в летнее время, осенью же уходили домой.

Порта нашла выход. За проигранные сражения она стала жестоко наказывать своих адмиралов и капитанов. И турки теперь сражались отчаянно. Их корабли было легче потопить или сжечь, чем заставить спустить флаг...

На рассвете 3 июля при тихом северо-восточном ветре эскадры стали сходиться. Капудан-паша Эски-Хуссейн надеялся одолеть русский флот.

Подошедший крейсер принес добрые вести: Потемкин обложил с моря и суши Очаков и сжег укрывавшиеся в его бухте турецкие гребные суда.

Это сильно подняло дух команд перед боем. Весть мгновенно разнеслась по кораблям и фрегатам, и «ура» прокатилось по ним, как залп.

Совсем рассвело. Ясно обозначился остров Фидониси.

Внимание всех теперь было приковано к турецкому флоту. Он лежал к северо-западу, в быстро исчезающей пелене тумана. Ушаков в подзорную трубу следил за противником, наблюдая то самое, что видел уже не раз: турецкий флагман обходил свой флот и давал словесные указания каждому командиру...

Артиллерии унтер-лейтенант Копытов, рябой, приземистый, стоял рядом с Ушаковым.

— Федор Федорович, — недоумеваю, спросил он, — что это делает капитан-паша?!

Ушаков опустил трубу и повернулся к унтер-лейтенанту. Лицо его было красно, кожа во многих местах лупилась от солнца. Острые молодые глаза щурились в светлых лапках морщин.

— На сигналы в бою не надеется, — сказал он с усмешкой, — и на своих командиров также. Сигналов в дыму не увидят и будут в незнании, что им делать. Вот и наставляет их словесно... Но мы флагмана разобьем, и они побегут!

— А со стороны поглядеть — силища! — пробормотал Копытов.

— Практикованным, — весело сказал Ушаков, — весьма выгодно подражаться против неискusstва! Противник — нерегулярный, хотя и силен...

Эски-Хуссейн тем временем строил флот к бою. Из пяти кораблей он составил арьергард, из шести — центр, из шести — авангард и сам пошел в авангарде. Ушаков приказал идти курсом, параллельным противнику, чтобы выяснить намерения капудан-паши.

Около полудня турки стали спускаться на русскую эскадру, стремясь обойти и окружить ее авангард.

Ушаков отдал приказ передним своим фрегатам прибавить парусов и обойти с наветра головные корабли турецкого флота. Это дало бы ему возможность поставить неприятеля в два огня.

«Св. Павел» и фрегаты «Берислав» и «Стрела», рванувшись, пошли как бы в авангарде у противника. Эски-Хуссейн понял грозившую ему опасность и тоже усилил парусность. Его атака не удалась, и он стремился теперь во что бы то ни стало вырваться вперед.

Командные слова долетали с вражеской эскадры. Вслед за ними отчаянный крик поднимался на всех турецких судах. Матросы порознь тянули снасти, спорили и даже вступали между собой в драку. Плохо управляемые суда их слишком растянулись. Русские же приближались в сомкнутом строю.

Авангарды сошлись в два часа пополудни. Старший флагман русской эскадры находился еще за островом, и руководство боем взял в свои руки Ушаков. Не дожидаясь сигнала Войновича и ничуть не заботясь

о сохранении строя, он обрушился на врага с одним кораблем и двумя фрегатами; против каждого из них было по три и четыре турецких корабля.

С обеих сторон открылась жестокая канонада. Но турки вели огонь беспорядочно и то из одних, то из других орудий. Русские же били противника только прицельными залпами и разряжали свои борта полностью в самый упор.

Ушаковская выучка пошла наконец в дело.

Расписанные по местам люди работали дружно и весело. На батареях не видно было никакой суеты.

Через полчаса два передовых турецких фрегата были отрезаны от своего флагмана и, не выдержав русского огня, обратились в бегство.

— Бесподобно!.. — прокричал в рупор Ушаков.

Бежавшие фрегаты поставили капудан-пашу под удар, и Ушаков кинулся на него с превосходящими силами. К этому он и стремился. А так о в а т ь ф л а г м а н а и связать его боем было вернейшим средством привести в смятение турецкий флот.

Эски-Хуссейн, когда его фрегаты проходили мимо контргалсом¹, стал осыпать их ядрами, требуя, чтобы они возвратились в строй.

Но они бежали, и капудан-паша бросился их преследовать.

— Бездельник! — закричал Ушаков. — Да он их сам, без моей помощи, разобьет! — И приказал усилить огонь по флагману.

Вся тяжесть боя легла на Хуссейна. А русский арьергард и центр громили растянувшуюся эскадру противника и не давали ее судам притти на помощь капудан-паше.

Ушаковцы разряжали свои борта с великим искусством: «Св. Павел» действовал, как одна огромная пушка. Унтер-лейтенант Копытов сам наводил орудия и потом считал пробоины в корпусе турецкого корабля.

Ветер становился горячим. Все было накалено. По ли-

¹ Контргалс. — Если ветер дует с левой стороны, то говорят, что судно идет левым галсом; если ветер с правой стороны, говорят, что идет правым галсом; если одно судно идет левым галсом, а встречное — правым, то оба они, одно относительно другого, идут контргалсами.

цу Ушакова текли струйки пота. Он сорвал с головы парик и утерся им, как полотенцем. В слепящем блеске и зное лежало древнее Русское море, которое Петр завещал добыть потомкам...

Копытов, пробегая по палубе, крикнул:

— Что, Федор Федорович, жарко?

И Ушаков ответил, как Петр говаривал на своих верфях:

— Трудимся в поте лица!..

Уже на одном турецком корабле была сбита мачта, на других — стеньги; потоплена одна шебека¹. В пятом часу дня корабль капудан-паши повернул на другой галс и стал уходить.

Русские фрегаты пустили ему вдогонку залп и разбили у него всю корму, так что большие доски полетели в воду.

За бежавшим турецким флагманом устремился и весь его флот.

Ушаков гнался за ним до наступления сумерек. Но турки быстро уходили на запад — их спасала легкость в ходу...

Это была победа. Первая большая победа Черноморского флота.

Уже при звездах Ушаков выстроил на верхнем деке команду.

— Поздравляю, — сказал он, — с первой генеральной нашего флота баталией!.. Одна доверенность ваша ко мне совершила сии успехи. Отечество не забудет вас! Спасибо, братцы!.. — И он поклонился матросам и командирам в пояс.

Команда ответила громовым «ура».

* * *

Утром на корабль приехал Войнович. Едва завидев Ушакова, он кинулся к нему с объятиями и расцеловал его в обе щеки.

— Ну, батюшка, — сладко пропел он, — поступил ты весьма храбро — дал капитану-паше порядочный ужин!

¹ Ш е б е к а — небольшое трехмачтовое (обычно корсарское) судно с вооружением от двенадцати до сорока пушек.

Мне все видно было! А флотик наш заслужил чести — устоял против этакой силы!..

— И чести заслужил и награды, — твердо сказал Ушаков.

— Награды?! — Войнович насторожился.

— Да, Марко Иванович, подаю вам о сем рапорт... Я сам удивляюсь проворству и храбрости моих людей. Они действовали с такою сноровкою, что, казалось, каждый учился стрелять по цели. Особенно же отличились унтер-лейтенант Копытов и командиры фрегатов Шишмарев и Лавров.

Они стояли на юте. Вблизи никого не было.

— Так, так, душенька... — Войнович пожевал губами и сказал внезапно изменившимся тоном: — Но я-то сего своими глазами не видал!

— Вижу, Марко Иванович, несогласие ваше и хотел бы знать причину.

— Прежде времени награждать не следует. Еще люди не успели себя показать.

— Они себя показали достаточно! Противник мог действовать пятью кораблями на каждый из наших и был на ветре, тем не менее — чувствительно поражен. К тому же речь идет о первой на здешнем море нашей генеральной баталии. Она есть свидетельство, что русская морская сила уже может быть грозною для неприятельных нам держав!

Ушаков говорил спокойно, усилием воли сдерживая негодование.

Войнович помолчал, словно испытывая его терпение, и затем протянул:

— Не зна-а-аю! Как князь взглянет... А он — не думаю, чтобы тобою доволен остался... Ты ведь, друг мой, поступил не во всем разумно: без сигнала моего начал сражение и бой вел не по правилам — из линии вышел, нарушил строй!

— Все движения эскадры были исполнением указа вашего превосходительства, ибо я, условясь с вами заранее, словесное дозволение на то получил!

Войнович опешил. Он и впрямь позабыл, что еще в Севастополе предоставил своему флагману свободу действий.

Не найдясь, что ответить, он повернулся и зашагал

по палубе. Ушаков проводил его до трапа и постоял, пока шлюпка контр-адмирала не отвалила от корабля.

Потом, пройдя к себе в каюту, он сел писать письмо Потемкину:

«...удостоите щедротою и покровительством исходатайствовать мне за болезнь увольнение от службы...»

Но рука остановилась. Он отложил в сторону черновик.

Войнович и всё с ним связанное отошло куда-то вдаль, словно и не было этого вовсе. Главное, то, что долгие годы было задачей для Ушакова, встало перед ним снова. Но теперь, после боя у Фидониси, это было решено...

Игрушечный флот Клерка выигрывал великие битвы на письменных столах и в водоемах, но его новая тактика не находила последователей среди адмиралов западных морей.

Отважный русский моряк своим умом отыскал путь, не побоялся проверить его в сражении, обрел окончательно свою систему в бою...

Он стал записывать мелькавшие мысли. Их еще надлежало развить в будущем, но в них уже было самое важное.

Это была морская «наука побеждать».

Он писал о том, что «нельзя соблюсти всех правил эволюции — иногда нужно делать несходное с оною»; что каждый бой требует своих путей для победы, но решительная тактика — основа всего...

В дверь каюты стучали — Ушаков не слышал. Выводя строки своим кругловатым старомодным почерком, каким писали в елизаветинское время, он ясно видел, как взрываются неприятельские корабли, идут ко дну целые эскадры и вражеский адмирал спускает перед ним флаг.

Глава VIII

„НАЧАЛЬСТВОВАТЬ ФЛОТОМ БУДУ Я!“

«Ближе к неприятелю — ближе к славе».

Румянцев

1

В СЛЕД за домом Мекензи поднялись над морем дома флотских подрядчиков, корабельного мастера Доможирова и, наконец, Ушакова. Три десятка домов, казармы, длинное каменное здание для морских офицеров да несколько греческих лавчонок и пекарен — это и был весь Севастополь. Запах свежее испеченного хлеба стоял над ним.

На опрокинутой шлюпке у крыльца ушаковского дома сидели двое: старый седоусый грек из соседней пекарни и здоровенный матрос Иван Полномочный. Матрос был слесарем со «Св. Павла». Он рассказывал греку про свою жизнь.

— С двенадцати лет, — говорил он, — вступил я в тяжелую работу: отцу в кузнице пособлял — молотом бил. Шестнадцати годов взяли меня на военную службу; хотели отдать одному офицеру, да я сказал, что знаю медное ремесло, чтоб не попасть в денщики...

Грек слушал, уставясь на собеседника жгучими печальными глазами, а матрос продолжал:

— Стал я корабельным слесарем. Служил в Херсоне, потом здесь, два года отделявал дом капитану Ушакову, железные и медные вещи работал для окон и дверей.

— А ты родом откуда? — спросил пекарь.

— Вологодский. Не близко отсюда будет. У нас местность обширная, всё леса да болота. А зима студеная, ты бы там не выжил.

— Я с острова Корфу, — сказал грек со вздохом. — У нас всегда тепло...

Он опустил голову, помолчал, должно быть вспоминая родину, и вдруг запел на своем языке песню. Он тянул ее долго, и матрос терпеливо слушал, пока ему не стало тоскливо от этой песни, слов которой он не понимал.

— Полно тебе ныть! — сказал он с досадой и тут только заметил, что приятель его плачет. — Да что ты разрюмился, дурак!

— Э, братец, ничего ты не понимаешь! — ответил пекарь. — Это такая песня, что ни один грек не может петь не заплакав.

— Какая ж она такая?

— Мудреная. По-русски нельзя сказать.

— По-русски все можно сказать! — уверенно возразил матрос. — Ну-ка, говори мне!

— Это, братец, такая песня, что всяк, кто поет ее, тот и плачет за свое отечество... А поют, стало быть, как одна птица сидела, ну и полетела далеко-далеко, через горы, через море, через лес, через туман. Ну и вот летит она, все летит, далеко летит и опять — еще дальше...

Матрос склонил голову и задумался, как бы что-то припоминая, а грек снова затянул песню про птицу, летящую через горы и море, лес и туман.

Они не заметили, как позади них отворилась дверь и на крыльцо вышел Ушаков. Он слышал рассказ грека и теперь, слушая его песню, видел, как все ниже опускает голову корабельный слесарь и почему-то прикрывает ладонью глаза.

Федор Федорович повернулся и ушел в дом.

Ступая по грубым, толстым половичкам, он направился к раскрытым дверям кабинета. Море стояло в его вы-

соких, с частыми переплетами окнах, похожих на стекла маячного фонаря.

Оконные задвижки, дверные ручки, навесы и даже косяки у дверей были медные и отражали бившее в окна солнце. Федор Федорович любил медь, и притом начищенную до блеска. В доме был строгий порядок, как на корабле.

Он сел за тяжелый, просторный стол, сделанный из мачтового дерева, и уставился взглядом поверх карты Черного моря, висевшей в углу. Море было на ней с берегами, островами, глубинами, подводными камнями и мелями; четыре крылатых ветра с надутыми щеками летели по ее концам:

Федор Федорович не глядел на карту. Прищуриль глаза, он видел совсем другое, мысли его были далеко.

Песня стояла в ушах, и чувство грусти охватывало его суровую душу.

Перед ним вставала его «сухопутная» родина — раздольный Тамбовский край...

Серебряная лента Мокши огибала Санаксарский монастырь, хорошо видный из Алексеевки — небольшой деревни Ушаковых. В половодье монастырь с трех сторон заливало водою, и казалось, что он плавает на воде. С запада его стеною окружал бор, с востока — задумчивая в своих песчаных берегах Мокша. По-над берегом стояли дубы, раскинув в небе могучие кроны; в одном из них было дупло, увешанное иконами, как часовня; в него свободно входил человек.

Федор Федорович помнил настоятеля Санаксарского монастыря — своего дядю Ивана. Суровый, молчаливый игумен в миру был офицером, но перенес какое-то горе и ушел в монастырь. Он был загадкой для мальчика и так и остался ею. Племянник рано потерял дядю из виду. Лишь недавно получил он запоздалые вести: в грозный пугачевский год Иван Ушаков (в монашестве Федор) защищал крестьян от обид темниковского воеводы и за это угодил в Соловки.

Помнил Федор Федорович и своего деда Игната, жившего далеко, под Романовом-Борисоглебском, в Ярославской губернии; там было родовое имение Ушаковых. Дед наезжал в Алексеевку погостить.

Отец, Федор Игнатьевич, занимал в Темникове

скромную должность и чин имел всего-навсего коллежского регистратора — самый малый из чинов.

В один из приездов деда отец показал ему связку каких-то бумаг. То были изображения новых гербов, утвержденных для городов губернии. Федор Федорович был еще мал; он взобрался к отцу на колени и стал разглядывать ярко раскрашенные гербы. Перед ним мелькнули: герб Темникова — большой и частый лес в золотистом поле, герб Лебедяни — с плывущим по реке лебедем и герб Елатымы — в голубом поле мачта и на ней — парус с золотыми шкотами. Это был первый в жизни парус, попавшийся ему на глаза.

Живое предание о Петре Первом, сохранившееся в памяти старожилов, укрепило тягу Федора к морю; его с самого детства окружали люди, встречавшие в Тамбовском крае Петра.

В Липецке он основал артиллерийские заводы — на них работали взятые в плен при Полтаве шведы. Заводы снабжали пушками флот. Четыре доменные печи и восемь горнов, литейные дворы и кузницы поставляли русским эскадрам пушки и ядра. Козьминский завод в Лебедянском уезде отливал корабельные якоря.

«Сухопутная» родина?! Нет, она была не совсем сухопутной! Не так уж велик ее долг перед морем. Во всяком случае, он, Ушаков, решил этот долг заплатить...

Федор Федорович встал и начал ходить по кабинету из угла в угол, заложив руки за спину и размышляя вслух:

— Привести в исправность суда, укомплектовать команды, подобрать добрый офицерский состав! Потемкин велит на Лиманскую флотилию принимать пехотных офицеров, говорит: «Лиман — не море, лишь бы дрался храбро». Прав, разумеется! На Лимане храбрость важнее компаса и астрономии, ну, а здесь не так. Здесь опыт нужен. А храбрость и ревность к службе — это само собою. Кто сего лишен, тому дома сидеть!... Вот Войнович и сидит, бездействует, делает во всем помехи и остановку. Не пойму я князя: отчего не уберет его, на Каспий, что ли? Ведь нам надо воевать!..

Он постоял у окна, потом резко повернулся и зашагал снова, бормоча и время от времени выкрикивая обрывки фраз:

— Данилов на фрегате «Святой Николай». Буду просить, чтобы ко мне перевели его!.. Пустошкина нет, на канатную фабрику послан, жаль!.. Нелединский, Поскочин, Голенкин славные командиры. Надо бы их с толком разместить по эскадре... А корабли — килевать! Очистить от травы, ракушек — дать им в ходу легкость. Да вот напасть — червь одолел. Точит и точит, выше ватерлинии забирается!.. Впрочем, главный червь древоточец — Войнович! Того и гляди, весь флот сгноит!

В кабинет вошел слуга Ушакова, Федор. Он остановился и сложил на животе темные, цвета мореного дуба, руки, тревожно глядя на Федора Федоровича из-под седых мохнатых бровей.

— Разбормотался как! — протянул он с укором. — Этого, батюшка, прежде с тобой не бывало!

— Не докучай, Федор, — тихо сказал Ушаков.

— Ты гнать меня погоди, — продолжал старик. — Я, батюшка, тебя, как в подзорную трубку, вижу. Один ты, как перст, никого близко тебя нет. Дошагаешься — выбьешься из ума.

Ушаков улыбнулся:

— Ты за меня не бойся.

— Да чего там — сторонние люди примечать стали.

— Какие люди?

— Войновичев денщик, к примеру. Говорит: «Нелюдимый у тебя барин, как серый волк».

— Это он не свои слова говорит.

— А хоть бы и так... Уж на что я на графа глядеть не могу, а ведь он про тебя, батюшка, дело сказывал...

— Что про меня Войнович сказывал? — хмурясь, спросил Ушаков.

— Что-де разумно бы Федор Федорович сделал, когда б женился...

Лицо и шея Ушакова вспыхнули, потом стали бурыми, и он пошел на Федора, опустив голову, словно намереваясь его боднуть.

— Ка-а-ак?! — заревел он. — Женить меня вздумали?! Войновичу на моей свадьбе погулять захотелось? И ты туда же? Ну, ступай, иди служить к нему, у него веселье что ни день!..

Он кричал и топал ногами, а Федор пятился от него вдоль стены, норовя отойти подальше. Так они дважды

обошли вокруг кабинета, пока Федор Федорович не выдохся и не повернулся к старику спиной.

Тогда Федор двинулся в наступление. Глухо ворча и постепенно возвышая голос, стал он приближаться к Федору Федоровичу, а тот — боком отходить от него, стараясь не смотреть ему в глаза.

— Так, так!.. — говорил старик. — Шуметь ты, батюшка, горазд, а что толку?! Года ведь бегут. Кто у тебя есть? Племяш, племянницы. Все хозяйство твое, деревенька прахом пойдут!..

— Я моряк, — сказал Ушаков. — Обременяться семьей не хочу. И чего ты пристал, право?

Федор произнес, явно лукавя:

— А ведь как было хорошо, когда у контр-адмирала Грейга сын родился: его, сказывают, сей же час в мичманы произвели.

Федор Федорович сказал мягко, но с той скрытой твердостью в голосе, которая не допускала уже возражений:

— Ступай, Федор, не мешай мне!..

Старик безропотно повернулся и вышел, притворив дверь.

2

С самой весны 1788 года шли слухи о тайных приготовлениях Швеции. В конце апреля русские пограничные посты в Финляндии были атакованы шведами, и России пришлось собирать армию для защиты северных своих границ.

Швеция, низведенная Петром I до уровня второстепенной державы, решила вернуть потерянное, выступив в союзе с турками. (Порта купила этот союз за три миллиона пиастров.) Шведский король был так уверен в успехе, что уже назначил в Петербург коменданта. Он надеялся в первом же сражении разгромить русский флот.

Но в морском сражении у Гогланда шведы сами едва не лишились флота: участник Чесменского боя Грейг атаковал их с необычайною силою. Русская картечь изломала вражеский рангоут, повредила снасти, изорвала паруса. Грейг мог истребить всю шведскую эскадру. Но

он был ученик старой английской школы; избрав для атаки самый малодейственный способ, он строго держал линию и поэтому не добился успеха. Однако натиск врага с моря был отбит.

То же самое произошло и на суше. Шведы осадили Нейшлот. Король сам руководил осадой. Два месяца простоял он под стенами крепости и ни с чем отступил.

Россия была так же тверда на севере, как и на юге. Но северный театр оттягивал силы. Борьбу приходилось вести на два фронта. И правительство принимало особые меры, чтобы обеспечить успех.

Было решено послать флот в Архипелаг и, повторяя план прошлой кампании, нанести Порте удар «с тыла». Русскому посланнику в Лондоне Воронцову уже предлагалось стать во главе десантов, которые высадятся на подвластных Турции берегах.

Но экспедиция не состоялась. В Англии крайне холодно отнеслись к этой затее, и России не пришлось осуществить свой план.

Между тем осада Очакова шла медленно. Эски-Хуссейн снова появился в Лимане и сильно укрепил остров Березань.

Потемкин тщетно убеждал Войновича:

«Пребывание флота, вам вверенного, в гавани не принесет пользы службе ее императорского величества».

Но Войнович после победы у Фидониси заважничал окончательно, ибо целиком приписал победу себе. Он доказывал, что противник силен, держится соединенно и атаковать его без всякой осторожности — значит рисковать флотом.

Потемкин резко отвечал Войновичу:

«Что касается до представления вашего о трудности атаковать неприятеля соединенного, то мудрено ожидать, чтобы оный стал делиться, не быв к тому принужден».

Главнокомандующий не мог сладить с контр-адмиралом. Войнович уклонялся от встречи с турками. А Эски-Хуссейн стоял у Очакова — прилип к нему, «как шпанская муха». И русские войска имели перед собою две силы: крепость и флот.

Чтобы отвлечь суда противника от Очакова, Потемкин послал к турецким берегам отряд крейсеров. Этот

поиск он поручил совершить Сенявину, уже состоявшему при нем генеральс-адъютантом. Сенявин истребил несколько вражеских транспортов у Синопа, но это не заставило Эски-Хуссейна ослабить в Лимане флот.

Только поздней осенью он ушел в Константинополь.

Черноморские казаки на своих легких «чайках» тотчас вышли в море и взяли укрепленную турками Березань.

Огромное войско, застоявшееся под Очаковом, пришло в движение. В ноябре закончились все приготовления к штурму. 6 декабря крепость была атакована и в тот же день взята.

3

«Я должен сказать: на будущий год не будет морской кампании. Все силы истощены, способов никаких нет к восстановлению... Севастопольский порт ничем не снабжен, мастеровые в Москве и в Петербурге, леса на корню, железо в Сибири, припасы в дальних провинциях России, долгов несчетно, артиллерии нет, доверенности нет нигде, и зима покрывает нашу степь».

Так писал Мордвинов, старший член Черноморского адмиралтейского правления, неделю спустя после взятия Очакова. Он извещал канцелярию Потемкина о невозможности подготовиться к морской кампании, не веря в молодой русский флот.

«Зима» действительно «покрывала нашу степь» — было без счету долгов, нехватало артиллерии, корабельный лес, припасы и материалы находились вдали от черноморских портов, — и Мордвинов унывал.

Он не понимал важности задачи, стоявшей перед Россией на юге: во что бы то ни стало обезопасить берега Крыма и Приазовья и сделать свободным для русских судов Черное море. Борьба требовала величайшего напряжения всех сил и средств.

И Россия нашла в себе силы, чтобы не только выставить в поле хорошо обученные армии, но еще и отвоевать пространство для адмиралтейств и корабельных верфей. Под огнем турецких пушек на отвоевываемых у турок водах строились новые корабли Черноморского флота. Херсон—Севастополь—Очаков были этапами на

великом походе к морю. В этой борьбе взятие Очакова открывало новую страницу — совместные действия русских сухопутных и морских сил.

Кампанию 1789 года Россия начала в союзе с Австрией и Данией. Это вызвало ряд враждебных мер со стороны Фридриха-Вильгельма, нового прусского короля.

Из Польши пришел слух, что немцы дают полякам сорокатысячное войско, чтобы отторгнуть от русских Белоруссию, а от австрийцев — Галицию.

Секретарь Екатерины II Храповицкий отмечал в своих записках: «В Берлине делаются воинские приготовления. Видно, что хотят воевать».

К туркам и шведам грозили присоединиться немцы. Борьба за Черное море предстояла упорная, длительная. И Потемкин, готовясь к генеральной встрече с противником, решил прежде всего иначе расставить людей.

14 апреля Ушаков был произведен в контр-адмиралы, вскоре — уволен Мордвинов, а вместо него старшим членом Адмиралтейского правления назначен Войнович. Ему поручалось начальство над всем Черноморским флотом, но «с передачею прав по заведованию морской частью в Севастополе» Ушакову.

Так Севастопольский флот был отдан в надежные руки, а Марко Иванович получил почетный перевод в Херсон.

4

Морские силы противника находились в непрерывном крейсерстве. В Крыму со дня на день ждали десанта, и Ушаков 19 июля вышел на рейд.

Но Войнович упорно держал флот в бездействии. Будучи его главным начальником, он сохранял свою власть над Федором Федоровичем и, пребывая в Херсоне, продолжал ему досаждать.

Победа при Фидониси принесла Ушакову награду — Владимира 3-й степени. Войнович возненавидел его за это.

«Немилости его ко мне беспредельны; опасаясь, что это может повергнуть меня в пропасть бездны», жаловался Ушаков.

Дело было не в самолюбии, которым он, в кон-

це концов, мог поступиться, а в самом главном, ибо по самому главному норовил нанести Войнович удар.

Зимой Ушаков добился назначения к себе Данилова флаг-капитаном¹. Марко Иванович не смог помешать этому. Но в начале июля он прислал к Ушакову капитана 1-го ранга Овцына с предписанием определить его вместо Данилова на флагманский корабль.

Овцын был человек немолодой, на восемь лет раньше Федора Федоровича окончил Морской корпус, далеко не блистал способностями и уже побывал в турецком плену.

Ушаков рвал и метал. «Сему не быть! — твердил он гневно. — Вся мощь — командующему! Права начальствующего эскадрой неприкосновенны!..»

И он, негодуя, написал Потемкину письмо:

«Я охотно желаю иметь у себя советника, но оный должен быть по выбору моему такой, который в случае мог заступить мое место и исправлять должность флагмана, в чем и все командующие были бы уверены; что же принадлежит до меня, то я и без того имею на корабле доброго капитана, а флаг-офицер определяется по выбору ж флагмана, способный, из молодых...»

Потемкину пришлось уступить. Он сделал все, что требовалось Ушакову: негласно отменил приказ Войновича и перевел Овцына в резерв, оставив его на берегу.

До осени флот бездействовал. Между тем армия, двигаясь от Очакова по побережью, дошла почти до дунайских гирл. В Валахии главные силы турок были разбиты 21 июля при Фокшанах, а 7 сентября — при Рымнике. Обе победы стяжали славу Суворову и были одержаны благодаря его блистательному искусству, в котором маневр, неожиданность переходов, скрытное приближение к противнику, удар, картечь и быстрота преследования решали всё.

3 сентября из Очакова с частью гарнизона выступил генерал Гудович, имея приказ атаковать и взять турецкую крепость Гаджибей.

Эту операцию сухопутных сил было решено провести совместно с флотом. Предполагалось, что днепровские гребные суда и часть черноморских сил, стоявших в Лимане, соединятся для этого с Севастопольской эскадрой.

¹ Флаг-капитан — начальник штаба.

Войнович еще в августе доносил Потемкину: «Располагаем сделать атаку в одно время на море и на земле».

Небольшое укрепление Гаджибей, возведенное в самом северо-западном углу Черного моря, возвышалось на поросшем кустарником берегу. Турки добывали из гаджибеевских лиманов соль и рыбу и вывозили в глубь края. За солью, рыбой, хлебом и смушками ходили под Гаджибей запорожцы. Из года в год тянулись туда за солью чумацкие возы.

Вблизи крепостцы раскинулось татарское селение — землянки, накрываемые в зимнее время войлоками. При малейшей тревоге татары вскакивали на повозки и бежали в степь.

Крепостца была каменной, пятиугольной, с двумя круглыми и одной четырехгранной башнями. Главной же ее защитой являлся крейсировавший вблизи флот.

Гудович, выступив из Очакова, употребил на небольшой переход до Гаджибея десять суток: войска шли только ночью, а днем скрывались в камышах.

Передовым отрядом командовал генерал-майор де-Рибас. Уроженец Неаполя, испанец по происхождению, он в 1772 году волонтером прибыл в Россию. Это был человек необычайно ловкий, о котором говорили, что он может провести всякого, но в отваге и решительности ему никак нельзя было отказать.

В ночь на 13 сентября де-Рибас довел свой отряд до Кривой балки, в четырех верстах от крепости, и получил подкрепление от Гудовича. На рассвете следующего дня он решил начать штурм.

Густой туман стоял над морем и над землей. Это помогало отряду действовать скрытно. Нужно было овладеть крепостью одним ударом, чтобы державшийся у берега флот противника не успел высадить десант.

Общий план был таков: Ушаков должен был отвлечь турецкий флот в море, а Войнович с Лиманской флотилией и новыми кораблями — подойти к Гаджибею и оказать помощь войскам.

Но Войнович был верен себе: он не позаботился заблаговременно дать приказ Ушакову и сам не явился в назначенный срок.

Не дожидаясь Гудовича, де-Рибас на заре 14 сентября тихо двинулся к крепости. Пушечные колеса были об-

мотаны соломой, а тесаки — паклей. Одна часть отряда должна была атаковать Гаджибей со стороны моря, а другая — с тыла ворваться в форштадт.

Несмотря на туман, движение было замечено с турецкого флота, и он открыл огонь. Под жестоким обстрелом солдаты взошли на обрыв, приставили лестницы к стенам крепости и овладели ее левым флангом. В то же время де-Рибас, заняв форштадт, бросил своих людей на правый фланг укрепления, а над морем выставил батарею из десяти пушек. Эта батарея и решила дело, заставив турецкий флот отойти.

Гаджибей был взят, но успех отнюдь не являлся полным: флот противника ускользал; он еще держался недалеко от берега, но ему уже нельзя было вредить пушками, а морских судов де-Рибас не имел.

Впрочем, Войнович прислал ему несколько канонерских лодок. Но командирам их было приказано не вступать в сражение и стоять у Гаджибея в укромных местах.

С возмущением и досадой де-Рибас доносил Потемкину:

«Я дал бы отрубить себе два пальца, чтобы только завтра с восходом солнца увидеть нашу флотилию! Желание это разделяют со мною несколько тысяч человек, которые убеждены, что от нас не уйдет ни один неприятельский корабль... Вы в состоянии наносить удары, мы же можем давать только щелчки, если граф Войнович не примет участия в деле. Ах, какой момент был бы сегодня между 6 и 7 часами утра, если бы ветер не был так силен!..»

Экипажи канонерских лодок томились в бездействии. А турки, покрейсировав у берега, удалились.

17 сентября возмущенный де-Рибас написал в потемкинский штаб:

«Страшно слышать разговоры здешних о графе Войновиче. Я умалчиваю о своих прежних рапортах, но морской журнал всегда будет говорить...»

Прошло четыре дня, и турецкий флот вновь появился у Гаджибея. Он был усилен кораблями и фрегатами и шел под флагом капудан-паши. Флот сделал бесполезный маневр и сжег много пороха, но ни одно ядро не долетело до берега. Тогда капудан-паша приказал матросам и

солдатам поднять страшный крик и подойти ближе. Турки несколько раз устремлялись к берегу; попадали под огонь и поворачивали обратно; затем они прекратили попытки и ушли в море.

Но в море встретил их Ушаков.

«Выпущенный» наконец своим начальником из Севастополя, он пошел к Очакову и 22 сентября, находясь у Тендры, увидел турецкий флот. Турки шли от Гаджибея под всеми парусами. Ушаков сделал несколько пушечных выстрелов, извещая Кинбурн и эскадру Войновича о своем прибытии, и погнался за капудан-пашой. К рассвету следующего дня неприятель виден был на горизонте; он прошел уже остров Фидониси и держал курс на юг.

Ушаков, считая свое поручение выполненным, оставил в море крейсера для наблюдения за противником и вернулся в Севастополь.

Для Марко Ивановича путь был открыт.

Тотчас после ухода турецкого флота, бежавшего от Ушакова, Войнович вышел из Лимана и с четырьмя новыми кораблями и десятью фрегатами прибыл в Гаджибей.

Жалкая роль Войновича в этом деле окончательно раскрыла на него глаза Потемкину, но он все еще не решился отстранить его совсем. Он только передал командование Лиманской гребной флотилией в руки де-Рибаса. К тому же флотилию эту уже впору было именовать Днестровской, так как действия ее переносились на Днестр.

Войнович с новыми кораблями пришел в Севастополь, принял начальство над флотом и вскоре вновь отправился в море.

Кампания закончилась. Русские войска овладели почти всей Бессарабией, лишь немного не дойдя до Дуная и до его неприступного ключа — Измаила. Были взяты Кишинев, Бендеры и на побережье — укрепления Гаджибей, Аккерман.

В годовщину взятия Очакова была заложена вторая кораблестроительная верфь Черноморского флота — Николаев.

Эти успехи России взволновали не одних только турок, но также пруссаков, шведов и англичан.

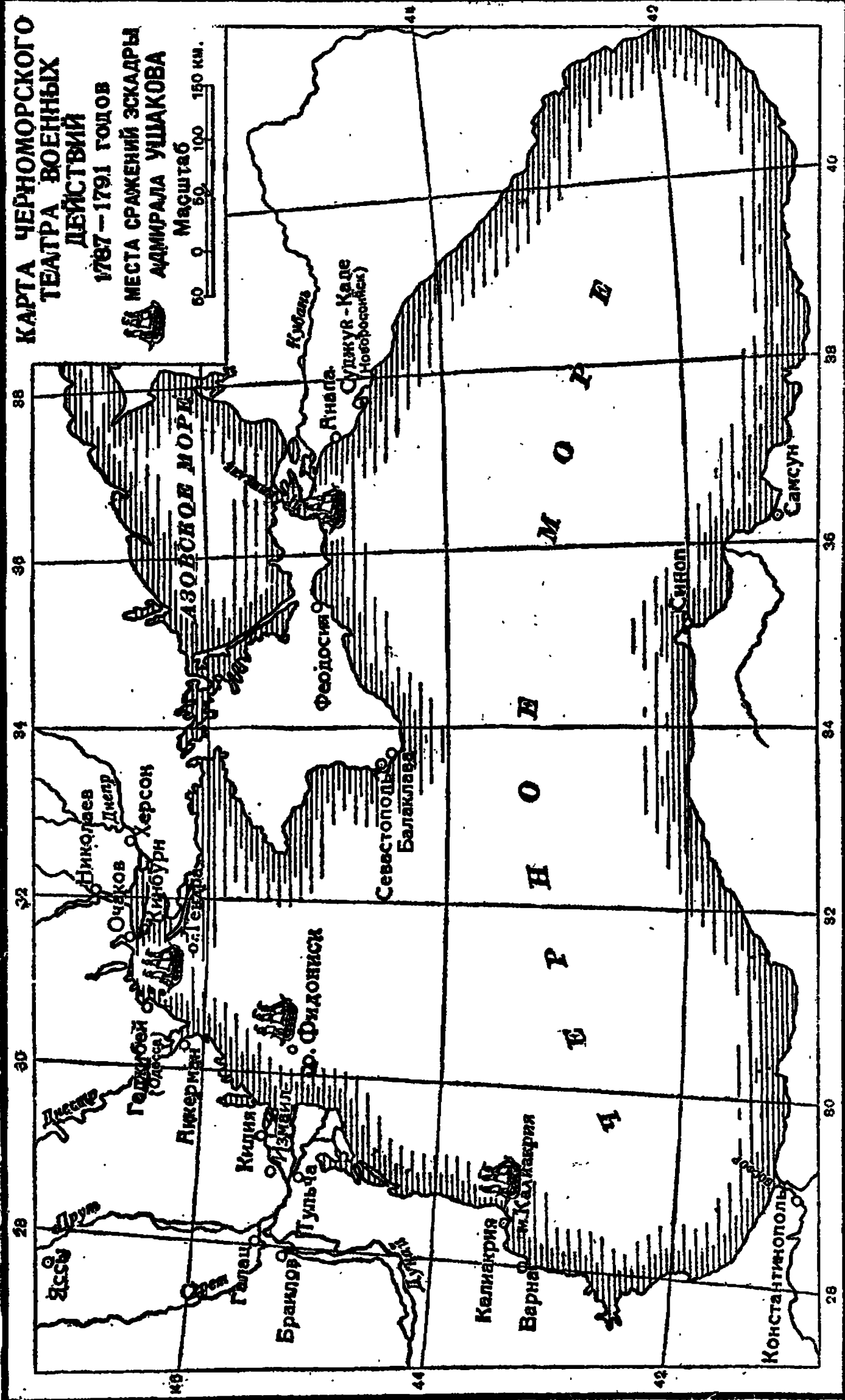
**КАРТА ЧЕРНОМОРСКОГО
ТЕАТРА ВОЕННЫХ
ДЕЙСТВИЙ**

1767 — 1791 ГОДОВ

**МЕСТА СРАЖЕНИЙ ЭСКАДРЫ
АДМИРАЛА УШАКОВА**

60 0 50 100 150 км.
Масштаб

Всю зиму провел Ушаков в трудах, готовя к боевым встречам эскадру. Войнович сидел в Херсоне, не отягощая себя севастопольскими делами, и Потемкин все реже обращался к нему.

А забот было много. Кампания предстояла трудная. Союзник России австрийский император Иосиф умер, и было неизвестно, как поведет себя теперь Австрия, а на турецкий престол вступил новый султан — Селим III, не желавший слышать о мире и усиленно вооружавший флот...

В один из мартовских дней Ушаков принимал на Павловском мыске новые пушки. Стояло вёдро. Третьи сутки тянуло с моря южным ветром, и уже кое-где на холмах пробивалась желтизна цветущих кизиловых зарослей. По-праздничному нарядными казались простые матросские мазанки, накрытые красными колпачками черепичных крыш.

Севастополь рос. Дружно воздвигаемая на месте пустынного Ахтиара, вращалась в камень твердыня русских морских сил.

Павловский мысок был завален корабельным лесом. Вытянувшись во весь свой рост, лежали отборные деревья, выросшие на сухом грунте, могучие, полные жизни, без всяких признаков перестоя; их везли сюда за тысячу и более верст.

Множество людей готовило флот к выходу в море. Одни кренговали корабль — кренили его на один борт, чтобы вышла из воды подводная часть противоположного борта; другие оснащали фрегат — поднимали на нем стеньги и реи, привязывали паруса и продевали бегучую снасть.

Ватага красных от натуги мастеровых тащила на цепях огромную мачту; четверо пособляли им, орудуя ломами. Матросы на прибрежных камнях шили паруса...

Ушаков испытывал присланные на эскадру пушки. Среди них были чугунные и медные орудия разных калибров. Он осматривал зеркалом канал каждого пушечного ствола — гладко ли просверлен, нет ли в нем раковин или каких зацепок, и всякий раз тщательно измерял калибр.

Артиллерийский офицер отмечал в ведомости, какие орудия хороши и какие надо исправить; о забракованных же писал: «К употреблению опасны, не принимать».

Осмотрев всю партию, Федор Федорович сказал:

— На орудия, кои приняты, наложить знаки адмиралтейские, а именно — якорь; на те, кои в гарнизон годятся, — литеру «г»; о негодных ведомость послать в Адмиралтейств-коллегию. — И, окинув пушки взглядом, заметил, потирая руки: — Будет что поставить на корабли!..

Шагая через бревна и доски, ступая по галечнику и лоскутам старой парусины, он поднялся на пригорок, где шили паруса.

Ослепительно блистая на солнце, сновали в руках матросов длинные иглы; громадный парусничий наперсток был надет у каждого из них на ладонь.

Корабельный мастер Доможиров поучал их, следя за работой:

— На каждый парус полотна класть надлежит по пропорции тяжести, чтобы не было в больших нижних парусах легкого, в легких — тяжелого полотна...

Доможиров, здоровяк с багровым от избытка крови лицом, говорил, сильно бкая. Он был родом из Новгорода и слыл потомственным знатоком корабельных лесов.

Люди, тащившие на цепях мачту, остановились на берегу, перекатывая катки под среднюю часть дерева.

Ушаков, подойдя к Доможирову, сказал:

— Не худо бы кран мачтовый завести. Как полагаешь, Дмитрий Андреевич?

— Известное дело, — прогудел корабельный мастер. — Ежели кран — можно малым числом людей с любым деревом совладать.

— А с червем как совладать, не знаешь? Гляди, что делается! — И Ушаков показал рукой на море.

Матросы, кренговавшие корабль, уже накренили его и теперь очищали от травы и ракушек выступившую из воды подводную часть.

Обезображенная червем древоточцем, она выходила из-под наростов и грязи, как чудовищная ноздреватая губка.

— Весь киль проеден! Труха!.. — с горечью произнес Ушаков.

— От червя не уйдешь, — сказал Доможиров. — От него не закроешься, таких средств нету.

— Есть, Дмитрий Андреевич!.. Медью обшить! Вот чем закрыться можно!

— Это дело богатое, денежное.

— В том-то и суть... Денег сейчас не добыть, да и обшивать когда? Недосуг, воевать надо... Но придет время, я сего не упущу, добьюсь! Будут наши корабли на медном ходу!..

— Красить надобно чаще, — проговорил Доможиров. — Тоже пособляет не худо. Без окраски на судах заводится сухая гниль.

— Поправлять суда красками будем дважды в год, — сказал Федор Федорович. — Мачты — черленью, а бимсы — охрой. Как окрасим, так — на рейд и за ученье возьмемся. Лета ждать не станем, как прежде бывало. Нынче иной срок положен — апрель!..

— Господин контр-адмирал!.. — услышал он подле себя знакомый голос.

Его флаг-капитан Данилов стоял перед ним навывтяжку.

— От его светлости князя Потемкина спешный пакет!..

Данилов достал из-за обшлага мундира продолговатый конверт с красной сургучной печатью и подал Федору Федоровичу. Ушаков вскрыл пакет, извлек из него два потемкинских ордера и пробежал глазами один из них:

«Не обременяя вас правлением Адмиралтейства, поручаю вам начальство флота по военному употреблению...»

Брови Ушакова сдвинулись. На лице отразилось крайнее недоумение.

«Начальство флота... Не обременяя правлением Адмиралтейства...» А что же Войнович?! В уме мелькнула догадка. Он быстро развернул вторую бумагу — то была копия приказа Марко Ивановичу, великолепно исполненная старательной рукой:

«Эскадра Каспийского моря должна быть усилена... Ваше превосходительство избраны мною для командования на помянутом море... извольте туда следовать немедленно».

— Бесподобно! — не удержавшись, воскликнул Ушаков.

— Осмелюсь спросить... хорошие вести? — улыбаясь, полюбопытствовал Данилов.

Федор Федорович осмотрелся вокруг, как победитель.

— Считаю за викторию над неприятелем! — проникновенно сказал он. — Войнович уволен, то-есть едет в отставку на Каспий!.. — И, не скрывая своего удовлетворения, добавил: — Начальствовать флотом буду я!..

6

В апреле Потемкин вызвал Ушакова в Яссы, где находилась ставка главнокомандующего — его штаб и блестящий двор.

Именно — двор, иначе нельзя было назвать великолепия и роскошь, которыми окружил себя Потемкин. Недаром о нем говорили: «Он здесь все равно что государь»...

После тишины Севастополя и дороги безлюдною степью Яссы показались Ушакову ярмаркой, ошеломили его блеском и суетой.

В степи попадались лишь редкие казачьи посты — землянки с торчащими островерхими соломенными кровлями; казацкие пики, воткнутые в землю, блестели, как звездочки, и по ним издали можно было приметить пост.

Ушакову вспоминались приазовская степь, служба на Дону; в дороге им овладело непривычное чувство отдохновения и покоя; в Яссах, куда он прибыл ночью, это чувство покинуло его.

Город был забит обозами. Гости, съехавшиеся к Потемкину из Москвы и Петербурга, заняли все дома и дворы постоем. Их многочисленная дворня с криком сновала между возами. Полыхали факелы. Гремела музыка. В небе шипели цветные огни ракет.

Федор Федорович провел бессонную ночь. Он долго не мог заснуть в отведенной для него горнице. В дверь несколько раз стучались подгулявшие столичные гости и докучали ему своей болтовней.

Один из них, какой-то ветхий подмосковный помещик, оказался особенно говорливым. Отделаться от него

не было никакой возможности, и он просидел у Федора Федоровича целый час.

Старик был не глуп. Нагородив всякой всячины, он вместе с тем рассказал много любопытного о Потемкине, между прочим — что он не терпит подле себя равного и оттер от дела князя Репнина, лишив его этим производства в фельдмаршалы; потом долго и подробно высчитывал, какие несметные у «светлейшего» доходы и сколько тратит он на свои прихоти государственных средств...

Подобное Федор Федорович уже слышал не раз, но кое-что было для него ново. Размышляя об этом, он задремал только под утро, но вскоре его разбудила пушечная пальба. Он открыл глаза, увидел потолок столярной работы, резную дверь и земляной, хорошо убитый пол. Дом, видимо, раньше принадлежал какому-то вельможному турку. Решетчатая тень ложилась на пол от вставленных в окна деревянных решеток, и прозрачная бумага, заменявшая стекла, скупо пропускала свет.

Вошедший камердинер объяснил, почему стреляют пушки: княжеский оркестр разучивал гимн «Тебе бога хвалим» — придворный композитор только что написал для него музыку; к этой музыке «приложена была батарея» из десяти орудий, которые по знаку стреляли в такт.

Федор Федорович понял, что ему еще предстоит в Яссах много диковинного и что не следует ничему удивляться. Он встал, привел себя в порядок и зашагал по комнате, ожидая, что князь скоро его позовет.

В сущности, он знал Потемкина только по письмам. Мимолетной встречи в Севастополе было недостаточно, чтобы судить о нем верно. В письмах же своих и приказах это был человек неслыханного размаха, привлекавший к себе горячностью, дельностью, острым государственным умом.

Здесь, в Яссах, его образ раздвоился и привел в смущение Ушакова. Он представлял себе главную квартиру совсем иной. Им овладевало чувство обиды за русских солдат, за Суворова, стоявших где-то вблизи, между Серетом и Дунаем. Пустое великолепие Ясс было ему противно и непонятно, ибо сам он был строг, скромн и бережлив.

Он ходил по комнате, досадуя на себя, что ошибся в Потемкине и что не может найти ключа к этому человеку, но, перебирая в памяти все слышанное о нем минувшею ночью, вдруг с облегчением подумал, что ключ он нашел.

Ему вспомнились слова, сказанные его случайным ночным гостем:

«Много в нем остроты, много замыслов на истинную пользу, но сие надо исполнять другим»...

— А ведь, пожалуй, что так! — подумал вслух Федор Федорович.

Но тут мысли его были прерваны. Вошел камердинер, докладывая, что его светлость просит господина контр-адмирала к себе.

Он провел Ушакова в противоположный конец дома, к диванной. Одетый янычаром слуга распахнул тяжелую, окованную медью дверь.

Потемкин полулежал на диване, обитом розовой турецкой материей, переставляя на шахматной доске фигуры и грызя репу, которую он держал в кулаке, как держат кинжал. Он был в гетманском платье, с бриллиантовой звездой, при андреевской и георгиевской лентах, но не обут и покачивал босой ногой.

Ушаков ступил на ковер такого же, как и диван, розового цвета.

Потемкин передвинул пешку и медленно повернул голову. Движение было таким, словно оно стоило ему большого труда.

— Садись, Федор Федорович! — сказал он, сразу переходя на «ты», выражая этим и расположение к вошедшему и свое безграничное над ним превосходство. — Ну, как здравствуешь? Покойно ли ехал?

Ушаков сел в кресло.

— Покорно благодарю, ваша светлость. Дорогой было весьма хорошо...

Их разделял стол — круглый, лоснящийся, весь из ломтиков бесценного заморского дерева. Рядом с шахматами стояла причудливой формы курильница, и в ней дымилась душистая, аравийская смолка; серая струйка дыма поднималась над столом, как тонкое деревцо.

Ушаков смотрел на Потемкина, удивляясь, как сильно изменился он за эти три года. Лицо его было обрюзг-

шим, темным и казалось вылепленным из сырой глины. Один глаз глядел неподвижно, без всяких признаков жизни, но другой все еще горел умным, живым огнем.

— Люблю репку, — сказал Потемкин, снова принимаясь за еду. — А ты как? Не жалуешь? Вот напрасно! Ну, а по мне — так лучше ее в свете нет...

Ушаков молчал. Потемкин внезапно перескочил на другое:

— Пруссак взбесился!.. Мешает миру и готов начать войну с нами и с императором!

— Да ведь император нынче новый, — заметил Ушаков.

— То-то и есть. Иосиф, союзник наш, помер, а с нынешним, Леопольдом, пруссак сладит — заставит мир заключить с турками.

— Австрийцы вообще ненадежны.

— Спору нет. Проживем и без них. Но кампания сего года будет трудная. К тому же Фридрих противу нас Англию подымает.

— О сем не слыхал! — насторожился Ушаков.

— Из Петербурга мне пишут, что немец намерен воевать, но Англия желает мира. Однако в Лондоне две партии: одна хочет войны, другая же утверждает, что, ослабив Россию, не получают выгод, ибо усилятся пруссаки.

— Что ж, — с усмешкой произнес Ушаков, — у сей второй партии разум есть и голова на плечах.

— Как оно там ни пойдет, а нынешние на Черном море обстоятельства тревожны. Новый султан драчлив, мира не хочет. Эски-Хуссейну за его худые удачи — вот что! — И Потемкин, привстав, шлепнул себя пониже спины.

— Кто же теперь начальствует флотом?

— Кучук-Гуссейн, человек молодой, в море почти не бывавший. Но адмиралы его опыты, и флот неприятельский усилен новыми кораблями. Военные действия турки начнут в мае. Сейчас они готовят десант.

— А велик ли он будет и где, это вашей светлости неизвестно?

— Весьма велик! И мысль у султана — не малая: Крым отторгнуть!.. По сей причине я тебя и в Яссы вы-

звал... Как, Федор Федорович, надеешься на Севастопольский флот?

— Надеяться не люблю, а уверенность совершенную имею.

— И в кораблях и в людях?

— В людях — главнейшую. Команды изготовлены мною вполне.

— А корабли гнилые?

— Сами знаете, ваша светлость. Но делаю, что возможно. Кренгую без изъятия все суда — очищаю от травы и ракушек, все течи заделываю свинцовыми досками. На нижних деках ставлю новые большие пушки.

— И когда думаешь выйти на рейд?

— Не как в прежние годы — месяца на два раньше.

— Все это хорошо. Но уверенность твоя основательна? На чем ты ее полагаешь?

Ушаков сложил руки в замок и в упор посмотрел на Потемкина:

— Полагаюсь на твердость и выучку экипажей и на свое знание противника, что уже проверено мною в Фидонисском бою.

— Ты и в меня веру вселяешь! — весело произнес Потемкин. — Стало быть, кампанию начинаем бесстрашно?

— Ежели ваша светлость дозволите... имею план...

— Говори, пожалуй!

— Десанты противника должны быть собраны где-нибудь на берегу, откуда их удобнее всего подвезти к Крыму. Таковой конечный пункт — Анапа; начальные же — Синоп, Самсун, Трапезонт. Полагаю наилучшим сделать сильный поиск у анадольских¹ берегов, дабы обнаружить нахождение десантных войск, а то и помешать их перевозке.

— Благословляю!.. — воскликнул Потемкин. — Ну, а ежели встретишь сильный турецкий флот?

Ушаков прищурился и сказал, чуть-чуть усмехаясь:

— Буде не найду способа обойтись с ним без боя, то и сему, думаю, когда-либо должно быть.

— Кремень ты, как я погляжу!.. — сказал, покачав головою, Потемкин и вдруг испытующе покосился на

¹ Анадольских — азиатских.

Ушакова: — А ведь за тобою грешок числится. Войнович представлял мне, еще в начале зимы...

Ушаков потемнел. Он сразу догадался, о чем будет речь, — о его поступке осенью прошлого года. Он знал, что Марко Иванович затаил обиду и будет жаловаться, никогда не простит...

Случилось это в позднее осеннее крейсерство. Флот, шедший под флагом Войновича, был застигнут крепким ветром. Ушаков, командуя авангардом и не получая никаких указаний от старшего флагмана, сделал своим кораблям сигнал укрыться в порт. Между тем эскадра Войновича, беспомощно болтаясь в море, терпела бедствие и в конце концов также пошла в укрытие, но суда ее были серьезно повреждены...

— Так как же?.. — продолжал Потемкин. — Чем объяснишь ты сие нарушение порядка службы?

Нижняя челюсть Ушакова выдвинулась и словно окаменела.

— Виноват... Но так... следовало... — глухо сказал он, твердо глядя Потемкину в глаза.

Тот отвел взгляд, поднес ко рту репу и стал торопливо грызть ее.

— Стало быть, неприятелю ни в чем не уступим? — спросил он после некоторого молчания.

— Упаси бог! — тихо ответил Ушаков.

— И я так полагаю, — согласился Потемкин. — Что в наших руках, то наше, и сего у нас не то что турки, а и сам чорт не отымет!.. — Он догрыз репу и с сердцем бросил остаток ее в курильницу. — Не хотят мира — не надо! Я им такой репей в голову посажу, какого они еще не имели!.. Или шею себе сломлю, или дам им мат!..

Глава IX

„ДА ВПИШЕТСЯ СЯЕ В ЖУРНАЛЫ...“

«Во всех делах упреждать и всячески искать неприятеля опровергнуть».

«Устав воинский» 1716 года

1

ЕСТНАДЦАТОГО мая Ушаков вышел в поиск, имея флаг на корабле «Св. Александр Невский». У него было три корабля, четыре фрегата и двенадцать крейсерских судов.

Пройдя Балаклаву, стали пересекать море, держа курс прямо к Анатолийскому побережью. На пятые сутки марсовой¹ флагманского корабля прокричал:

— Вижу Синоп!

В сумерках подошли близко. Батареи Синопского мыса открыли огонь по эскадре. Ушаков обошел выдававшийся в море мыс и заметил в темноте, близ самой крепости, два фрегата. Чтобы запереть их, он расположился со своими судами на рейде и всю ночь лавировал перед Синопом, выстрелами, фальшфейерами и огнями наводя на город страх.

На рассвете он вошел в бухту. Кроме двух фрегатов,

¹ Марсовой — матрос, находящийся на марсе — дощатой или решетчатой площадке у вершины мачты.

в ней стояли еще девять судов — часть эскадры, вышедшей из Константинополя. Ушаков решил атаковать ее, но этому помешал штиль. Тем временем русские корабли своим сильным огнем оттеснили турецкие суда под крепость. Капитан Поскочин на корабле «Георгий Победоносец» подошел под самые синопские пушки, вступил в бой с батареями и судами и, нанеся им сильный урон, вернулся, потеряв лишь марсовый поручень, отбитый ядром.

Между тем крейсерские суда совершали поиски севернее Синопского мыса. Они загнали на берег и затопили пять транспортов с хлебом для турецкой армии и взяли в плен восемь судов. На них были невольники: греки, армяне, юные черкесы и черкешенки — всех их везли на продажу в Константинополь; были среди них и русские — их также везли продавать.

Некоторые из взятых судов оказались ветхи и «неспособны к ходу». Ушаков приказал подвести их поближе к городу и сжег все до одного на глазах у обомлевших жителей, толпившихся на стенах крепости и кровлях домов...

Обычно в поиск ходили мелкие суда и фрегаты. Еще никогда не бывало, чтобы они действовали вместе с кораблями. Но Ушаков совершал поиск по-новому — с отрядом больших своих кораблей. Его крейсера всегда могли отойти под защиту корабельной артиллерии. Он держал их в руках: рассылал веером по морю, всегда знал, что они делают; когда было нужно, собирал их вместе и затем рассылал вновь...

От Синопа эскадра направилась к Самсуну. Вблизи него крейсера заставили выброситься на берег еще два турецких судна и затопили их.

Ушаков проник в Самсунскую бухту, но не обнаружил в ней судов противника и, сделав глазомерную съемку крепости, удалился.

Не встречая нигде неприятеля, пошли к Анапе. С борта корабля Ушаков послал Потемкину письмо.

Извещая его о своих успехах и о том, что флот турецкий «в расстройке и весь не скоро сберется», он просил позволения немедленно итти под самый Константинополь, усилив лишь эскадру на шесть кораблей...

29 мая вечером Ушаков подошел к Анапе. Под защи-

той крепости стояли восемь турецких судов, в том числе один линейный корабль. Это была другая часть константинопольской эскадры, и Ушакову пришла отчаянно смелая мысль: отрезать ее от крепостных стен. Но для этого нужно было сделать промер бухты. Пришлось до утра стать на якорь. Тем временем турки сняли с корабля — с борта, обращенного к берегу — пушки и поставили их на берегу.

В темноте Ушаков начал обстрел, но почти без успеха, так как противник не отвечал и не наводил на цель.

Утром был сделан промер. Оказалось, что мелководье идет далеко от берега. Тогда Ушаков приказал «тянуться завозами» и стараться сжечь брандскугелями¹ турецкие суда.

Вперед были высланы шлюпки. Они завозили верп-якоря, и с их помощью корабли подтягивались, переходя с одного места на другое. Капитан Поскочин опять оказался впереди прочих и первый открыл канонаду, действуя против крепости и фрегатов метким огнем.

Загрохотали пушки всей русской эскадры, и в Анапе запылали дома, провиантские склады и магазины. Ушаков решил с толком закончить поиск, и его брандскугели, бомбы и ядра сметали все, что служило туркам для снаряжения десанта в Крым...

После трехнедельного крейсерства Ушаков вернулся в Севастополь без потерь и повреждений, с призами, сожалея лишь, что не взял с собою брандеров «к окончательному истреблению неприятельских сил».

Он был доволен поиском и доносил правителю Тавриды Жегулину:

«...Я, отправясь с эскадрою, обошел всю восточную сторону анадольских и абазинских² берегов, господствуя при оных сильною рукою, заставил две части вышедших из Константинополя эскадр искать своего спасения, укрываясь под крепостями, и, надеюсь, на долгое время коммерцию и перевозку войск прекратил...»

¹ Брандскугель — зажигательное ядро.

² Абазинских — абхазских.

Но затишье длилось недолго. Разгром Анапы, обстрел Синопа и захват турецких судов в море дали понять туркам, что медлить нельзя.

Отважный поиск Ушакова показался им походом всего Черноморского флота. Султан Селим поспешил снарядить свои эскадры и приказал ускорить нападение на Крым...

Севастопольский флот был готов. Ушаков привел его в полную исправность и сделал последние приготовления: расписал людей на случай пожара так же, как они были расписаны для боя, и на всех судах — для тушения брандсугелей — поставил бочки с песком.

В конце июня турецкий флот появился у Евпатории, медленно обогнул Севастополь и вдоль южного берега проследовал к Керчи. 5 июля он приблизился к Феодосии, сделал по выстрелу из двух орудий и ушел.

Ушаков тотчас же двинулся навстречу противнику. 2 июля он поднял флаг на корабле «Рождество Христово» и вышел в море, имея десять кораблей, шесть фрегатов, один бомбардирский корабль и шестнадцать мелких судов.

Подойдя к Феодосии, он запросил феодосийского городничего: «Виден ли был в минувшие дни где-либо около берегов неприятельский флот и в которую сторону он пошел?»

Получив нужные сведения, Ушаков 7 июля направился к Керченскому проливу. Чтобы прикрыть крымские берега и не дать туркам прорваться в Азовское море, он занял позицию у Еникале.

Спустился туман, и эскадра стала на якорь у мыса Таклы. Утром 8 июля из мглы со стороны Анапы показался турецкий флот. Он шел на всех парусах под флагом капудан-паши Гуссейна — десять кораблей, из них четыре флагманских, восемь фрегатов и тридцать шесть малых судов.

Дул слабый ветер ост-норд-ост, и это был ветер противника. Турецкий флот занимал наветреннее положение, что давало преимущество капудан-паше.

По правилам, Ушаков, будучи под ветром, не должен был принимать бой под парусами; тем не менее он по-

спешно снялся с якоря и выстроил всю эскадру в линию. Турки, приближавшиеся без соблюдения строя, также начали строиться в боевой порядок, выслав вперед бомбардирские суда.

Они открыли с дальней дистанции огонь, но бомбы их не долетали и рвались в воздухе. Под этим прикрытием противник выстраивал свою линию параллельно русской. Ушаков выжидал, внимательно следя за капудан-пашой.

Маневры продолжались долго. Лишь около полудня турки стали спускаться на русскую эскадру, стремясь обойти и окружить ее авангард.

Ушаков находился в центре строя, откуда флагман обычно руководит сражением. Дым еще не застилал моря, и Федор Федорович хорошо видел спускавшийся флот.

Вот вытягиваются кильватерной колонной раззолоченные тяжелые корабли с похожими на облака парусами. Ушаков смотрит в подзорную трубу и думает: «У них всё: и обшивка, и медные пушки, а главное — ветер!.. И на всех судах — десантные войска!..»

Опустил трубу, перевел взгляд на палубу своего корабля, на изготовившиеся к бою батареи. Рядом с ним — его флаг-капитан Данилов. Канониры застыли у орудий. Матросы — точно как были расписаны — все на своих местах.

«Но и эти чего-нибудь стоят!» думает он с облегчением и снова смотрит на море. Патрон-бей¹ уже начал обход фланга. Борта русских головных судов опоясала молния, их густо завалило дымом, и громовый вздох донесся оттуда. Это командир авангарда бригадир Голенкин встречал патрон-бея залпами своих кораблей.

Турецкий флот спускался всей линией на всю линию русского флота. И вот авангард его атакует Голенкина; центр готовится усилить эту атаку; арьергард же, как это обычно бывало при таком маневре, отстает.

Ушаков решает задачу. В его распоряжении секунды. От них зависит исход боя... Жила обозначается у него на лбу; щеки надулись так, что стали сизо-багровыми.

— Р е з е р в!.. — хрипло кричит он, обернувшись к Данилову. — Р е з е р в немедля, капитан-лейтенант!..

¹ Патрон-бей (турецк.) — вице-адмирал.

Но Данилов не трогается с места, ожидая более ясного приказа.

И Ушаков командует:

— Фрегатам выйти из линии для оказания помощи авангарду! Всем остальным — сомкнуть дистанцию и атаковать врага!..

Он нашел средство, которым можно было отразить неприятеля и одновременно добиться над ним перевеса. Никто из флотоводцев еще никогда не выделял резерва. Ушаков в первые сделал это в морском бою.

Арьергард противника был далеко, и русский арьергард и центр оставались свободными. Они сомкнулись, после того как фрегаты вышли из линии, и обрушились вместе на неприятельский центр.

Но ветер не был союзником Ушакова: он не давал ему сблизиться с капудан-пашою, и русские корабли вели огонь только из больших орудий, не вводя в дело картечь.

Между тем быстроходные фрегаты, выйдя из строя, двинулись на помощь Голенкину. Бригадир искусно отражал атаки патрон-бея, но тот усиливал натиск и уже охватывал авангард.

Фрегаты подоспели в самую пору. Они атаковали патрон-бея, и турецкий вице-адмирал попал в ловушку: стремясь поставить в два огня Голенкина, он оказался между фрегатами и русским авангардом, поставив себя самого между двух огней...

На корабле Ушакова поднят сигнал: «Вести бой на самой близкой дистанции!» К этому стремятся изо всех сил командиры, но у русских судов не хватает ветра в парусах.

Стройная фигура Данилова мелькает под низким батарейным сводом. Он — второе зрение и слух Ушакова. Артиллерия введена в бой не вся, но та, что действует, действует на славу: уже несколько турецких кораблей сильно повреждено.

В три часа ветер меняется — отходит на четыре румба¹. Ушаков, пользуясь этим, сближается с противником на картечный выстрел. Теперь вступают в дело все ору-

¹ Румб — каждое из 32 делений на круге компаса, соответствующее $\frac{1}{32}$ части горизонта.

дия — до самых мелких калибров, обрушивается на турецкие суда картечь.

Прицельный огонь рвет паруса и снасти, засыпает деки обломками мачт и реев¹; картечь очищает от людей палубы, наносит страшный урон десантным войскам.

Некоторые турецкие корабли начинают делать поворот на ветер, чтобы увеличить дистанцию боя. В то же время, теснимый фрегатами резерва, поворачивает на другой галс отряд патрон-бея и проходит перед русской линией, подвергаясь всей силе ее огня.

Сила его такова, что экипажи турецких судов закрывают порты, обращенные в сторону русского флота, и сбегают с верхних деков вниз, перестав стрелять.

Флаг турецкого вице-адмирала сбит кораблем «Георгий Победоносец» и падает в воду. Русская шлюпка подбирает его и доставляет Ушакову на корабль.

Федор Федорович доволен. Артиллерия сделала свое дело — противник пришел в замешательство. Повернув на другой галс, он явно уклонялся от боя. Русскому флоту оставалось лишь выиграть ветер, чтобы нанести решающий удар.

Между тем эскадры расходились на контркурсах. Надо было немедленно атаковать турок, итти в погоню за ними.

И Ушаков приказывает поднять сигнал:

«Авангарду поворотить всем вдруг оверштаг² и построиться в хвосте линии! Флагманскому кораблю «Рождество Христово» быть передовым, а всем прочим, не соблюдая своих мест, войти в его кильватер!..»

Это было неслыханно. Сигнал нарушал незыблемые правила. Начальник должен был находиться в центре, а все суда — строго соблюдать места, назначенные им в эскадре; перемешивать и разбивать строй считалось преступлением. В английском флоте за это предавали суду.

Но Ушаков смело вышел из центра и, став передовым, увлек за собой командиров. Движениями своего корабля он подтверждал

¹ Р е й — поперечное дерево (брус) на мачте, к которому прикрепляют паруса.

² О в е р ш т а г — поворот корабля против ветра на другой галс.

им необычный сигнал и указывал, куда итти.

Впервые за долгие годы действовал так адмирал, действовал не случайно, а потому, что руководила им зрелая решимость. Однако при жизни Ушакова ни этот маневр, ни выделение резерва не были оценены никем...

Федор Федорович выиграл ветер и поспешно выстроил свою линию. Теперь он мог прибегнуть к испытанному средству — удару на флагманские корабли.

— Они и так уже разбиты до крайности, — сказал он Данилову. — Надобно взять либо истребить их!..

Он сделал сигнал возобновить атаку и с особой яростью атаковал турецких флагманов, угрожая абордажем капудан-паше.

Но турки не решились продолжать сражение. Их адмиралы вскоре прекратили стрельбу и стали уходить, преследуемые русской эскадрой. К шести часам вечера затихли последние раскаты боя. Ушаков пытался отрезать арьергард противника, но не смог.

Турок нельзя было догнать. Они спасались от полного разгрома благодаря медной обшивке и парусам из легкой бумажной ткани.

Погоня продолжалась весь вечер и всю ночь.

К рассвету противник едва был виден на горизонте, и преследовать его стало уже бесполезно. К тому же часть турецкого флота бежала к устьям Дуная, а часть взяла курс на Синоп.

Ушаков вызвал к себе Данилова и сказал, смотря на него воспаленными от бессонной ночи глазами:

— При неравном числе кораблей с нашей и с той стороны мы, кажется, были не слабее противника...

— Мы разбили его! — с жаром воскликнул Данилов. — Но, Федор Федорович... — И он запнулся, видимо не решаясь что-то сказать.

— Вас смущает, что я сражался против принятых правил?

Данилов кивнул головою.

— Иногда нужно делать несходное с ними, — сказал Ушаков. — Победа одержана, значит действия хороши. Судите сами!.. Мы потеряли только

двадцать девять убитыми и шестьдесят ранеными в таком упорном сражении... Запишите в журнал, что «флот наш против неприятельского состоял весьма малочислен: настоящих кораблей было только пять...»¹

* * *

Потери противника были огромны, потому что на судах его находились десантные отряды. Сражение у Еникале помешало их высадке и вообще отбило у турок охоту высаживать в Крыму десант.

Победа 8 июля была одержана Ушаковым благодаря смелости и новизне его тактики. Это новое тотчас подметил Суворов. «Поздравляю вас, милостивый государь, — писал он Потемкину, — с победою г-на Ушакова». Но в Черноморском адмиралтейском правлении новизны не хотели признавать.

Там снова водворился Мордвинов, не любивший Федора Федоровича, завидовавший его славе.

И де-Рибас недаром говорил в своих письмах: «Ушакова не любят в Херсоне, вероятно, за его честность... Мне известно, что в Адмиралтействе позволяли себе сарказмы насчет дела 8-го числа».

3

Но «дело 8-го числа» прославило Ушакова. Его имя нагоняло теперь страх на турок, и они почтительно называли его «Ушак-паша».

Севастопольский флот исправлял повреждения.

Стоял зной. От жары лопалась и облезала на судах краска.

Из Петербурга пришли хорошие вести: истощенная войной Швеция отпала от союза с Портой и заключила мир.

Военное бремя, которое несла Россия, стало намного легче. Силы ее развязывались для борьбы на юге, но это

¹ Ушаков называет «настоящими» корабли более чем 40-пушечного ранга. Суда с меньшим вооружением назывались фрегагами, но в русском флоте они нередко числились в ряду кораблей.

было крайне невыгодно для некоторых европейских держав.

Порта не хотела мира, надеясь на иностранную помощь. Турки упрекали Густава III в неблагодарности и вероломстве. А «пруссак» «заговаривал» с Польшею и всеми средствами старался втянуть в войну Англию, заставить ее вмешаться в русско-турецкие дела.

Вторя Берлину, Лондон стал требовать, чтобы Россия отдала туркам Очаков. Русский посланник в Лондоне Воронцов все чаще жаловался на «слепоту английского министерства», на то, что берлинский двор забирает над лондонским все большую силу.

Русское правительство отвечало ему:

«...странно взирать на приверженность Англии к берлинскому двору, до того распространяющуюся, что никакое дружеское предложение ей учинено быть не может без того, чтобы она не сообщила его сему двору, как бы дав на себя кабалу не действовать иначе, как вместе с королем прусским и Голландией. Англия тут поступает противно величию, ей свойственному в качестве одной из первейших держав в свете. Властолюбивые и корыстные намерения короля прусского довольно ясны; они, если добрыми стараниями лондонского двора удержаны не будут, принесут, конечно, общую, упорную и кровопролитную войну...»

* * *

Не прошло и месяца после сражения у Еникале, как турки снова появились у берегов Крыма.

— Флот неприятельский рыщет! — доложил Ушакову Данилов. — Из Балаклавы усмотрены тридцать два судна, в том числе кораблей и фрегатов двенадцать. Путь свой продолжают к востоку.

— Шарлатанствуют — надеются на свои скорые ноги, — мрачно сказал Ушаков.

— Каковы будут приказания?

— Напишите Жегулину, что прошу доставить ко мне ядер и пороху самую скорою почтой... Я до тех пор не успокоюсь, пока не выйду в море!.. Как скоро закончим ремонт эскадры?

.. — Последнюю мачту поставим через два или три дня...

Ушаков вышел в крейсерство на той же неделе, искал противника у южных и западных берегов Тавриды, однако не встретил его нигде.

Но вскоре турецкий флот показался в Лимане и стал на якорю между Тендрой и Гаджибеем. Гребная флотилия де-Рибаса готовилась перейти из Очакова в воды Дуная, где намечались операции против Измаила. Узнав об этом, турки решили преградить флотилии путь.

Ушаков, получив приказ Потемкина прикрыть переход де-Рибаса к Дунаю, 25 августа вышел из Севастополя, взяв с собой десять кораблей, шесть фрегатов, два брандера и девятнадцать мелких судов.

28-го утром он внезапно появился перед противником. Турки не позаботились ни о разведке, ни о дозоре, и русская эскадра застала их врасплох.

Она приближалась тремя колоннами. Это был походный строй, и хотя его полагалось изменить для атаки, Ушаков решил атаковать немедленно, не перестраиваясь из походного порядка в боевой.

Турки стали рубить якорные канаты и в беспорядке уходить в сторону Дуная. Четырнадцать кораблей, восемь фрегатов и двадцать три мелких судна бежали, уклоняясь от боя. Но Ушаков не намерен был их упускать.

Он видел, как, поблескивая медью орудий, ускользают от него корабли Гуссейна — лучшие в турецком флоте — «Капудание» и «Мелеки-Бахр» («Владыка морей»).

Дать им уйти?! Не сразившись?! Ушаков не допускал и мысли об этом... Их надо было заставить вступить в сражение!.. И он велел прибавить парусов.

В это время показалась вышедшая из Очакова флотилия де-Рибаса. Ему был сделан сигнал также итти в погоню за капудан-пашой.

В том же походном строю Ушаков погнался за турками. Ветер заметно свежел. Звонкрылки — предвестницы непогоды — появились над морем. Преследование продолжалось около часа, пока турецкие адмиралы, обогнав свои суда, не стали уходить вперед.

— Я заставлю их принять бой!.. — сквозь зубы произнес Ушаков и приказал лечь на другой курс, с намерением отрезать отставшие корабли противника.

Угроза подействовала: она принудила капудан-пашу повернуть на обратный галс, чтобы прикрыть свой арьергард.

Маневр оказался верным: турецкому флоту пришлось строиться к бою. Ушаков также стал перестраиваться — из трех колонн в одну.

Русские суда построились скорее турецких и легли параллельно противнику, оставаясь у него на ветре.

Повторяя прием, испытанный в сражении у Еникале, Ушаков приказал трем фрегатам выйти из линии и образовать резерв на случай, если турки попытаются окружить авангард.

Во втором часу дня он поднял сигнал: «Спуститься к неприятелю на картечный выстрел!» и, не занимаясь более вражеским арьергардом, направил удар на центр противника, где находился капудан-паша...

Флот спускался на неприятеля в тишине, но тишина эта как бы налилась громом; он готов был с минуты на минуту грянуть и заглушить слова команды, ропот кливеров, тягучий скрип снастей.

Ушаков слушал тишину перед боем, вдыхал крепнувший морской ветер и снова, как в юные годы, испытывал чувство, похожее на беспричинное торжество.

Вокруг него было море, родной великий простор. Ушаков сливался с ним и в нем обретал свою силу. Здесь все решалось отвагой, волею, быстротой и сверх того — трезвым и ясным пониманием обстановки. Всем этим он обладал, и торжество его рождалось отсюда. Он был ровня морю, как люди на его кораблях были под стать ему.

Он дал им сноровку и опыт, приучил к спокойному исполнению самого опасного дела. Личная твердость и строгость всех его приказов и действий служили примером, отнюдь не внушали страха и лишь вселяли уверенность, что иначе поступать нельзя.

Матросы знали, что Федор Федорович видит каждого из них насквозь, хотя и никогда не обмолвится об этом; знали, как он воюет с Адмиралтейским правлением за их морской рацион и жалованье; как сам во все вникает, чтобы сыт был матрос, здоров и спал в чистоте.

И они платили ему чем могли — безграничной «дове-

ренностью» и повиновением. Между ними все было ясно: Ушаков приказывал, и слово его было закон...

— Спустились на картечный выстрел! — доложил Данилов, на этот раз исполнявший должность цехмейстера¹.

Ушаков смерил взглядом расстояние, оставшееся до противника.

— Действуйте! — сказал он. — А зыбь порядочная. Целить надлежит между валов...

Турки уже палили из больших пушек. Зыбь мешала им, и они даже не пытались вести огонь прицельно. Залпы их — без наводки и выдержки — не причиняли большого вреда.

Но вот борт «Рождества Христова» дрогнул — Ушаков начал артиллерийскую атаку. Цехмейстер Данилов хорошо изготавил батареи к бою. Все русские корабли дружно осыпали противника картечью и более всего — капудан-пашу.

Ушаков, надвигаясь на него, усиливал огонь, неистово гремя всеми калибрами своего борта... Сражение быстро сделалось общим. Один турецкий корабль ушел вперед, повернул на другой галс и устремился было на суда русского авангарда. Ушаков немедленно сделал сигнал: «Фрегатам, состоящим в резерве, атаковать неприятельский корабль!»

Фрегаты на всех парусах понеслись к противнику и залпами заставили его итти между своей и турецкой линиями.

После полуторачасового боя султанский флот стал уклоняться под ветер. Тогда Ушаков атаковал его вплотную, введя в дело резервные фрегаты и еще более усилив огонь.

Его корабль, сражаясь с тремя турецкими, заставил их выйти из строя. В шестом часу вечера вся линия Гуссейна была разбита и обратилась в бегство. Стремясь довершить разгром, Ушаков, с поднятым сигналом: «Гнаться под всеми возможными парусами и вести бой на самом близком расстоянии», бросился вперед.

Вся эскадра следовала движениям его корабля, с ко-

¹ Цехмейстер — начальник артиллерии.

торого уже не убирался сигнал погони, и поражала отставшие турецкие суда в корму и рангоут. У турок летели задние мачты, с треском рвались паруса.

Ушаков с особой яростью преследовал реал-бея¹. В погоне за ним он очутился посреди турецкого флота и отрезал три корабля, в том числе корабль капудан-паши. Он успел приблизиться к нему и дать в его кормовую часть несколько залпов, но спустившийся сумрак — был уже восьмой час вечера — заставил его прекратить бой.

Темнота позволила противнику скрыться.

Ветер свежел, предвещая бурю.

Чтобы собрать свои силы, Ушаков приказал всей эскадре открыть огни и стать на якорь; затем, когда все собрались, он велел погасить огни и отослал в Очаков мелкие суда.

* * *

Крепкий юго-восточный ветер дул всю ночь с ровной, неслабеющей силой. К утру он переменялся на шквалистый и то ударял, разводя волну, то внезапно падал, а немного погода налетал вновь.

Едва рассвело, Ушаков увидел себя в самом близком соседстве с турками: они стояли на якоре тут же, рядом, некоторые не далее как на ружейный выстрел. Капудан-паша неудачно выбрал место стоянки, после того как русские суда погасили огни.

Легкие кирлангичи турок (что по-турецки означает «ласточка») забирались в самую середину русского флота и сновали там, как между своими. Ушаков усмехался, наблюдая эту картину, но вдруг потемнел и в ярости топнул ногою: один из его фрегатов — «Амвросий Медиоланский» — стоял посреди четырех неприятельских кораблей.

Командиром его был капитан-лейтенант Нелединский. Ушаков знал его как смышленного и смелого офицера. Но что он мог сделать? Солнце уже вставало... В любую минуту фрегат могли опознать и поставить в два огня.

Поняли это и на других судах русской эскадры. Солнце всходило за нею, и это позволяло хорошо видеть ту-

¹ Р е а л - б е й (турецк.) — контр-адмирал.

рок. тогда как тем было еще трудно разглядеть русские суда.

Сотни глаз устремились туда, где стоял «Амвросий Медиоланский». Но там все было тихо. На обоих флотах еще с вечера были спущены флаги, и беспечный противник принимал русский фрегат за свой.

Совсем рассвело. Ушаков поднял сигнал: «Сняться с якоря». Турки увидели неприятеля и сломя голову кинулись ставить паруса. Лавируя к ветру, суда их рассыпались в разные стороны. Среди общего движения один только фрегат Нелединского ставил паруса, не поднимая флага.

Ушаков приказал строиться в линию и начать погоню. Он стоял на юте, не спуская с фрегата глаз.

«Амвросий Медиоланский» следовал за турецким флотом. Он повторял все движения идущего впереди него судна, но понемногу отставал, уменьшая ход. Так, отставая, он постепенно вышел из опасного положения, поворотил и поднял флаг под крики «ура» со всего русского флота. Затем прибавил парусов и поспешил занять свое место в линии.

— Бесподобно!.. — прокричал с юта¹ Ушаков.

Ветер дул со шквалами. Султанский флот удалялся без всякого порядка и строя. Русские суда, будучи на ветре, гнались за ним и навязывали бой.

В то же время шедшая совсем близко флотилия де-Рибаса совершала угрожающие движения, наводя еще больший страх на противника. Турки отчаянно отбивались из кормовых, «ретирадных», пушек, и капуданпаше с несколькими кораблями удалось уйти далеко вперед.

Но два наиболее поврежденных корабля отстали и были отрезаны. Один из них, «Мелеки-Бахр», атакованный отрядом Голенкина, сдался без боя, и на нем был поднят русский флаг. Другой, «Капудание», под флагом вице-адмирала Саид-бея, направился к мели. Корабль «Андрей Первозванный» настиг его и открыл беглый огонь.

Вскоре подоспел отряд Голенкина и подошли другие суда русской эскадры. К полудню турецкий корабль был

¹ Ю т — кормовая часть верхней палубы.

окружен, но не сдавался и храбро отражал все попытки взять его в плен. Стремясь овладеть им, русские медлили решением его участи. Но в два часа дня на своем корабле «Рождество Христово» к месту боя подошел Ушаков.

— Пора положить конец! — сказал он Данилову. — Кораблям «Георгию» и «Андрею» вступить мне в кильватер, а всем остальным продолжать погоню за капуданпашой!..

Обойдя Саид-бея с наветренной стороны, он приблизился к нему на полкабельтова и первыми же выстрелами сбил у него все три мачты до самой палубы. Затем уступил место «Георгию Победоносцу», прошел вперед, поворотил через фордевинд¹ и стал бортом против носа противника, чтобы дать залп.

Но «Капудание» сдался. Его команда выбежала вся на бак² и стала кричать, подняв вверх руки. Ушаков приказал прекратить бой и послал шлюпки снять экипаж.

Густой дым валил с палуб турецкого корабля. На корме его бушевало пламя. Он трещал, как лес во время пожара, и от множества пробоин заливался водой.

Крупная зыбь мешала подойти шлюпкам. С большим трудом удалось им приблизиться и снять капитана, несколько офицеров и часть команды. Шлюпки уже отвалили, когда с горящего корабля донеслась русская речь:

— Братцы!.. Пашу принимайте!..

Какие-то полуголые, изможденные люди, пробиваясь сквозь дым и огонь, тащили на руках престарелого турка. То были пленные русские моряки, содержащиеся на вражеском корабле как невольники. Они держали добычу — турецкого адмирала Саид-бея — и как знак того, что с честью вышли из плена, поднимали над морем свой славный трофей...

Их взяли на борт, и через десять минут «Капудание» взлетел на воздух. Взлетели восемьдесят его пушек — все, как одна, медные, — и погибло восемьсот человек

¹ Поворот через фордевинд — поворот идущего под парусами судна по ветру.

² Б а к — передняя часть верхней палубы.

команды. Корабль этот, лишь недавно спущенный на воду, был уничтожен в первом же бою.

Победа была полная. Русские потеряли двадцать одного человека убитыми и двадцать пять ранеными; турки — более двух тысяч. Кроме взятого в плен «Мелеки-Бахра» и погибшего «Капудание», у них на обратном пути затонуло еще несколько кораблей.

Поражение капудан-паши облегчило совместные действия для русских войск и флота: гребной флотилии де-Рибаса был теперь открыт путь на Дунай...

О новой победе Ушакова Потемкин написал в Николаев:

«Наши, благодаря бога, такого перцу туркам задали, что любо, спасибо Федору Федоровичу!»

И объявил приказ:

«Да впишется сие достопамятное происшествие в журналы Черноморского адмиралтейского правления ко всегдашнему воспоминанию храбрых флота Черноморского подвигов».

Откликнулся и Суворов, кратко, двумя словами: «Виват, Ушаков!»

4

Раз или два в месяц Федор Федорович собирал командиров и беседовал с ними у себя на дому.

Он считал это столь же важным, как и практику офицеров в море. В своем светлом, как маячный фонарь, кабинете он внушал им мысли и взгляды, которые делали их «ушаковцами», в делах своих похожими на него...

Это была их первая по возвращении из Гаджибея беседа. Офицеры внимательно слушали Федора Федоровича, посвящавшего их в план осенней кампании, ибо предстоял новый поход.

— Состоящий под командой моей Севастопольский флот, — говорил Ушаков, — разделю я на три эскадры: кордебаталия, или центр, будет под моею командою, авангардией назначаю командовать бригадира Голенкина, арьергардией же — бригадира Пустошкина.

И он обратился к офицеру, сидевшему в кресле напротив него:

— Вы Семену Афанасьевичу Пустошкину родственником быть изволите?

— Пустошкины есть новгородские и новолодожские, — произнес офицер. — Все мы как будто сродни. Но с точностью ответить на ваш вопрос затрудняюсь...

Говоривший, человек лет сорока, поджарый и молодеватый, был начальником Таганрогского порта. Он только что прибыл в распоряжение Ушакова с эскадрой из нескольких судов.

Федор Федорович улыбнулся:

— С Семеном Афанасьевичем мы друзьями были. Теперь с вами сведем дружбу. Выходит, без Пустошкиных мне не обойтись...

Он помолчал, собираясь с мыслями, поглядел в окно и вновь заговорил, проникнутый спокойной, уверенной силой:

— Командиры эскадр исполняют должность и обязанность адмиралов. Посему надлежит им знать, какие главные свойства должен иметь адмирал... В одной рукописи, именуемой «Начальные основания морской тактики»¹, таких свойств показано четыре... Первое: непоколебимая храбрость, без чего все прочие знания, искусство и опыт остаются без пользы! Пример такой храбрости показал бригадир Голенкин в сражении у Еникале... Второе: острый разум и сильное воображение! Надлежит в мыслях объять связь всех действий не только в своем, но и в неприятельском флоте, дабы противника всегда и во всем упредить... Третье: присутствие духа! Должен адмирал в величайшей опасности находить способы к ее отвращению. Сему пример — капитан-лейтенант Нелединский, который не потерялся, будучи окружен судами противника... Четвертое: знание человеческого сердца! Соединя благосклонность со строгостью, надо сохранять во флоте всю дисциплину, не теряя любви и почтения ни офицеров, ни рядовых...

Голос Ушакова, грубоватый и сиплый, в то же время придавал его словам неуловимую задушевность.

¹ Речь идет о рукописи капитана русской службы Кингсберга, в то время подготовлявшейся к изданию. Предисловие к этой книге, содержащее определение основных качеств адмирала, получило широкую известность и распространялось в списках среди моряков.

— Мне приказано, — продолжал он, — выступить к устьям Дуная и прикрыть оные от противника, когда генерал-майор де-Рибас атакует батареи, защищающие вход в реку.

— Стало быть, дунайские крепости добывать будем? — спросил похожий на цыгана капитан-лейтенант Сорокин.

— Именно! — подтвердил Ушаков. — Дунайские!.. А добывать будут совместно наши сухопутные войска и флот.

Среди командиров пошел говорок. Они, видимо, хотели о чем-то спросить Федора Федоровича, но не решились.

— Ну, чего шепчетесь? — сказал он с усмешкой. — Говорите громче, чтобы и я слышал!

— Да вот дело какое... — начал капитан 2-го ранга Поскочин. — Затеялся у меня с Нелединским и Голенкиным спор... Прочитали мы книжицу «Военный мореплаватель», что вы нам дали, и пришли в сумнительство...

— Я вам на то и дал ее, — сказал Ушаков все с той же усмешкой. — А о чем спор?

Поскочин заговорил, держа в руках небольшой, переплетенный в темную кожу томик:

— Верно ли тут пишется о пресечении неприятельской линии?.. Я говорю, что неверно, а они со мной несогласны: полагают, что писано с толком, но будто адмирал наш от сего отступил...

— Позвольте-ка мне книжицу, — сказал Ушаков и, взяв из рук офицера томик, раскрыл его, разгладил страницу ладонью и положил перед собой. — Сие сочинение переведено с французского языка на российский господином Кушелевым, хотя он более своего добавлял, чем переводил... Так вот, дети мои!.. Что здесь сказано о пресечении или прорезании строя противника? «Инако не пресекается неприятель, разве когда превосходная сила или полученный выигрыш в бою не делают его более опасным»... Справедливо сказано, слов нет!..

Командиры слушали с недоумением, не понимая еще, куда клонит Федор Федорович, а он, постепенно возвышая голос и явно ожесточась, продолжал:

— Но сие подобно тому, как если бы кто сказал, что

корабль выходит из гавани не иначе, как в тихую погоду, когда капитан уверен, что шторм не застигнет его в пути. Мы в сражении Еникальском были слабее противника — он превосходил нас и, даже будучи поражаем нашей картечью, еще оставался весьма опасен и силен! Вопреки сему, мы нарушили его строй и стали бить его с наветра! И разбили! И прочь проводили! И славой себя покрыли!.. Ежели господина Кушелева слушать, побеждать нам не придется. Его тактика — обороняться, а наш флот Черноморский может и наступать!..

Он почти кричал. Зрачки его расширились; нижняя челюсть выдвинулась и как бы окаменела. Лицо, пылавшее от вступившего в окна заката, сделалось необычайно суровым, даже страшным. Он раскрыл — точно разломил — книгу в другом месте и хватил по ней кулаком:

— Есть тут глава, изъясняющая, как «убегать сражения»! — Он выхватил из чернильницы перо и с маху косым крестом перечеркнул страницу. — «Убегать сражения»!.. — повторил он гневно. — Да не будет сего ни в мыслях ваших, ни в речах!..

Наступило молчание. Его нарушил голос Сорокина. Он вскочил и, блестя глазами, оглядываясь на товарищей, как бы ища их поддержки, выкрикнул:

— Дозвольте оказать!.. Мы клянемся... сражаться так, как и до сего дня сражались!.. Где бы ни встретился нам противник — у своих ли берегов, в наших ли водах, или в чужеземных морях!..

Солнце зашло. Совсем близко, на корабле, ударила пушка.

Федор Федорович и все командиры поднялись со своих мест.

— Спасибо, дети мои, — тихо сказал он. — Ожидаю от вас мужества по примеру прошлых кампаний. Противнику отдыхать не дадим — недосуг нам! Как пословица молвится: время за нами, время перед нами, а при нас его нет!..

Оставшись один, он подошел к окну и окинул взглядом Северную бухту. У Павловского мыска теснились корабли со свернутыми парусами. Отблеск заката стоял в окнах казарм.

Федор Федорович особенно любил Севастополь в этот

час, когда спускались на город сумерки и море казалось неподвижным при взгляде на него сверху, а в кабинете явственно слышался его размеренный глухой гул.

Он долго стоял у окна, пока огни не загорелись на судах эскадры. Федор внес зажженные свечи и кашлянул, давая знать, что намерен задернуть драпировку. Федор Федорович отошел от окна и сел за стол.

На душе у него было легко. После беседы с командирами осталось отрадное чувство. Лица офицеров, покинувших кабинет, стояли перед его глазами... Отчаянная голова Поскочин, медлительный, надежный Голенкин, застенчивый и сдержанный Нелединский... Они не боялись нового, понимали, каким путем он хочет вести их, и не страшились. Его радовала их пытливость. С ними он не был одинок.

Дела шли хорошо. Уже слава его прочно утвердилась в столице. За победу у Тендры он получил редкую награду — Георгия 2-й степени. Кроме того, Екатерина пожаловала ему в Могилевской губернии пятьсот душ крестьян.

Дар привел его в смущение. Но крестьянами живо заинтересовался Потемкин, округлявший в то время свои владения в Белоруссии. И Федор Федорович решил: «Пусть что хочет делает с этими «душами», мне они ни к чему».

Дела шли хорошо. Принесли пользу его докладные записки: Потемкин распорядился строить мачтовый кран в Севастополе и обшивать медью новые фрегаты (пока только два).

У Федора Федоровича не было причин жаловаться на Потемкина: он оберегал его от наветов и кляуз, помогал ему в самом главном, в том, что было важнее всего.

Одобрив действия Ушакова на море, он разрешал ему поступать с противником по своему усмотрению, соглашался на все его предложения о том, как вести бой.

Но это было изустно. Федор Федорович побеждал, действуя вопреки застарелым правилам, хотя никаких письменных дозволений на то не имел. Он знал, что Мордвинов и ему подобные — люди вроде свитского офицера Кушелева — строчат на него доносы, доказывая,

что смелость и безрассудство — одно и то же и что идти на риск в сражении — значит губить флот.

Ему нужна была опора — приказ Потемкина, развязывающий руки, ясно говорящий, на что он имеет право. Он долго ждал такого приказа и наконец получил.

Это случилось с месяц назад, когда эскадра вернулась из Гаджибея; сегодня пришло второе, более пространное письмо о том же. Оба они лежали перед ним на кипе бумаг.

В шандале оплывала свеча. Федор Федорович поправил фитиль пальцами и стал перечитывать потемкинское послание — малоразборчивые строки, сплетенные из витиеватых, словно сведенных судорогою букв:

«Известно вам мое замечание в прежнем предложении, что когда во флоте турецком бывает сбит флагманский корабль, то все рассыпаются, а для сего приказал вам иметь при себе всегда «Навархию», «Вознесение», «Макроплию» («Св. Марка») и фрегат «Григория Великия Армении» и наименовать эскадрю кайзер-флага¹. Всеми прочими кораблями, составляющими линию, занимайте другие корабли неприятельские, а с помянутою эскадрю пускайтесь на флагманский, объяв его огнем сильным и живым...

Требуйте от всякого, чтоб дрались мужественно, или лучше сказать — по-черноморски...

Подходите непременно меньше кабельтова...»

Федор Федорович дочитал и снова поправил свечу.

— «Известно вам мое замечание... — повторил он, медленно шевеля губами, — что когда во флоте турецком бывает сбит флагманский корабль, то все рассыпаются...»

И вдруг насупился, вспыхнул, забормотал:

— Обезопасил меня князь, дал свою сильную грамоту, защитил от недоброхотов... Утвердил он образ моих действий — на том спасибо! Только следовало бы ему о сем иначе писать!.. Еще служа в Азовской флотилии, заметил я особые свойства противника и позднее в трех сражениях, атакуя флагманские корабли, тем его разбивал!.. Предписывают мне иметь эскадру кайзер-флага. Но сия эскадра — тот же мой резерв, лишь именуемый

¹ Эскадра кайзер-флага — резерв особого назначения под флагом главнокомандующего.

по-другому. А что резерв может служить для получения перевеса над неприятелем, я о том его светлости давно писал и твердил!.. Велят подходить ближе кабельтова. Точно я — Войнович и от противника бегаю! А я — куда уж ближе — на тридцать сажен подхожу!.. Перед потомками стыдно!.. Мог бы князь меня не учить, ибо сам опытом и победами моими научен! Ну, да не спорить же мне с Потемкиным!.. Была бы флоту слава, а мне честь не нужна!..

И он стал писать ответ:

«Все мои действия и дарованные от бога успехи причитаю собственному счастью вашей светлости, а я иду стопами ваших наставлений...»

Писать надо было о многом. Федор Федорович, чувствуя усталость, решил отложить письмо до другого раза.

Но на приказ о выходе в море нужно было отвечать немедленно. И он ответил по-черноморски:

«Я со флотом Севастопольским готов...»

5

15 октября на судах эскадры затрепетали флаги. Ушаков снова взошел на свой корабль «Рождество».

Оставив для охраны гавани четыре фрегата и бомбардирское судно, он с четырнадцатью кораблями, четырьмя фрегатами, крейсерами и транспортами пошел к Дунаю и прибыл туда 21 октября.

За день до этого в устье Сулинского рукава высадились войска де-Рибаса и кинулись на батареи, защищавшие гирло. Одновременно в Килийский рукав вошли запорожцы атамана Головатого. Эскадра Ушакова стала на якорь между устьев Килии и Сулина, прикрывая от нападения с моря обе гребные флотилии и войска.

Несколько крейсеров Ушаков послал в поиск у побережья. Они вскоре вернулись, приведя одно судно, пруженное лимонами, и другое — изюмом. Он отослал изюм и лимоны Потемкину, досадуя на маловажность своих трофеев, но затем захватил приз более ценный — бежавшего коменданта сулинских батарей Саид-агу.

Самые батареи были взяты людьми де-Рибаса, и его

гребные суда вошли в Дунай. Действуя совместно с казаками Головатого, он разгромил Измаильскую флотилию — более двухсот лодок — и занял против Измаила остров Сулину, отрезав город от реки.

«С сухого пути» крепость была блокирована русскими войсками. Командовали ими генерал-поручики Самойлов и Потемкин — родственник князя Потемкина-Таврического. С приходом де-Рибаса под Измаилом оказалось три равноправных начальника, власть которых не была объединена.

Наступил ноябрь. Ударили ранние морозы. Мокрый снег по утрам падал на море. В корабельном флоте больше не было надобности, и Ушаков направился вдоль турецких берегов «для нанесения вящего неприятелю страха».

29 ноября возвратился он в Севастополь, а 30-го стоявший с войсками под Галацем Суворов получил ордер Потемкина — немедля брать Измаил.

* * *

Екатерина настойчиво требовала «достать мир с турками», но это было невозможно, пока держался Измаил и «вязал руки» наступавшим войскам.

В сентябре 1790 года устрешенная Пруссией Австрия заключила с Портою перемирие, обязавшись не пропускать русских через занятую австрийцами Валахию. Потемкинская армия могла теперь двигаться только узкой полосой между Галацем и морем, но это пространство запирали Измаил.

В нем сходились пути из Галаца, Хотина, Бендер, Килии. Здесь были ворота для движения за Дунай с севера. Турки недаром называли эту крепость армейскою: она вмещала целую армию в тридцать пять тысяч человек.

При малочисленности русских сил обойти ее было опасно, осада же не сулила успеха. Могучий пояс укреплений и около трехсот пушек преграждали войскам дорогу. Нужен был вдохновенный мастер, чтобы взломать эту твердыню и решиться на ее штурм.

Де-Рибас занимал остров Сулину, возводил на нем батареи и готовился к совместным действиям с сухопут-

ными силами. Но действия не начинались. Близилась пора зимних туманов. Русский корпус испытывал недостаток в топливе и провианте. Заметно падал дух войск.

26 ноября военный совет решил перейти от осады к простому наблюдению за крепостью, и войска стали отходить при радостных кликах турок и пальбе с крепостных стен.

Потемкин об этом не знал. Всего лишь на день раньше он отправил приказ Суворову: решить дело под Измаилом, приняв под свою команду войска.

Герой Фокшан и Рымника понял, что от него хотят почти невозможного, но почувствовал себя счастливым, ибо о таком деле он и мечтал.

После Рымника он послал Потемкину смелый проект наступления за Дунай, но тот на него не ответил. Суворов затаил обиду: его план оставили без внимания, не дали развить успех.

Он был обижен вдвойне. Принц Кобургский, командовавший союзными австрийскими войсками, получил за Рымник «фельдмаршала»; Суворова же не удостоили этого звания, хотя ему одному принадлежала честь победы и всю тяжесть боя вынесли русские войска.

Он знал, что такое Измаил и что ему и отданным под его начальство людям предстоит совершить дерзкий и славный подвиг.

Он знал также, что добрая половина этих людей не обучена и что ему надо в кратчайший срок обучить их и перевоспитать.

А времени не было. Со дня на день должны были пасть непроницаемые дунайские туманы; земля станет вязкой и скользкой, и валы измаильские будут непреодолимы. Надо было подготовить войска к штурму не более как в семь-восемь дней.

Он назначил под Измаил свой любимый Фанагорийский полк, отрядил казаков и апшеронцев и приказал им взять с собою изготовленные под Галацем лестницы и фашины¹.

30 ноября он получил приказ Потемкина, а 2 декабря

¹ Фашины — связки хвороста, употреблявшиеся для укрепления насыпей и заваливания рвов.

утром прибыл уже к Измаилу, сделав за двое суток сто верст.

Его прибытие было одинаково понято всеми — от генерала до солдата. Оно означало: штурм! И это передавалось из уст в уста.

Прежде всего он распорядился вернуть отходящие войска и осмотрел крепость.

Она представляла треугольник, обращенный одной стороной к Дунаю; склон измаильской высоты переходил здесь в крутой береговой скат.

В западном углу треугольника высилась каменная башня с двухъярусной пушечной обороной; в восточном — земляной кавальер¹ на двадцать два орудия; в северном — бастион с каменной одеждой и башнями по углам.

Вал тянулся на шесть верст. Это была ломаная линия бастионов со многими исходящими и входящими углами. Высота вала достигала четырех сажен, ширина рва — шести, глубина — пяти; на дне его были устроены палисады, привязаны к кольям сторожевые собаки и местами пущена вода, доходившая солдату до плеч.

Потемкин в своем приказе Суворову указывал на слабые места крепости. Суворов ответил кратко и сдержанно: «Слабых мест нет».

Теперь он убедился в этом вторично. На такое дело можно было решиться раз в жизни. Войскам следовало дать особую подготовку. И он приказал строить второй, малый Измаил.

Был насыпан вал, в точности похожий на измаильский, и войска по ночам обучались эскаладе — подъему на вал и преодолению его. Они последовательно совершали все, что предстояло им совершить во время штурма: приближались ко рву, забрасывали его фашинами, приставляли и связывали лестницы, ломали палисады; днем — упражнялись в штыковом бою.

Суворов сам показывал, как колоть (на соломенных чучелах, одетых в турецкое платье). Все время он проводил с солдатами, разъясняя каждому значение Измаила и твердя при этом: «Валы измаильские высоки, рвы глубоки, а все-таки нам надо его взять!»

¹ Кавальер — небольшой, но высокий бастион внутри главного; артиллерия его господствует над окружающей местностью.

Его маленькая каска с зеленой короткой бахромой мелькала всюду — там, где шло ученье, где заготавливались лестницы и фашины и где люди трудились над возведением батарей.

Солдаты рассказывали о нем легенды. Говорили, что глаз у него «магнитный» — такой, что по лицу узнаёт робкого и видит сердце человека насквозь...

С начальниками колонн Суворов совершал разведки подступов к крепости, указывал цель и направление каждой колонны, объяснял, как обеспечить взаимную поддержку и связь.

Измаил с его минаретами, садами и тополями, казалось, дремал у тихих вод Дуная, но турки были готовы встретить идущую на них грозу.

5 декабря возвратились все ушедшие полки, а 6-го прибыли суворовцы из-под Галаца. Войска стали полукругом в двух верстах от крепости, упираясь флангами в реку, где флотилия де-Рибаса замыкала блокаду.

Суворов послал к сераскиру-паше офицера с предложением сдать Измаил.

«Соблюдая долг человечества, дабы отвратить кровопролитие и жестокость», требовал он сдачи без сопротивления, а в особо приложенной записке писал:

«Я с войсками сюда прибыл. Двадцать четыре часа на размышление — воля; первый мой выстрел — уже неволя; штурм — смерть...»

Сераскир ответил пространно, выставив массу требований, с явным намерением протянуть время. Офицеру же, посланному в крепость, было сказано: «Скорее Дунай остановится в своем течении и небо упадет на землю, чем сдастся Измаил».

Утром 9 декабря Суворов велел объявить туркам, что «площады им не будет», и созвал военный совет.

Воодушевленные им генералы, лишь недавно постановившие снять осаду, теперь единогласно решили штурмовать крепость, «ибо отступление предосудительно победоносным ее величества войскам».

Суворов назначил штурм на 11 декабря. Составленная им диспозиция явилась вершиной его прозорливого искусства: солдат и командиров ознакомили с нею во всех подробностях, но самая суть осталась скрытой от войск.

Главный удар направлялся на сильнейшую Новую крепость и Килийские ворота, где турки меньше всего этого ожидали. Туда были назначены колонны Кутузова, Ласси и восьмитысячный отряд де-Рибаса, то-есть около двух третей всех суворовских сил. Остальные войска должны были рассредоточить силы противника на всем протяжении крепостной ограды. Их атака была задумана как отвлекающая, но им не следовало знать об этом. Только равномерно яростным натиском по всему фронту можно было добиться успеха. И Суворов, беседуя с офицерами и солдатами, скрыл от них истинное назначение колонн.

Чтобы добиться внезапности удара, он приказал устраивать ложные тревоги и пускать ракеты. Всем командирам было предписано выверить карманные часы, «учредя их равномерно, дабы единовременно начать по данному сигналу, который последует в 5 часов».

Все было продумано до последней мелочи. Фашины и лестницы розданы по колоннам; сказано, где быть стрелкам и где — рабочим; тщательно проверены штурмовые средства: доски, веревки, ломы, топоры.

Пятьсот орудий с фланговых батарей, острова Сулины и флотилии де-Рибаса весь день громили крепость. Наступила ночь. Суворов провел ее среди солдат и лишь под утро прилег к огню на своем биваке. Но он не спал, замкнувшись, уйдя в себя.

В глубоком молчании его окружала свита — офицеры штаба, адъютанты, ординарцы. Ему подали письмо, полученное от австрийского императора, — оно осталось нераспечатанным. Казалось, ничто не занимало его.

Огонь русских пушек не ослабевал в течение всей ночи.

В три часа утра взвилась первая ракета, и войска стали в ружье.

Рассвет 11 декабря¹ 1790 года вставал в густом теплом тумане. Суворов точно рассчитал время: отложи он штурм всего лишь на сутки, и туман сделал бы невозможным подъем на береговую крутизну.

Не все начальники колонн заметили во мгле ракету. Но им помогли часы, выверенные по приказу Суворова.

¹ 22 декабря нового стиля.

Строго по часам и по второй ракете войска приблизились к крепости на триста шагов.

«И лягут все колонны тихо...» — так предписывала диспозиция, и солдаты бесшумно залегли на исходном пункте, а в 5.30 утра, по третьей ракете, бегом кинулись на штурм.

В то же время, прикрываясь огнем с судов, к крепости подходила флотилия. Полторы тысячи казаков и шесть с половиной тысяч регулярного войска спешили вступить в дело, пересекая Дунай на паромах, шлюпках, барказах, небольших лансонах и запорожских «дубах».

Небо было затянуто облаками, и стелившийся низко туман скрывал от противника начальное движение войск. Однако с приближением первых колонн турки открыли пальбу картечью и ружейный огонь со всего вала. Но это не остановило наступающих, и они стремительно спустились в ров.

Исполняя с удивительной быстротой все предписанное Суворовым, войска в первые же минуты штурма положили основание победы: солдаты прапорщика Гагарина, приставив лестницы, взобрались на вал и овладели бастионом; к этому времени начал свои действия и гренадерский флот.

Он подошел сверху и снизу реки двумя отделениями, и каждое построилось в две линии: первая состояла из ста тридцати лодок с десантом; во второй были бриги, пловучие батареи, лансоны и катера.

Приблизившись к берегу, вторая линия построилась вправо и влево, примкнув к флангам первой линии и образовав вместе с нею большой полукруг.

Сто пушек с прибрежных батарей вели огонь по русской флотилии, не причиняя ей большого вреда за густой завесой тумана. По прошествии часа десант с двадцати судов, мгновенно высадившись, опрокинул противника на штыках и захватил кавальер.

Но дело только начиналось. «Неприятель был многочислен, крепость к обороне способна», как впоследствии писал Суворов. Предстояло сломить отчаянного и мужественного врага.

Лаяли во рву собаки, и по всей его длине стоял треск отдираемых досок — это ломали палисады. Уже во мно-

гих местах были приставлены лестницы, и у их вершин кипели схватки на штыках и саблях. Вспышки выстрелов опоясывали кромку вала, а над домами Измаила лениво взмывал багровый и круглый дым.

Впервые Суворов не был в самой гуще боя. С куртины на северной стороне следил он за штурмом. Летучая команда ординарцев доставляла ему донесения и передавала командирам его приказы. Он знал обо всем — о большом и малом — и готов был в нужную минуту двинуть резерв.

Кутузов действовал на левом фланге, но был его правою рукою. Его колонна атаквала главный участок обороны — бастион у Килийских ворот.

Генерал-майор Кутузов начал службу под командой Суворова. Ученик унаследовал от учителя веру в русского солдата и тайну нового военного искусства. Участник «дел» с турками при Ларге, Кагуле, Очакове, Бендерах и Аккермане, Кутузов в важнейшем месте штурмовал Измаил.

Сильный огонь заставил его колонну остановиться. Он бросился вперед и, увлекая за собой солдат, ворвался в ров. Дважды поднимался он на вал, и дважды сбрасывали его. Русские несли большие потери. Кутузов послал к Суворову за поддержкой, но тот ответил: «Жалую вас комендантом Измаила!..» Тогда Кутузов в третий раз пошел на турок, и бастион пал...

Суворов следил за рождением победы.

Он видел согласные действия колонн и рассыпного строя — самозабвенный порыв русского воинства, которое он только что обучил и послал на штурм. Повинуясь его воле и замыслу, великое множество людей всходило на валы, помогая друг другу. Они карабкались, цеплялись, кололи, стреляли, и в их неуклонном движении чувствовалась неотвратимость. Суворов знал, что остановить солдат невозможно. Не будучи чудодеем, но увидев в них то, на что они были способны, он как бы открыл им глаза: вот вы какие!.. Войска узнали, почуяли свою силу. Они не могли не победить...

И они победили. Уже к восьми часам утра турки были сбиты по всей линии, и русские прочно утвердились на стенах.

Не давая противнику передышки, Суворов перенес

сражение в город, бросил войска на штурм площадей, улиц, домов.

Наступая со всех сторон, сжимая кольцо, бились русские за каждую пядь земли, за каждую щель в крепости. Только к вечеру затихли выстрелы, и остатки гарнизона сдались в плен.

Удалось бежать одному лишь турку — он переплыл Дунай на бревне и спасся.

«Крепость Измаильская, — доносил Суворов Потемкину, — которая казалась неприятелю неприступною, взята страшным для него оружием российских штыков».

* * *

Рапорт Суворова был написан на восьмидесяти шести страницах. Запечатлев для истории все подробности беспримерного штурма, он просил о награждении солдат и командиров и кончал словами: «Сие будет уменьшением старости моей»...

Когда в Измаиле собирали захваченные трофеи, к Суворову подвели породистого, богато убранного коня.

— Нет, — возразил он, — не нужно мне его: донской конь привез меня сюда, донской конь и увезет отсюда.

— Но теперь, — льстиво сказал один из генералов, — тяжело ему будет везти новые лавры.

— Донской конь всегда выносил меня и мое счастье, — ответил Суворов, — а я и без того буду награжден государыней превыше заслуг...

Но он ошибся. Жезл фельдмаршала снова ускользнул от него. Отношения с главнокомандующим испортились окончательно: он перерастал Потемкина, а славу измаильскую нельзя было поделить.

Суворова произвели в подполковники Преображенского полка. Их числилось уже десять, он был одиннадцатым.

В начале года его откомандировали от армии и послали в Финляндию — укреплять границу. Покорившись, он записал о своей неожиданной опале: «Играть хоть в бабки, коли в кегли нельзя!»

Измаил был взят. Успехи русских войск и флота давно уже смущали недоброжелателей России. Теперь, когда пала сильнейшая турецкая крепость, считавшаяся неприступной, все европейские державы вспыхнули «любовью» к Турции и принялись ее «спасать».

Русская армия не продвигалась дальше, получив приказ идти на зимние квартиры. Но в Константинополе готовились к войне и уже приступили к укреплению столицы, ибо путь на Балканы был открыт.

Султан не хотел мира, не думал отказываться от притязаний на Тавриду и собирался продолжать войну в союзе с Пруссией и Польшей. Прусский король делал последние усилия, чтобы склонить к войне Англию; его агенты изощрялись в интригах при всех иностранных дворах.

Иные из них твердили, что Россия угрожает всему свету; другие же — маркиз Лукезини в Бухаресте и барон Якоби в Вене — старались ободрить турок, доказывая, что русская армия вовсе не так сильна.

В марте Воронцов писал из Лондона, что не следует верить голландским газетам, будто англо-русская война неизбежна. «Все это не что иное, как прусские выдумки», уверял посол.

Но «пруссские выдумки» оказались серьезней и пагубней, чем он думал. Глава английского правительства Питт, считавший, что Россия на Черном море не должна быть слишком сильной, решился на союз с Берлином и вооружил огромный флот¹ в тридцать шесть кораблей.

Тогда Воронцов отправился к Питту.

— Я всеми путями, — заявил он, — буду стараться, чтобы нация узнала о ваших намерениях, столь противных ее интересам. И я убежден в здравомыслии английского народа, в том, что его голос заставит вас отказаться от принятых мер!..

Потом он составил и разослал по стране разоблачительные записки. Вскоре в Лидсе, Манчестере и других промышленных городах состоялись митинги. Тысячные

¹ Вооружить флот — оснастить и снабдить всем необходимым для плавания.

толпы осуждали действия правительства, протестуя против затеваемой им войны.

Но Питт делал свое. Он послал курьера в Берлин с нотой о том, что Англия решила выступить вместе с Пруссией, и затем произнес в парламенте речь.

Он открыто объявил, что снаряжаемый флот предназначен против России, ибо «необходимо спасти Турецкую империю». Но он упустил из виду, что английское купечество, получавшее большие барыши от балтийской торговли, не захочет терпеть убытки от этой войны. Пока он говорил речь, некоторые его друзья вышли из палаты, чтобы не подать голоса ни за, ни против, а когда голоса были подсчитаны, число его противников возросло на сто человек.

В тот же день он получил известие о происшедших в разных городах митингах. Волнения начались и в Лондоне. «Не хотим войны с Россией!» писал мелом народ на стенах домов.

И Питт признал себя побежденным. Ему пришлось послать в Берлин второго курьера, чтобы взять свою ногу обратно. После этого он известил Петербург, что Англия более не настаивает на возвращении Очакова туркам, и отдал приказ разоружить флот...

* * *

Безвестный поэт сочинил вирши:

Власть их увеличилась, как в Неве вода,
Куда ни сунься — везде господа!

Эти строки сложились еще перед восстанием Пугачева. Они родились в харчевнях и на толкучих рынках столицы. Дворовые люди передавали их из уст в уста:

Ах! Когда б нам, братцы, учинилась воля,
Мы б себе не взяли ни земли, ни поля.
Пошли б мы, братцы, в солдатскую службу
И сделали б между собою дружбу.
Всякую неправду стали б выводить
И злых господ корень переводить...

Вирши назывались «Плач холопов». За двадцать лет они не устарели, ибо крестьянская слеза была все так же солона и горюча.

Крепостное право расползлось вширь.

Ища «льготы», крестьяне бежали к новым, южным помещикам; те сами подговаривали крепостных к побегам, но затем быстро добивались власти над ними и прикрепляли их к земле.

В «полуденном крае» беглецы не находили «льготы».

Здесь крепко нужны были рабочие руки: дворянская пшеница шла теперь к портам Черного моря, приобретенным Россией в победоносной войне.

Край расцветал. Но беглые закрепощались, а с теми, кто работал «на казну» по найму, поступали не лучше, чем с крепостными. Тревожные слухи носились по Новороссии и Крыму и проникали в Севастополь.

«Беспокойные» люди делали «вредные разглашения» и сообщали «соблазнительные для команд новости».

Потемкин приказывал строжайшим образом это искоренять.

Он не хотел упускать время.

Усилия и хлопоты немцев пропали даром: державы не вступили в борьбу за Черное море. Россия могла теперь быстро закончить спор с Турцией, спокойно укрепляясь на отвоеванных древних своих берегах.

Адмиралтейство перевели из Херсона в Николаев, где червь не точил корабли и где им было привольней. Потемкин размахнулся там во всю свою силу. Мысль его шла далеко.

Новая верфь заводилась для постройки большого флота. Вокруг Николаева росли адмиралтейские поселения, и в них оседали тысячи пришлых людей. Это были кузнецы, плотники, литейщики, конопатчики — беглые помещичьи крестьяне, солдаты-инвалиды, матросы, уволенные от службы, — целая армия постоянных адмиралтейских мастеровых.

В посаде Богоявленском было открыто училище земледелия, разбит аптекарский сад и начато в огромных размерах соление мяса для флота. Потемкин приказал всем поселенцам сеять желуди — разводить близ Николаева корабельный лес.

Его воображению рисовались ступшечные корабли, грозная армада, цветущее парусами море, которое русская армия и флот возвратят родине навсегда.

Победа была близка. Она чувствовалась во всем —

в размахе работ, в хозяйственной хлопотливости нового города и верфи, в том, что первыми строителями ее были пленные шведы — союзники турок в этой войне.

7

«Считая флот готовым к выходу в море, я сим предписываю тотчас вам выступить по прошествии весенних штормов...

Господину генерал-аншефу Каховскому дал я повеление снабдить вас таким числом пехоты, какое для флота будет потребно. Я вам препоручаю искать неприятеля, где он в Черном море случится, и господствовать там, чтобы наши берега были им неприкосновенны...»

Приказ Потемкина Ушаков получил в начале июня. Севастопольская эскадра была готова. Оставалось подготовить к кампании порт.

Адмиральская канцелярия помещалась в небольшом каменном здании на берегу Северной бухты. Делопроизводство велось в ней немалое, и на столах громоздились томы «входящих и отходящих дел».

Федор Федорович любил порядок во всем и деловую переписку вел обстоятельно: аккуратно и пространно отвечал на письма, и случалось, что одному и тому же лицу писал по несколько писем в день. Все бумаги он приказал заготавливать с отпусками и подробно записывать их в журналы; кроме того, завел особую запись — «Новости», отмечая местные происшествия и политические слухи, залетавшие в Севастопольский порт.

Мичман Егор Метаксá помогал ему в этом деле. Он был уроженец острова Крит, в числе многих греческих выходцев поступил в Корпус чужестранных единоверцев, основанный Екатериной II в Петербурге, и, окончив его, был произведен в мичманы с переводом на Черноморский флот. Присланный на эскадру Потемкиным, он обратил на себя внимание Ушакова. Мичман был умен; начитан, отличался безупречною выдержкой, свободно говорил по-турецки и знал английский и французский языки.

В канцелярии было душно. Накаленный добела город лежал за окнами; казалась горячей даже окаймлявшая

его синева. Но синева эта освежала, и тянувший с воды ветерок колебал желтое пламя свечи, горевшей на столе перед мичманом. Сургуч дымился в его руке, и червонный стусток, мгновенно твердея, схватывал бумагу. Метакса, готовя к отправке почту, запечатывал пакет.

Федор Федорович просматривал ведомость провианта и, водя по ее широким полям пальцем, говорил Доможирову, следившему за его рукой:

— Сухарей, рыбы и лука достаточно; булгура¹ и оливок мало... Закупи немедленно!.. Ты, Дмитрий Андреевич, теперь капитан над портом, следовательно в мое отсутствие отвечаешь за всё. Продовольствие для флотских служителей должно быть улучшено и казармы достроены непременно, а то люди совсем измучились, зимую на судах.

— Достроить можно, — прогудел Доможиров, — только гвоздей у меня нет ни на корабельное дело, ни на казармы.

— Гвозди будут. Из Херсона пишут, что уже высланы. Но ежели окажутся не годные, ржавые, отошлешь назад!.. — Федор Федорович помолчал, вспоминая, о чем еще нужно сказать Доможирову, и добавил: — По ходатайству моему, за Еникальскую победу присланы награжденные. Раздашь перед выходом в море: обер-офицерам — годовые порционные, а нижним чинам — по рублю...

Метакса с пакетом в руках подошел к Ушакову:

— Прикажете отправить на казачьей почте или с курьером его светлости?

— Ни тем, ни другим способом... — И адмирал посмотрел мичману в глаза.

Он остался доволен им, ибо на смуглом лице офицера не отразилось ни малейшего любопытства. Тонкий, с горбинкою нос и вздернутая верхняя губа придавали его облику девичье наивное выражение, но непринужденность, с которою он держался, и умный взгляд его черных, навывкате глаз говорили, что Метакса вовсе не прост.

— Вы послали за Даниловым? — спросил Федор Федорович.

¹ Булгур (турецк.) — крупно молотая пшеница, заменяющая рис.

— Тотчас как вы приказали.

— Почту в Николаев доставит Данилов, и впредь старайтесь с верной оказией ее отправлять.

— Есть! — коротко отозвался Метакса и, ни о чем больше не спрашивая, направился к своему месту, хотя было неясно, почему почту адмирала должен возить флаг-капитан.

Федор Федорович поглядел ему вслед и снова заговорил с Доможировым:

— Артиллерию должны нам доставить. Примешь, накроешь брезентом и поставишь в сараях на берегу. Возродились Липецкие заводы — наши тамбовские! — вставил он с самодовольной усмешкой. — Теперь лучше будут снабжать пушками флот.

— Давно пора, — сказал Доможиров. — В казенных заводах проку-то больше. На Баташевских, небось, только купцу нажива, а делу — обман...

Федор Федорович взял лежавший перед ним листок бумаги и повертел его:

— Пишут мне, что американцы придумали способ для увеличения прочности кораблей и будто в Филадельфии уже многие такие суда построены.

— А в чем способ?

— В солении корабельного дерева. Ты о таком не слыхал?

— Нет!.. — И Доможиров даже смутился. — Действительно... — пробормотал он. — Соль пропитывает шпангоуты и обшивку и сберегает корабль от гнили... Да ведь это дело известное! — воскликнул он спохватившись. — Астраханские купцы как новое судно построят, так всегда стараются его несколько раз под соль употребить.

Отворилась дверь, и вошел Данилов.

— Явился по вашему приказанию! — отчеканил он перед Ушаковым.

Федор Федорович медленно вытянул на столе руки и сложил их в замок.

— Пользуясь поездкой вашею в Николаев, поручаю вам доставить туда почту к приезду его светлости.

— Отправиться вместе с курьером?

— Нет, в отдельности... Недоброжелательство ко мне соединено с великою тонкостью. Все мои письма вскры-

ваются, и происходит перлюстрация! ¹ Я намерен положить этому конец!

— Но кто смеет?! — недоуменно протянул Данилов. Федор Федорович усмехнулся и пожал плечами.

Данилов прищурился, что-то соображая, и вдруг лицо его преобразилось, словно невидимая рука убрала с него обычное присущее ему выражение и заменила другим.

Вжав голову в плечи, перед Ушаковым стоял кряжистый, со злыми медвежьими глазками человек, удивительно похожий на обер-интенданта Афанасьева, занимавшегося тайным просмотром частных и служебных бумаг.

Мгновение — и Данилов, вновь преобразившись, принял свой прежний вид и улыбнулся лукаво и выжидательно.

Федор Федорович расхохотался.

— Преудивительно! До чего искусно изображаете вы некоторых флотских особ!..

— Это у меня еще с Херсона осталось.

— Лицедей, лицедей!.. Вас, должно быть, попрежнему к театру тянет?

— Тянет, Федор Федорович, — признался Данилов. — И даже мысль имею: со временем устроить офицерский театр.

— Что ж, я думаю, господам офицерам иногда развлекаться полезно будет. К тому же добрые пиесы могут воспитывать воинский дух... Ну вот, кончим войну, и беритесь за дело, я согласен. А устроить можно в Мекензиевом доме, во дворце... — Тут взгляд Ушакова скользнул по лежавшей за окнами синеве и задержался у причалов. — Я вижу, «Навархия» пришла. С нею еще какое-то судно.

— Сенявин вернулся не один, — пояснил Данилов, — с ним турецкая шебека — его приз.

Ушаков забарабанил по столу пальцами.

— Отчего же он не является, не рапортует?

— Не могу знать, Федор Федорович.

— Немедля пришлите его ко мне!..

¹ Перлюстрация — тайное вскрытие и просмотр корреспонденции.

Когда Данилов вышел, Ушаков взял журнал и, сведя брови, начал шумно его перелистывать.

Доможиров поспешно забрал свои бумаги и пересел за другой стол.

Поведение Сенявина не на шутку огорчало Федора Федоровича. Это был единственный офицер, с которым у него не ладилось, и притом давно уже — в течение пяти с лишним лет.

Началось с Войновича, с первой зимы в Севастополе, когда Сенявин был его флаг-офицером. Уже тогда, быть может подражая Марко Ивановичу, он досаждал Ушакову, давая волю своему озорству. Но время мало что изменило. В ином, скрытом, вполне благопристойном виде это осталось, и между адмиралом и командиром держался постоянный холодок.

Это тяготило Федора Федоровича, и он испытывал чувство досады, особенно потому, что считал строптивного офицера одним из самых способных своих учеников.

Любимец Потемкина и его генеральс-адъютант, Сенявин часто по его поручениям бывал в отъезде и реже других командиров попадался Ушакову на глаза. Но Федору Федоровичу не много требовалось, чтобы распознать человека. В том, как Сенявин распорядился на палубе, как держал себя с экипажем «Навархии» и как заботился о своем фрегате, сквозили повадка и выучка Ушакова, но ученик всячески это скрывал.

Тут-то и был корень всего, хотя Сенявин ни за что бы в том не признался. Задор и упрямство мешали ему кому бы то ни было подчиняться, и он делал вид, что ни у кого не учится и растет сам по себе.

«Петушится, молод! — думал Ушаков. — А я старею, и натуры у нас вовсе разные... Ну, ничего, — утешал он себя, — с годами пройдет».

И он терпеливо ждал, готовый простить многое, кроме одного: ослушания. А дело дошло и до этого: совсем недавно Сенявин отказался выполнить приказ.

Федор Федорович перестал перелистывать журнал и задумался, заложив пером страницу. На ней начиналась запись о «нарушении долга службы» Сенявиным, растянувшаяся на несколько листов...

Зимой Ушаков был назначен старшим членом Адмиралтейского правления и таким образом сделался глав-

ным начальником всего Черноморского флота. Это прибавило ему хлопот.

В начале апреля 1791 года он приказал послать некоторое число матросов с Севастопольской эскадры в Таганрог и Херсон — на строящиеся там фрегаты. При этом он требовал, чтобы все люди были «исправные и здоровые». Но Сенявин списал с своего корабля к отправке раненых и больных. Федор Федорович велел переменить матросов, но приказание его исполнено не было. У себя в доме, в присутствии офицеров, он повторил свой приказ Сенявину, но тот ответил, что других людей не пошлет.

Федор Федорович был взбешен. Поступок командира и оскорбил его и озадачил. С таким нарушением дисциплины он столкнулся впервые. Пришлось подробно написать обо всем Потемкину. Сенявин же ушел в крейсерство, так и не пожелав выполнить приказ...

Размышляя об этом, Федор Федорович все больше сдвигал брови. Им овладевали горькие мысли о молодежи, о том, что ее надо держать вó как, иначе толку от нее не добьешься. Тут он вспомнил о своем племяннике — тоже Ушакове и тоже Федоре, только что принятом на эскадру флотским учеником. «Ведь вот, — думалось ему, — борода еще не растет, а спеси хоть отбавляй, и к чарке норовит приложиться... Поддержать бы его на хлебе и воде...»

— На хлебе и воде!.. — свирепея, произнес он вслух и захлопнул журнал.

— Господин контр-адмирал! Разрешите доложить о своем прибытии!..

Федор Федорович не заметил, как вошел Сенявин.

Рослый и ладный, с темным от загара лбом, пухлыми губами и ямочкой на подбородке, он рапортовал Ушакову, уставив на него ясный и чуть насмешливый взгляд:

— Вверенный мне фрегат «Навархия» и вся команда состоят благополучны...

Федор Федорович выслушал, сжав губы и выпятив подбородок. Потом строго спросил:

— Почему не явились тотчас по прибытии в порт?

— Только ошвартовались! — сделав наивные глаза, ответил Сенявин.

— Гм... Допустим. Вы, кажется, кого-то привели с собою?

— Захвачено турецкое судно; на нем пленные и груз.

— Столкнувшись с противником не имели?

— Одно, и довольно жаркое. Взятое судно вывели из-под самых стен крепости... — Взгляд Сенявина загорелся, и он с увлечением заговорил: — Шебека стояла под прикрытием двух фрегатов. Мы врзались как раз в середину и заставили ее следовать за собой. Турки гнались за нами, но стреляли худо, боясь попасть в свое судно. Мы же лавировали и так и этак и, надо сказать, изрядно намяли им бока...

Федор Федорович усмехнулся. Он невольно залюбовался Сенявиным, но сейчас же поймал себя на этом и с прежней строгостью в голосе спросил:

— Кораблей в Анапе много?

— Только мелкие суда и фрегаты.

— Что, опять войска подвозят?

— Не заметил. А город сейчас в осаде: генерал Гудович начал штурм крепости с суши. Когда мы проходили, там гремел бой.

— Славно! — заметил Федор Федорович, по привычке потирая руки. — Анапа — узел, связующий Константинополь с кавказскими племенами. Пора его разрубить!

— Флот противника спешит на помощь Анапе, — сказал Сенявин. — О сем толкуют пленные, но я не мог допросить их как следует за плохим знанием языка.

— Это важные вести!..

Лицо Федора Федоровича окончательно прояснилось. Открытый взгляд Сенявина был ему явно приятен и напоминал взгляд племянника, которого он собирался посадить на хлеб и воду. Чувства отеческой, кровной привязанности и еще не забытой обиды боролись в душе Ушакова, и первое готово было одержать верх над вторым.

— Вы способный, храбрый офицер, — тихо сказал он. — Один из лучших моих командиров. Тем более прискорбно для меня неповиновение ваше. Вы знаете, что я имею в виду?

Сенявин опустил голову.

— Подумайте! — продолжал Федор Федорович. —

Какой я буду начальник флота и что смогу исполнить, если мои подчиненные осмеливаются так меня оскорблять?

Сенявин еще ниже опустил голову. Потом быстро вскинул ее. Подбородок его дрожал, в глазах стояли слезы.

— Федор Федорович! — воскликнул он. — Да ведь я... Сгоряча у меня это!.. И притом я о своем корабле старался!..

— А о флоте не думали...

— Ну куда мне хворые матросы?! Что с ними делать?!

— Для хворых есть госпиталь. Но не будем о сем рассуждать!.. — И Федор Федорович взял круче: — Я был вынужден довести обо всем до сведения его светлости и просить вашего примерного наказания.

Сенявин вспыхнул.

— Что ж! — отрывисто заговорил он. — Наказывайте!.. Впрочем, его светлость, может, и не найдет меня виновным... — Он помолчал и затем быстро добавил: — Прикажете ввести пленных? Они тут.

— Пожалуй, — сухо ответил Федор Федорович.

Сенявин, придерживая шпагу, рванулся к порогу.

— Пленных к адмиралу! — крикнул он в коридор, с сердцем распахивая дверь.

Карaulьный матрос ввел пленных с захваченной шебеки. Их было двое: шкипер, плечистый, кривоносый турок с толстыми, будто из черного сукна, бровями, и старый боцман-грек, припадавший на одну ногу, заросший до глаз рыжей курчавой бородой.

Грек с любопытством оглядывался, вертясь и шаркая по полу рваными постолáми. Турок же как вошел, так и замер, увидев перед собой русского адмирала — грозного Ушак-пашу.

— Мичман Метакса! Учините допрос! — приказал Федор Федорович.

Мичман заговорил по-турецки: спросил у шкипера его имя, как называется судно, и быстро все записал.

— Узнайте, зачем он ходил в Анапу и какой у него груз, — сказал Федор Федорович.

— Шкипер говорит, — перевел Метакса, — что шел из Стамбула к Самсуну, а в Анапе очутился за против-

ным ветром. С собой же имеет красное вино в бочках, бумажные нитки, одеяла и крошенный табак.

Тут пленный боцман закрутил головой, замахал руками и стал выкрикивать что-то по-гречески и по-турецки. Метакса с озабоченным видом выслушал его и доложил:

— По словам пленного, шкипер показал ложно. В Анапу послаң он с тайною целью — для доставки денег предводителю немирных чеченцев Мансуру... Боцман — архипелажский грек. На турецкое судно попал неволею. Семью его вырезали янычары, а ему самому повредили ногу. Молит, чтобы разрешили ему у нас служить.

Турок понуро слушал русскую речь, понимая, что попал в беду, из которой трудно вылезть. Голова его была замотана пестрой тряпкой, шаровары — в грубых, разноцветных заплатах, но при всей этой пиратской внешности он имел жалкий, растерянный вид.

— Растолкуйте пленному, — сказал Федор Федорович, — что за пирательство весьма отягчит его участь... Что известно ему о намерениях капитана-паши?

— В Буюк-дерé¹, — глухо ответил турок, — я видел сорок военных судов. Они готовились итти в Трапезонт, а оттуда — к Анапе.

— Сколько было кораблей и сколько фрегатов?

Турок пожал плечами:

— Я не считал...

Но грек снова замотал головой и заговорил с такой быстротою, что Метакса поморщился, сиюсь не пропустить что-либо из его слов.

— Турецкий флот, — перевел он, — усилен эскадрами алжирцев, тунисцев, трипольцев и дульциниотов². Начальствует ими знаменитый алжирский паша Саид-Али...

— Корсарские эскадры?! — насторожился Федор Федорович. — Какое же имеют они назначение?

Метакса перевел вопрос боцману и, получив ответ, пояснил:

— Не считая себя способными устоять против нашей

¹ Б у ю к - д е р é — загородный иностранный квартал в Константинополе, на европейском берегу Босфора; место стоянки султанского флота.

² Д у л ь ц и н и о т ы — мореходы Албанского побережья.

артиллерии, турки решили действовать абордажками и приготовили для сего пиратскую эскадру с великим числом людей.

— Что скажет по этому поводу шкипер?

— Он добавляет, что Саид-Али поклялся султану посадить русского адмирала в клетку и привезти в Стамбул.

Федор Федорович засопел и процедил сквозь зубы:

— Спросите, верят ли этому турки.

— Турки, — уклончиво ответил шкипер, — большей частью желают мира, хотя и готовятся к войне.

— Для чего же они готовятся?

— Хотят попробовать своего счастья, — со вздохом произнес турок.

— Ну, пусть попробуют!.. — сказал Федор Федорович. — Прекратите допрос, мичман! Боцмана, — приказал он Сенявину, — приглядысь к нему, зачислить на службу, а сейчас обласкать его — он сие заслужил...

Когда пленных вывели, Ушаков встал и прошелся по канцелярии.

— Известия весьма нам полезны, — сказал он с довольным видом. — Намерения противника мы упредим!.. Мичман Метакса! Заготовьте приказ об укомплектовании флота войсками, а именно — солдатами Севастопольского пехотного полка. Они люди отборные, отлично практикованные; ежели абордаж и случится, отпор дадут славный... Дмитрий Андреевич, — обратился он к Доможирову, — изволь выдать им морской провиант.

Он подошел к окну, поглядел вдаль, где белели паруса эскадры, и проговорил, в сущности ни к кому не обращаясь:

— Голландский адмирал Ван-Тромп носил на грот-мачте своего корабля метлу в знак того, что очистит море от неприятеля. Украшать метлою свой корабль не намереваюсь, но клятвенно обещаю обезопасить русские воды и берега!.. Саид-Али — корсар знаменитый. Однако раньше времени хвалиться не следует; сему в истории много примеров. Так что кто кого в клетку посадит, сказать вперед мудрено!..

Турецкий флот опоздал к Анапе. 25 июня Гудович взял ее штурмом, захватив анапского пашу и предводителя горцев — «шейха» Мансура. Узнав об этом, турки бежали также из Суджук-Кале¹.

Спустя два дня русские нанесли последний удар противнику на Дунае. Армия под начальством Репнина разбила турецкие войска при Мачине, после чего в Галаце открылись мирные переговоры. Турция просила мира, и Репнин был готов пойти на уступки, лишь бы скрепить договор до приезда Потемкина и вырвать у него честь окончания войны.

Но турки не торопились и, по своему обыкновению, затягивали время. Они считали, что для них не все еще потеряно, пока цела их последняя опора — сильный султанский флот.

А он держался у крымских берегов, готовясь высадить десанты либо нанести удар русским военно-морским силам и этим совершенно изменить условия, которые Порте предстояло подписать.

10 июля с севастопольских высот Ушаков заметил турецкую эскадру. Через несколько часов он уже снялся с якоря и, выйдя на рейд, взял курс к мысу Айя.

Пройдя его на другой день, он увидел турок во главе с капудан-пашою и Саид-Али Алжирским. Красный флаг с полумесяцем развевался на флагманском корабле корсара. Всего таких флагов было девять. Девять пиратских адмиралов должны были возвратить Порте военное счастье, истребив русокий флот.

Турки находились на ветре и шли навстречу под всеми парусами. Их передовая эскадра отделилась, намереваясь кинуться на абордаж.

Но Ушаков искусным маневром уклонился от боя, не желая принять его, будучи под ветром. Когда же ветер переменился и русские корабли построились для атаки, турки стали уходить.

Ушаков погнался за ними и преследовал их в течение четырех суток. Он несколько раз начинал спускаться на неприятеля, но турки не дали себя атаковать.

¹ Суджук-Кале — позднее Новороссийск.

Упорно уклоняясь, они уходили все дальше, к Варне, и наконец вовсе скрылись из виду. К этому времени некоторые русские суда отстали, у других же из-за крепкого ветра и зыби обнаружились повреждения. Пришлось возвратиться в Севастополь и стать на ремонт.

29 июля 1791 года Ушаков снова вышел в море. Имея семь кораблей, одиннадцать фрегатов, двадцать небольших судов и один брандер, он направился в сторону Варны с твердым намерением обнаружить противника и уже не выпустить его из рук.

* * *

Флаг контр-адмирала нес корабль «Рождество Христово». На его батарейных палубах стояли восемьдесят четыре пушки, и он считался лучшим в эскадре ходяком.

Вторым по рангу был «Иоанн Предтеча» — о семидесяти четырех пушках, переделанный из призового турецкого «Мелеки-Бахра». Остальные пять кораблей имели по шестьдесят шесть орудий. Это было немного против армады, которую собрал капудан-паша.

31 июля утром показался в дымке румелийский¹ берег. Определившись, Ушаков узнал, что находится недалеко от Варны. Вскоре обозначились очертания мыса Калиакрии. Турки возвели на нем батареи, защищавшие бухту, удобную для стоянки флота. Это было одно из обычных убежищ неприятельских эскадр.

Русские корабли в походном строю трех колонн взяли курс к берегу. В час пополудни показалась белая маячная башня Калиакрии, и Ушаков посмотрел в подзорную трубу.

Лес мачт покрывал широкое пространство бухты. Противник стоял на якоре в полном сборе и силе: капудан-паша Гуссейн, Саид-Али и его алжирцы, тунисцы, триполийцы...

Порыв ветра коснулся лица Ушакова. Ветер был северный, береговой.

План созрел мгновенно.

Год назад, под Анапой, обнаружив турецкую эскад-

¹ Румелийский. — Румелией называлась в XVIII веке восточная часть Болгарии.

ру, Ушаков предпринял было такой маневр, но ему помешало мелководье. Здесь же, у Калиакрии, была достаточная глубина для его кораблей.

Не тратя времени на перестройку — чтобы обеспечить быстроту и внезапность, — Федор Федорович приказал эскадре в том же походном порядке идти к берегу, отрезая от него вражеский флот.

А он уже виден был невооруженным глазом. Уже различалась серая полоска берега с живой кромкой прибоя и толпящимися повсюду турками — экипажи противника были почему-то спущены с судов.

Командир «Рождества Христова» капитан 2-го ранга Ельчанинов подошел к Федору Федоровичу:

— У турок сегодня праздник — рамазан-байрам. Едва ли у них будет охота сражаться.

Ушаков развел руками:

— Ничем не могу помочь. Им придется сражаться или бежать.

— Ветер дует с берега, — помолчав, произнес Ельчанинов.

— Как видите.

— А мы идем под батареи.

— Правильно.

— Стало быть, идем добывать ветер?

— Стало быть, так, — сказал Ушаков.

Было три часа дня. Турки поняли грозившую им опасность.

Русский флот приближался под всеми парусами, без малейшего колебания, в густом строю трех походных колонн.

Короткие тупые удары сотрясли воздух — батареи Калиакрии открыли огонь по эскадре.

Но Ушаков, миновав линию, на которой располагались суда противника, устремился между берегом и неприятельским флотом.

Пройдя под выстрелами батарей, он выиграл ветер и, отрезав турок от берега, получил возможность их атаковать.

Бывшие на суше матросы кинулись к шлюпкам, спеша попасть на свои корабли и фрегаты. Смятение охватило турецких капитанов. Думая лишь об одном — как

бы уйти с попутным ветром в море, — они рубили якорные канаты и второпях ставили паруса.

Восемнадцать больших кораблей, семнадцать фрегатов и сорок три мелких судна теснились в беспорядке: Два корабля сошлись с треском и скрипом: на одном свалилась бизань-мачта, на другом переломился бушприт.

В то же время множество сигналов появилось на всех брам-стенгах у турецких адмиралов, и последовали пушечные выстрелы с их кораблей; они означали строжайший выговор и требование восстановить порядок. Но сделать это было трудно: Ушаков уже спускался на турок, оказавшихся в невыгодном, подветренном, положении, принуждая их принять бой.

Капудан-паша, бежав с эскадрой под ветер и не зная, что делать, строил линию то на левый галс, то на правый. Видя его замешательство и стремясь, как всегда, нанести удар флагману, Ушаков пошел на него со своими тремя колоннами. Тогда руководство боем у турок взял в свои руки Саид-Али.

Уйдя вперед с отдельной эскадрой и выстроив ее на левом галсе, он увлек за собой остальные суда, в том числе и капудан-пашу.

Турецкий флот растянулся волнистой линией, но это был уже некоторый боевой порядок.

Ушаков также построился параллельно противнику и приказал атаковать его «с самой возможной быстротой».

Между тем Саид-Али, шедший в авангарде неприятельской линии, отделился. С двумя кораблями и двумя фрегатами он уходил все дальше, стремясь выиграть ветер и, обогнав головные суда русского флота, поставить их в два огня.

Ушаков разгадал маневр и решил лично сразиться с алжирским пашою. Он вышел из линии и пустился в погоню, обгоняя передовые свои корабли.

По его сигналу, весь русский строй сомкнулся и последовал за своим адмиралом.

Впереди Ушакова выходили на ветер четыре корсарских судна под красными флагами. Но «Рождество Христово» был отличный ходок. Расстояние между ним и алжирским флагманом быстро уменьшалось. Ушаков настиг Саид-Али, обошел его с носа и загородил ему

дорогу. И тотчас, в упор, с расстояния полукабельтова, грянул борт русского корабля.

Начав поединок, Ушаков сделал сигнал своим командирам: «Подойти на самую ближнюю дистанцию и атаковать соответствующие суда!»

Хорошо понимая, какое значение имеет Саид-Али для турецкой эскадры, он напал на судно корсарского флагмана, громя его непрерывным огнем.

Опромный корабль замер, утратив осмысленную живость движений, колыхая над морем громаду своих парусов. Атакованный с носа, он мог отвечать только из носовых орудий, в то время как против него действовал целый корабельный борт.

Алжирцы — те, что были предназначены для абордажей — толпились на деках, ища спасения от русской картечи и ядер. Они криком своим заглушали слова команды и мешали действию батарей.

И тут с «Рождества Христова» увидели: на верхнем рее фок-мачты алжирского корабля появился матрос. Он держал в руке молоток и колотил им по флагштоку. Это Саид-Али приказал прибить флаг гвоздями, чтобы команда не могла его спустить.

Ошеломляя противника быстротой, Ушаков двинулся с места, подошел под корму алжирца и дал продольный залп. Золоченая корма рассыпалась вдребезги, как стеклянная; бизань-мачта рухнула со всеми парусами; полетела в воду фор-бом-брам-стенга и с нею — прибитый гвоздями флаг.

Верхняя палуба корабля была хорошо видна Ушакову. По ней ползали раненые; ее затягивало дымом, и матросы метались по ней, сбивая комендоров с ног.

— «Капудание»! — сказал Ельчанинов, глядя на вражеское судно, и обратился к Федору Федоровичу: — Это самый лучший корабль неприятельской эскадры.

— Наименование несчастливое, — ответил Ушаков сквозь зубы. — Один «Капудание» уже истреблен мною в минувшем году.

— Ваше превосходительство! Поглядите!.. — воскликнул Ельчанинов, указывая на корабль противника.

Высокий смуглый человек в белом тюрбане и шелковой яркой одежде появился на юте «Капудание». Лицо

его было искажено страхом; одной рукой он сжимал саблю, в другой держал пистолет.

Это был корсарский адмирал Саид-Али, поклявшийся султану привезти Ушак-пашу в клетке.

Лицо и шея Федора Федоровича стали багровыми.

— Саид, бездельник! — прокричал он изо всей силы. — Я отучу тебя давать такие обещания!.. — и погрозил кулаком.

Уже заряжали орудия, сыпали на затравки порох — «Рождество Христово» готовился к новому залпу. Но избитый, исковерканный «Калудание» уклонился под ветер и спасся от нового удара; два алжирских корабля, шедших следом, заслонили его.

Первый из них был под вице-адмиральским флагом; за вторым в кильватер шли два фрегата: четыре корсарских судна спешили на помощь Саид-Али.

Ушаков перенес огонь на вице-адмирала и посмотрел на море.

Весь флот его был в движении, согласном и величественном, как на маневрах. Он палил из всех — больших и малых — пушек, атакуя волнообразный турецкий строй.

Ближе всех к противнику был арьергард под командой Пустошкина. Не так близко, но вся в молниях залпов, держалась «Навархия» Сенявина. Стремительно шел в атаку «Св. Павел», и яростно разряжала свой борт «Мария Магдалина» — ею командовал бригадир Голенкин, уже показавший себя в предыдущих боях.

Ушаков усмеялся. Он видел, как теснят его корабли турецкую линию, как она уклоняется под ветер, все больше расстраиваясь и ломаясь. Он знал, что у турок слишком мало матросов, чтобы управиться с пушками и парусами, так как часть экипажей осталась на берегу.

Но ему самому угрожала опасность: алжирский вице-адмирал, пройдя вперед, открыл по нему огонь из своих кормовых орудий; второй корабль выдвинулся у «Рождества Христова» с левого борта, а два фрегата легли против правого. Ушаков был почти окружен.

И он начал бой один с четырьмя судами. Поражая их метким прицельным огнем и не давая им развить

атаку, он сигналом приказал подойти к месту сражения трем своим кораблям.

«Иоанн Предтеча», «Александр Невский» и «Феодор Стратилат» поспешили исполнить сигнал флагмана. Когда они подошли к нему, все четыре судна противника были уже сбиты и отступали за линию, открыв алжирского пашу действию русского огня.

Ушаков ринулся в этот прорыв и врезался в середину вражеского флота, ведя огонь на оба борта, грома «Капудание» и ближайšie к нему суда.

Его маневром волновавшийся турецкий строй был окончательно нарушен и слутан, ибо русская линия к этому времени вконец стеснила и смешала неприятельские корабли.

Они укрывались один за другим, сами себя били своими выстрелами и кучей бежали под ветер. Впереди спасался бегством отряд алжирского вице-адмирала. Его преследовали «Иоанн Предтеча», «Александр Невский» и «Феодор Стратилат».

Турецкий флот был окружен. Его корабли, прорываясь, уходили на буксирах гребных шлюпок, и каждый из них подставлял русским залпам свою корму.

Картель и ядра били по ним, как по густому лесу. В дыму и сумятице турки отстреливались наудачу, а русский флот, сомкнув дистанции между судами, гнал и поражал их до самой ночной темноты.

Только случай избавил капудан-пашу от полного разгрома и плена: внезапно наступивший штиль помешал Ушакову захватить турецкие суда.

В полночь снова задул ветер, и русские возобновили погоню.

Но у турок были «скорые ноги». К утру с салингов¹ можно было разглядеть лишь верхушки парусов в стороне Босфора.

Крепкий ветер и зыбь заставили Ушакова стать на якорь у мыса Эминé.

Это произошло в тот самый день, когда верховный визирь в Галаце решился подписать предварительные условия мира. Они были не слишком тяжелы, ибо ни

¹ Салинг — вторая площадка мачты на втором ее колене (стенге); представляет собой четыре накрест связанных бруска.

та, ни другая сторона не знали еще, что турецкий флот разбит.

А он разбежался к анатолийским и румелийским берегам, рассеялся по морю. Капудан-паша, боясь гнева султана, скрылся в неизвестном направлении, и турки потом долго не могли его отыскать.

Одна лишь алжирская эскадра достигла Константинополя.

Она пришла ночью после сражения. Пушечная пальба разбудила султана: «Капудание», разбитый, с расстрелянными парусами, подавал сигналы, совсем уже затопая.

И столицу охватил страх.

Султан отправил в Галац гонца, приказывая визирю поспешить с миром. В Стамбуле ожидали появления Ушак-паши на Босфоре. И у него действительно такой план был.

Отстоявшись у мыса Эмине и выслав крейсерские суда для поисков у побережья, он быстро исправил повреждения. Потери его были невелики: семнадцать убитых и двадцать семь раненых; турки же опять, как и в предыдущем сражении, потеряли больше двух тысяч человек.

Получив от пленных известие, будто бы алжирские корабли укрылись в Варне, Ушаков решил прежде всего покончить с ними, а затем, войдя в Константинопольский пролив, истребить оставшийся турецкий флот.

8 августа Ушаков появился в виду Варны. Навстречу ему от берега отошли два судна. Но турки не бежали, а напротив — приближались, делая какие-то знаки. Подойдя к флоту, они передали Ушакову приказ русского главнокомандующего: прекратить военные действия, ибо уже подписаны мирные статьи.

* * *

Потемкин опоздал всего на сутки. Он прибыл к армии 1 августа, узнал о заключении Репниным договора и немедленно разорвал его.

Найдя условия слишком мягкими — теперь, когда спор о Черном море был решен Ушаковым, — он потребовал начать переговоры сызнова и, между прочим, за-

ставить Порту уплатить двенадцать миллионов пиастров частями в течение четырех лет.

Он считал, что с турками нужно обойтись суровей.

Переговоры возобновились. Тянулись они до конца года. Их вел канцлер Безбородко. Только 29 декабря в Яссах был заключен мир.

К России отошли земли между Днестром и Бугом, Гаджибей и Очаков. Порта целиком признала Кучук-Кайнарджийский договор и отказалась от всяких притязаний на Крым.

Дольше всего турки упорствовали в нежелании платить деньги. Но когда статья эта была наконец вписана, Безбородко разорвал бумагу и бросил ее на землю. «Государыня, — сказал он, — не нуждается в ваших деньгах!»

Жест Потемкина повторился, но это был иной жест, и окрывалось за ним совсем другое: русское правительство не хотело разорять Турцию — казна ее и так была истощена войной.

Глава X

БЛАГОПОЛУЧНЫЙ СЕВАСТОПОЛЬ

«Пусть будет хорошо обережен Севастополь».

Суворов

1

ЧЕТВЕРТЫЙ год бушевало в самом центре Европы пламя, которое взметнул восставший Париж.

Три года прошло с того дня, как парижане по камням разнесли Бастилию и приколотили к шляпам трехцветные кокарды. Весть об этом ужаснула европейских монархов и вызвала ярость Екатерины II.

Она считала, что спокойствие России зависит от благоразумия крепостников, и поучала их: «Каждый хозяин, имеющий здравый смысл, конечно, не будет чрезмерно обременять свою корову, а побережет ее, не доводя до изнурения, чтобы лучше ее доить».

Но русские помещики не собирались следовать «разумным» советам. Тень Пугачева попрежнему стояла над страной, и Екатерина, узнав о революции в Европе, приняла ряд «спасительных» мер.

Были изъяты книги русской вольной печати: пострадали издатель Новиков и драматург Княжнин; был сослан в Сибирь Радищев. Государственный ум императ-

рицы изошрялся в усилиях, каким способом покончить с Французской республикой — этой «гидрой о тысяче двухстах головах».

Узнав, что Людовик XVI подписал конституцию, Екатерина сказала: «Можно ли помогать такому королю, который сам своей пользы не понимает!»

Тем не менее она всерьез собиралась ему помогать.

Франция, намеченная ею в союзницы, стала республиканской. О союзе теперь не могло быть речи. Вдобавок приходилось вновь опасаться Турции, ибо республика, чтобы отвлечь от себя внимание России, подстрекала турок к войне.

И Екатерина составляла записки о мерах к восстановлению в Европе «порядка».

«Дело французского короля, — писала она, — есть дело всех государей... В настоящее время достаточно десяти тысяч человек, чтобы пройти Францию из конца в конец».

Но тут она ошибалась.

Австро-прусские войска попытались было это сделать и сперва потеснили республиканцев, но вскоре получили от них урок при Вальми¹. Преследуя неприятеля, французы заняли Ниццу, Савойю, Бельгию и левый берег Рейна. Их успех также оказался временным, но это была первая бесспорная победа республиканских войск.

Между тем революционные войны Франции готовы были превратиться в захватнические. Об этом поговаривали уже и друзья республики и ее враги.

Один человек в России с особым вниманием следил за событиями, угадывая за ними рождение нового военного искусства. Это был Суворов, закончивший строительные работы в Финляндии и снова назначенный на юг.

Ему было поручено укрепление всей южной границы и вверены войска Екатеринославской губернии и Таврического края. В начале 1793 года он прибыл в Херсон.

Русский посланник в Константинополе прислал ему депешу: «Один слух о бытии вашем на границах сделал, и облегчение мне в делах и великое у Порты впечатле-

¹ Сражение при Вальми (во Франции, департамент Марны) произошло 9 (20) сентября 1792 года.

ние». Но Суворов скучал в Херсоне, воюя с подрядчиками из-за поставок, трудясь над составлением крепостных планов и жалуясь на «тиранство своей судьбы».

Однако он не мог не увлечься, размышляя над проектами оборонительных мер для Херсона, Кинбурна, Севастопольского порта. Мысль сделать Севастополь сильной морской крепостью положительно захватила его.

Летом он прибыл туда, чтобы лично руководить работами. Город лежал в тучах известковой пыли. Всюду кипела стройка: Ушаков возводил дома, казармы, госпиталь, «магазины». Всеми этому Суворов должен был дать твердую защиту. Так исполнялась мысль Потемкина; но его самого уже не было в живых. Он умер внезапно, в 1791 году, на пути из Ясс в Николаев.

Место Потемкина занял недалекий Платон Зубов. Секретарь императрицы Храповицкий называл его «дуралеюшкой». Зубов сделал Мордвинова «главным командиром черноморских флотов и портов», и Ушаков, хотя и сохранивший старшинство в Адмиралтействе, попал в подчиненные к старому своему врагу.

Но Мордвинов сидел в Херсоне — это избавляло Федора Федоровича от прямых с ним столкновений. В Севастополе ему было спокойно, и он целиком отдался новому делу — стал расширять город и порт.

После Ясского мира ему пришлось побывать в Петербурге — Екатерина пожелала его увидеть. Она легко убедилась, что это человек прямодушный и строгий, отнюдь не светский и куда менее красноречивый, чем орудия его кораблей.

Впрочем, его обласкали и дали понять, что он будет повышен чином. Командиры уже поздравляли его вице-адмиралом, но указ задержался и почему-то не приходил.

Ушаков хлопотал, распоряжался, строил всё новые и новые планы. На всех бумагах он ставил теперь пометку: «Благополучный Севастополь», словно подчеркивал ею, что завоевал этому краю покой.

В его журнале командующего флотом за 1790—1791 годы стояло: «Во все оное время ни одно и малейшее судно не потеряно, и в руки неприятеля из оногo флота ни один человек не достался».

Это был славный итог, как бы служивший заветом, что так надо воевать и впредь...

С середины июля в городе стало еще суетливей. Появились большие партии каменотесов, землекопов. Дома то и дело сотрясались от взрывов — команды солдат на мысах рвали минами скалы. Федор Федорович ни разу не был еще на строительных работах и с Суворовым виделся лишь по приезде его, мельком...

В один из июльских дней к Ушакову на дом явился капитан 1-го ранга Тиздель — пожилой, «чужестранного набора» моряк, которому в начале войны жестоко не повезло.

Командуя кораблем «Мария Магдалина» во время первого выхода русской эскадры в море, он был застигнут штормом, отнесен течением к Босфору и взят в плен.

По заключении мира турки доставили Тизделя и его команду в Севастополь. Началось следствие. Вел его Ушаков.

Тиздель несколько раз просил позволения отправиться в Херсон и дать показания Мордвинову, но Федор Федорович вежливо отказывал ему в этом. Он знал, что императрица крайне недовольна Тизделем и что он, вернее всего, будет уволен. Но дело это не было решено сразу, и злополучный капитан томился второй уже год.

Он стоял перед Федором Федоровичем, согнувшийся, жалкий, и говорил, широко раскрыв водянистые, слезливые глаза:

— Я потерял корабль... попал в плен... сознаю, ваше превосходительство. Но произошло это отчасти по вине командовавшего эскадрой графа Войновича... И к тому же судно мое лишилось мачт и руля...

Федор Федорович молчал и слегка покусывал губы.

— Походатайствуйте за меня, ваше превосходительство! — униженно протянул Тиздель.

— Полагаю, что хлопоты мои будут без пользы, — сказал Федор Федорович.

— Вам ~~то~~подлинно известно?! Дело мое уже решено?!

— В бытность мою в Петербурге я слышал о беседе ее величества с ныне покойным адмиралом Грейгом...

Государыня спросила, что сделал бы он на вашем месте, находясь в подобных обстоятельствах...

— И какой же последовал ответ?

— Грейг ответствовал, что он прорвался бы через Босфор и Дарданеллы в Средиземное море и совершил бы сей путь не более как в тридцать часов.

— То было никак невозможно!

Федор Федорович пожал плечами.

— Походатайствуйте за меня! — повторил Тиздель.

— Не могу, поймите!

— Я все же прошу вас, ваше превосходительство!..

Федор Федорович нетерпеливо кашлянул и, видя, что проситель не уходит, пробежал по столу взглядом, ища какой-то предмет.

Он нашел его. Это была флейта — подруга его юности, с которой он попрежнему не расставался, хотя уже много лет на ней не играл.

Взяв ее в руки, он встал и начал ходить по комнате, делая вид, что вот-вот заиграет.

Тиздель растерянно заморгал, вздохнул и покинул кабинет...

Федор Федорович положил флейту и посмотрел через окно на море. Громовый гул взрыва прокатился над бухтой, и на Северной стороне поднялись облака пыли. Его потянуло туда — к человеку, присутствие которого в городе было для него отрадой. Он вышел из дому, приказал подать себе адмиральскую шлюпку и отправился на Северную косу.

Дул легкий бриз. У причалов стояли суда. На фрегате «Навархия» матросы красили мачты. Сенявин со шкафута наблюдал за работой, и его резкие окрики нарушали на судне тишину.

Шлюпка прошла мимо. Федор Федорович улыбнулся, вспомнив, чем окончилось его дело с Сенявиным...

Потемкин вызвал своего любимца в Яссы, лишил его звания генеральс-адъютанта, отослал шпагу его Ушакову и посадил под арест. Затем предложил ему: публично просить прощения у своего адмирала либо быть разжалованным в матросы. Отставленный адъютант вернулся в Севастополь и попросил прощения в присутствии офицеров. Федор Федорович возвратил ему шпагу, обнял и поцеловал...

Двенадцать весел, с шумом вылетая из воды, роняли сверкающие капли. Шлюпка пересекла бухту и пошла вдоль берега к оконечности мыса. Обогнув его, она влетела в небольшой заливчик и остановилась, заскрежетав килем по гальке. Федор Федорович спрыгнул на землю и осмотрелся вокруг.

Суворов сидел в тени, на камне, держа на коленях чертеж и сосредоточенно размышляя. Его ботфорты и камзол с зелеными подотняными обшлагами были покрыты серым слоем пыли, голова повязана от солнца платком.

— Друг мой, Федор Федорович!.. — воскликнул он, увидев Ушакова, и большой его рот растянулся в улыбке. Он вскочил, потряс гостя руку и усадил его рядом с собою. — Пожаловали! Вот кому чистосердечно рад!..

— Хорошо тут у вас — простор и не столь знойно, — медленно проговорил Федор Федорович.

— Да, — рассеянно ответил Суворов. — А у нас на севере сейчас яблоки поспевают. Верно, уже налились...

Они помолчали. Ушаков усмехнулся, вглядываясь в профиль скалы, развороченной взрывом.

— Громыхали вы нынче изрядно. У меня в доме всё ходуном ходило.

— Да ведь скинуть сии каменистые берега не просто, — сказал Суворов, — а по правилам морской фортификации батареи надо строить как можно ближе к горизонту воды.

— Такой огонь для судов страшен, — живо заметил Федор Федорович.

— Да вы взгляните на чертеж — я вам представлю весь замысел... — И Суворов с увлечением начал излагать свой план: — Сама природа указывает здесь на два мыса; на каждом из них будут возведены двухъярусная круглая башня и ряд орудийных казематов, смотрящих на рейд. Под защитой их корабли смогут выходить из гавани, даже блокируемой вражеской эскадрой. Две другие батареи располагаются позади первых, в глубине бухты. Но это не всё... Еще дальше, на Южной стороне, возводится пятая батарея; она будет довольно страшною; ежели отчаянный неприятель даже мимо всех перекрестных огней прорвется, он повстречает новый ряд огнедышащих жерл...

— Оборона сильная и весьма искусная, — сказал Федор Федорович, — чего порту нашему до сих пор не хватало.

— Довершаю начатое. Первые здешние укрепления ведь тоже я строил... В семьдесят осьмом году.

— Да неужто?!

— Еще тут ничего не было. Я командовал войсками в Таврическом крае. Турки внезапно вошли в бухту; я за трое суток возвел батареи, запер их флот и заставил уйти.

— Не знал, не знал! — пробормотал Федор Федорович. — Просто не слышал ничего такого!..

Глаза Суворова блеснули. На лице ожила и заиграла сеть морщин.

— Почитаю за долг свой, — сказал он, скатывая чертеж в трубку, — укрепить сие место как с моря, так и с сухого пути... На случай высадки неприятеля в херсонесских бухтах учреждаю средний стан между Инкерманом и Балаклавой. Расположу в нем пехоту, конницу, пушки, чтобы туда и сюда без замедления могли поспевать... Пусть будет хорошо обережен Севастополь! Враг здесь потеряется, ручаюсь! Так потеряется, что и костей не соберет!.. Впрочем, я не инженер, а полевой солдат, — заговорил он вдруг усталым и злым тоном. — Знают меня Суворовым, а не Вобаном¹. Мне баталия лучше, чем лопата извести и пирамида кирпичу... Для пользы отечества говорил я правду, пробуждая сонливых. Пятьдесят с лишком лет гонялся за славою — все мечты!.. С Измаила началось: от армии меня взяли, послали в Финляндию крепости строить. Кто я там был? Рак на мели! Зато флотским начальником стал... — сказал он, внезапно вновь оживляясь. — Со шхерной флотилией пришлось управляться. Хоть и гребные суда, да сто двадцать вымпелов — не шутка!..

— И как же управились? — с улыбкой спросил Ушаков.

— Брал уроки по морским наукам и даже сдал экзамен на мичмана.

— Вы и адмиралом быть могли бы.

¹ В о б а н (1633—1707) — знаменитый французский маршал и военный инженер.

— Ну нет, это трудно. Вот разве если бы у вас как следует поучился.

— Чему у меня учиться?

— Искусству поражать неприятеля на море. Я за успехами вашими давно слежу.

— Искусство мое простое, — сказал Ушаков. — Оно, как и ваше, зиждется на твердой решимости. Имею безбоязненность в нарушении общепринятых правил и действую всякий раз особым путем... «Секреты» мои?.. Их, главным образом, два: артиллерийский удар в упор, ошеломляющий совершенно противника, и маневр, всегда соображаемый с обстановкой...

— Но в том-то и есть искусство. И за это вам честь и слава!

— Не мне слава, а народу нашему, который истари сражался именно так... Киевляне на своих однопалубках не боялись огненосных греческих «дромонов»¹, хотя море вокруг них огнем горело. «Чайки» наших казаков налетали на турецкие галеры и бесподобно брали их на бордаж... У вас — штыковой бой, у меня — огонь на самой ближней дистанции... Все это, исконно русское, бесстрашное, повелось с древности. Отселе и Петрова решимость, его стремление сближаться с противником, вести бой накоротке...

Они сидели, беседуя под ровный шум наката; иногда их обдавало брызгами, и пена подбиралась к самому подножию скалы.

Валы рядами, мерно, набегали на берег — шли, как на приступ.

Федор Федорович, следя за ними, сказал:

— Мысль у меня есть... давно уже... Вот сейчас, на волны глядя, опять вспомнил. Хочу просить о пополнении флотских команд солдатами, дабы мог я, когда понадобится, высадить десант...

— Да, да! — восторженно воскликнул Суворов. — Русский солдат способен к десанту, как и ко всякому штурму, и уже не однажды себя с этой стороны показал.

— Как же! — сказал Федор Федорович. — В Северную войну на высадках в Швеции, потом в Финляндии, затем в Архипелаге и, наконец, при славном штурме

¹ Д р о м о н (от греч. «дромос» — бег) — так назывались корабли византийского флота.

Измаильском... Между прочим, желал бы я усилить команды солдатами, практикованными на взятии таких крепостей, как Очаков, Измаил...

Суворов закивал головою:

— Это для нас с вами весьма важно. Особенно если придется воевать в чужедальних краях...

— Вы что-либо имеете в виду? — насторожился Федор Федорович.

— Стар я, к непогоде поясница болит, войну изда- лека чую... Обстоятельства в Европе вам известны? Рес- публиканский корпус стеснен, да не побит. Француз воюет по-новому, прелюбопытно!.. Предвижу, что дела с ним будет много. Может, дойдет и до нас...

Чайка закачалась на волне. Суворов тихо заговорил, обращаясь не то к самому себе, не то к Ушакову:

— Морские волны бьют в берега... Чайки... Покой... С неприятелем мир заключен... О баталиях слуху нет, мне и скучно... А в ту кампанию потрудился — Фокшаны, Рымник, Измаил, — именинником был трижды. Впрочем, и на Дунае отдыхал. Там дичины пропасть: лебеди, куропатки такие жирные!.. Груши, виноград, орехи... Пили с кофеем буйвольное молоко... Синицы в избу залетали... — бормотал он все тише и тише. — Орла одного приручил, из рук у меня ел. Я к дочери своей письма орлиным пером писал...

Он умолк.

Федор Федорович медленно поднялся с камня.

— Пора мне... — сказал он. — Отдохнул я у вас и от дел своих и от огорчений.

Суворов посмотрел с участием и заботой:

— Огорчают вас?.. Где же? В Санкт-Петербурге или здесь?

— Здешние... мешаются... Да и пишут про меня всякое...

— А! Скрибусы! ¹ — резко сказал Суворов.

— Как? — переспросил Федор Федорович.

— Скрибусы, говорю, писаки досужие! Без них мир не стоит!.. Ну, не забывают меня, друг мой, приезжайте почаще.

Ушаков пожал протянутую ему сухую, твердую руку и направился к шлюпке.

¹ С к р и б у с (от лат. scriba — писец) — борзописец, писака.

Он был уже у самой воды — Суворов крикнул ему вдогонку:

— Когда кончу батареи, я выстрелю ваше здоровье!.. — и помахал в воздухе рукой.

2

Город строился летом и осенью. Зимы и вёсны уходили на ремонт судов.

Ветер раскачивал корабельные скрепы, солнце вытапливало смолу из палуб; всюду вылезала конопатка; осенними бурями рвало паруса.

Приходилось отдирать и проконопачивать обшивку, просмаливать такелаж, менять перетертые снасти. В Севастополе некогда было отдыхать.

Каждый корабль имел свою пристань, где лежала его артиллерия и находились «магазины» со всеми припасами. Против пристаней Ушаков выстроил казармы для «морских служителей» — каменные, крытые черепицей, такие чистенькие, что любо было взглянуть.

На береговой круче в Южной бухте вырос большой двухэтажный госпиталь. Обширное адмиралтейство, мастерские и склады были построены по берегам Южной и Корабельной бухт.

Средств на строительство не было почти никаких, и все делалось силами флотских экипажей. Матросы за скромную добавочную плату строили город — казенные здания и офицерские дома.

Никогда впоследствии Севастополь не рос так быстро, как в эти годы, при Ушакове. Федор Федорович проводил дороги, рыл колодцы, открывал рынки; «учредил» перевоз через бухту на вольнонаемных гребных судах.

В одной из лощин, прилегавших к рейду, он устроил сад для народного гулянья. Место это получило название Ушаковой балки.

Быстро застроилась вся гора на западной стороне бухты, а также ближайшие окрестности города, где еще при Потемкине были розданы офицерам участки под огороды и сады.

В старом доме Мекензи открылся театр. Устроителем

и директором его был Данилов. Зимой командиры проводили весело — бывали в театре, ездили на обеды друг к другу. Давал балы и Ушаков.

1793 год принес ему повышение — чин вице-адмирала. Но в обращении с людьми Федор Федорович не менялся. Десять денщиков полагалось ему теперь по штату, но он не имел ни одного.

Он был все так же прост, скромн и бескорыстен. Случалось, что город оставался без денег и работам надолго грозила остановка. Федор Федорович ссужал контору порта — давал свои личные средства и говорил при этом: «В собственных деньгах должно быть щедрым, в казенных — скупым»...

* * *

Батареи в Севастопольской бухте достраивались, но Суворов уже не наблюдал за работой. Ему поручили новое дело — укреплять гаджибеевский порт.

Николаев, как и Херсон, отстоял далеко от моря. Очаковский рейд был мелководен, и вдобавок Лиман замерзал зимою. Нужно было найти лучшее место для главного черноморского порта. И такое место нашли.

В мае 1794 года вышел указ строить в Гаджибее город, военную гавань и торговую пристань, расположив там гребной Черноморский флот.

Три недели спустя новый порт был назван Одессой. Город разбили на форштадты: Военный и Греческий, наметили сто пятнадцать кварталов и желающим строиться отвели места.

Начались работы по сооружению порта. Они велись под надзором Суворова, как и «все строения укреплений и военных заведений в той стране».

Гребной флот также был отдан под его начальство, и он зачислил в него черноморских казаков, приказав им нести службу на судах Днестровской флотилии и на своих «дубах» и челнах...

Одесса быстро наполнялась торгами и промыслами. Де-Рибас заселял ее греками, албанцами, молдаванами. И люди, томившиеся под турецким гнетом, шли туда со своим скарбом и семьями, чтобы обрести новую родину на русской земле.

Де-Рибасу не уступал Мордвинов, усиленно заселявший Николаев. Было похоже, что они бросили вызов друг другу, и вызов этот приняли их города. Оба порта росли, заселялись и украшались, становясь главными базами Черноморского флота. Мордвинов уверял, что Николаев «предрекает быть новыми Афинами», и прилагал все усилия, чтобы его слова сбылись.

Всем строительством сперва ведал Фалеев. Кременчугский купец, заслуживший себе громкий чин оберштер-кригс-комиссара, он хорошо усвоил повадки Потемкина и его буйный размах. Торватый на выдумку, он придумывал для города много полезного и в то же время не клал охулки на руку, так что люди — особенно в адмиралтейских поселениях — люто страдали от него.

Потемкин, сам не очень-то щадивший мастеровых, за год до смерти писал ему:

«...Скажу о числе умерших, которых не могло бы больше и в чуму пропасть. Что прибыли доставать людей, ежели их морят, как нарочно».

Фалеев не намного пережил Потемкина — он заболел и в 1792 году умер. Мордвинов продолжил все его начинания, преуспев в этом больше, чем в делах флотских. На суше он был молодец.

Он разводил сады и корабельные леса, стремясь насадить вокруг Николаева миллион деревьев.

Прослышав о том, что на Дону открыли каменный уголь, он отправился в Донецкий уезд, испытал новое топливо и заготовил его для адмиралтейства.

В окрестных селениях были устроены пороховые мельницы; на бугских порогах поставлены водяные колеса для оружейного завода и кузнечных работ.

Но Мордвинов отнюдь не забывал флота и даже пытался вводить в нем новинки: по его приказу, в Херсоне строились два «новоманерных» судна. Они имели сплошной верхний дек, то-есть шканцы и бак у них соединялись палубой.

По окончании постройки кораблям этим предстояло следовать в Севастополь, и там их должен был «апробовать» Ушаков.

Зимой 1796 года в Крыму узнали о смерти Екатерины.

Новый император начал приводить крепостных к присяге, чего раньше никогда еще не бывало. Волна крестьянских восстаний прошла по России: крепостные решили, что их переводят «в казну», и стали восставать против господ.

С ними быстро расправились. В Севском уезде было убито семьдесят крестьян графа Апраксина; их зарыли в общей могиле, и на ней поставили столб с надписью: «Тут лежат преступники против бога, государя и помещика, справедливо наказанные мечом».

С воцарением Павла ничего не изменилось во флоте; лишь офицеры сменили белые мундиры на зеленые и украсили их серебряными темляками да Севастополь приказано было именовать попрежнему: Ахтиар.

Павел объявил, что он сохраняет за собой звание генерал-адмирала и переводит в Петербург — «поближе к себе» — находящийся в Кронштадте Морской корпус.

Вскоре, по его повелению, был издан новый морской устав.

Ушаков получил указ, предписывающий учредить в Севастополе офицерские «классы» и проходить в них тактику, навигацию и другие морские науки.

В остальном жизнь его протекала по-старому: он строил город и обучал экипажи, время от времени выходя с эскадрой на рейд...

Ушаковская школа была «толковой». В ней учили так, чтобы «всякий человек знал свою должность и место», как предписывал это петровский устав.

Учили настойчиво.

Федор Федорович «для моциону» посылал матросов бегом через салинг — заставлял привыкать к «скорому беганью» по снастям.

Командирам он говорил:

— Отдачу и прибавку парусов делать с отменною скоростью и сие повторять многократно, пока люди совершенно приучены будут. Исполнять всякую команду разом, словом сказать — мгновенно, дабы приучить людей к скорому и красивому управлению каждого дела!..

И приучал.

От своих флагманов и командиров он требовал разумных, согласованных действий и объявлял в приказах по эскадре:

«Краса исполнения эволюции в том, когда весь флот в различном движении и всякий спешит исполнить ему должное...»

И вся эскадра — от флагмана до марсового — стремилась исполнить адмиральский приказ.

* * *

В начале мая вышли на рейд. Пять кораблей и два фрегата отправились в учебное плавание. Ушаков должен был испытать ход и остойчивость новых судов.

Среди них были два мордвиновских — «Захария-Елисавет» и корабль № 1, еще не имевший названия; оба — со сплошными верхними деками. Вице-адмирал поднял свой флаг на 84-пушечном, тоже безыменном еще корабле¹.

1 июня вступили под паруса и пошли в юго-восточном направлении. Идя в шахматном порядке, левым галсом, под равными парусами, испытывали ход кораблей.

Было замечено, что флагманское судно и судно № 1 имеют одинаковый ход, а «Захария-Елисавет» отстал на полтора кабельтова.

4 июня снова делали пробы при разных курсах и занимались пушечной и ружейной пальбой.

После двухнедельного плавания Ушаков пришел к мысли, что мордвиновские суда вálки, и отправился на корабль «Захария-Елисавет», чтобы лично сделать опыт.

Пушки нижнего дека были выдвинуты на обе стороны; матросы заняли у подветренных орудий свои места. Ветер был свежий. Ушаков приказал распустить фок и брамсели². «Захария-Елисавет» тотчас накренился так,

¹ После испытания был назван «Св. Павлом» — так же, как и построенный в 1784 году корабль № 4.

² Фок — нижний парус на фок-мачте. Брамсель — парус третьего снизу яруса парусности.

что стало почти невозможно действовать пушками; порты нижнего дека оказались от воды не более как на два фута, и всплеск зыби с подветренной стороны почти захлестывал порт.

Потом Ушаков приказал всем судам делать против ветра повороты. Его флагманский корабль сделал в пятьдесят пять минут восемь поворотов, а «новоманерные» суда — только три.

Он нашел, что они не так слушаются руля, как следовало бы, и что в этом никак нельзя винить экипажи. Но некоторые командиры считали, что суда хороши...

Эскадра оставалась в море до конца июля, проводя ученье с пушками и парусами.

Стрельба велась примерная (боевая) и «одними вспышками» (холостыми зарядами).

Ушаков давал поворачивать корабли мичманам и гардемаринам, всякий раз объявляя, что не будет ждать исполнения сигнала долее пяти минут...

1 августа эскадра пошла в гавань. Федор Федорович возвращался, полный скверных предчувствий, предвидя неизбежную ссору с Мордвиновым из-за новых судов.

Он старался не высказывать о них своего мнения, но когда его спрашивали об этом, отвечал нехотя:

— Нахожу суда валькими, уверенности в них не имею. А пословица молвится: не верь морю — верь кораблю...

4

Екатерина II еще в 1791 году писала в Париж барону Гримму¹:

«Злодеи захватили власть и превратят скоро Францию в Галлию времен Цезаря. Но Цезарь их усмирил. Когда же придет Цезарь? О, он придет, не сомневайтесь, он появится!..»

А «цезарь» уже находился в пути.

Артиллерийский поручик, он ровно через год после «пророчества» Екатерины стал капитаном; в следующем году уже был подполковником; еще через год — бригадным генералом. Служба в войсках республики быстро выдвигала людей.

¹ Гримм Ф. М. (1723—1807) — известный публицист и дипломат; состоял в переписке с Екатериной II.

Скромный офицер Наполеон Бонапарт, у которого не нашлось денег заплатить за подарок, преподнесенный русскому лейтенанту, сделал за девять лет блестящую карьеру: он был уже главнокомандующим Южной армией, сражавшейся на итальянской земле.

К 1795 году французские войска добились больших успехов. Союзники стали быстро выходить из войны. Первой сделала это Пруссия. Потом генерал Пишегрю занял Голландию, и она была провозглашена Батавской республикой. Заключила мир с Францией Испания — и не просто мир, а союз.

Республика побеждала страны и области и устанавливала в них новый строй. В то же время, с приходом к власти во Франции крупной буржуазии¹, страна вступила на путь захватов. У Голландии она отняла ряд городов, целиком отрезала себе Фландрию. Бельгия и левый берег Рейна также были присоединены.

Лишь на юге борьба велась без успеха. Австрия, стремясь к господству в Италии, вводила в дело все новые силы. Они уже начали теснить французов, но весной 1796 года во главе Южной армии стал Бонапарт.

В несколько дней он покончил с Пьемонтом, за месяц дважды разбил австрийцев, вступил в Милан, заставил Неаполь заключить мир.

Французская армия еще несла на штыках своих отблеск свободы, и ей сдавались один за другим города Италии. Но Бонапарт брал с этих городов контрибуции, увозил во Францию картинные галереи, монументы, золото, сокровища древних итальянских церквей.

Из Болоньи, Феррары и герцогства Модены он образовал Цизальпинскую республику. К началу следующего года закончил завоевание Ломбардии. Войска противника были разбиты. Австрия готовилась сложить оружие, и Англии грозило остаться одной.

Ей грозило также другое: огонь перекидывался на острова — революция стояла у дверей Британии; в Портсмуте, Плимуте и других гаванях вспыхнуло восстание на военных судах.

Появилась английская «пловучая республика». В Лондоне ждали, что народ поднимется вдоль всей

¹ 9 термидора (27 июля) 1794 года.

Темзы. А восставшие настаивали на своих требованиях, и корабли их блокировали Лондонский порт.

Между тем сухопутный триумф Бонапарта приближал время, когда море должно было стать ареной решающих битв.

Армии Англия не имела. Ей, как никогда, нужна была морская победа; надо было одержать успех над противником, чтобы вернуть своему флоту силу, которую он утратил много лет назад.

Английский флот состоял из восьмидесяти восьми кораблей, и на нем служило больше ста тысяч матросов. Но осторожные инструкции Адмиралтейства сковывали намертво эту боевую мощь.

Книга Клерка о новой тактике, призывавшая к решительным действиям на море, стала еще чаще попадаться на глаза английским адмиралам. Пока правительство подавляло восстание и наводило во флоте порядок, они все больше убеждались, что Клерк прав...

3 (14) февраля 1797 года адмирал Джервис встретил у мыса Сан-Висенте испанский флот. Англичане прорезали неприятельский строй и отсекали от него отряд адмирала Кордова. Благодаря своему командору Нельсону, действовавшему также против принятых правил, Джервис разгромил испанский арьергард, поставив его между двух огней.

Начало было положено. О победе заговорили во всем мире. Но до того заостренела незыблемость правил, что победителю пришлось представлять оправдания.

«Считая, что слава его величества и обстановка, — писал Джервис в донесении Адмиралтейству, — оправдывают меня в отступлении от регулярной системы, я прорезал флот, бывший в линии, выстроенной с крайней поспешностью.

Растянутый и раздробленный, он был обстрелян по частям».

«Благополучный Севастополь» не остался в стороне от событий. Командиры судов живо обсуждали новости, а Федор Федорович, получив из Петербурга описание

боя у Сан-Висенте, в течение нескольких дней разбираал его в офицерском кругу...

В самом конце осени давнишний друг напомнил о себе Ушакову.

— Семен Афанасьевич прибыли! — доложил Федор, против обыкновения своего улыбаясь.

— Кто?! — переспросил Федор Федорович.

— Семен Афанасьевич... капитан Пустошкин... — И Федор широко распахнул дверь в кабинет.

Федор Федорович поднялся навстречу гостю. Они расцеловались.

Пустошкин, слегка пополнившийся, но все такой же подтянутый и румяный, стоял, опираясь на камышовую трость.

Он с минуту молчал, вглядываясь в лицо Ушакова, затем медленно опустился в кресло и положил трость на стол.

— Назначен капитаном над Севастопольским портом, — сказал он. — Благоволите принять под свое начальство.

— Бесподобно! — воскликнул Федор Федорович. — Поздравляю и весьма рад!.. Давно не видались... — произнес он, смотря на гостя задумчивым взглядом. — А кажется — вчера это было: Днепр... Войнович... чума в Херсоне... постройка первых судов...

— Десять лет! — отозвался Пустошкин. — Срок не малый! Да ничего из меня толком не вышло... А вот вы — герой.

— Ну, какой я герой! И для чего вы так о себе говорите?

— Да судите сами!.. Помните беседы наши?.. Вы тогда о новой тактике рассуждали, а я, слушая вас, тоже ведь подвиг совершить мечтал... Ну, а жизнь в другую сторону повернула. В боевых кампаниях почти не участвовал. Пришлось в Херсоне канатную фабрику ставить да на Камских заводах делать для флота железные части и якоря.

— Сожалеть вам о том не следует. Якоря и канаты благодаря вам отменно хороши стали. И за границею покупать не надо.

— Так, разумеется, Федор Федорович. Да не того я хотел...

— Что вам на сие сказать?.. — Ушаков задумался, потом выдернул из-под слуда бумаг на столе тонкую, похожую на тетрадь книжечку и показал заглавный лист Пустошкину: — С Морского корпуса храню... «Слово похвальное Петру Великому», сочинение Михайлы Ломоносова. — Он перелистал несколько страниц и прочел: — «Похвалялись некогда соседи наши, что Россия, государство великое, ни военного дела, ни купечества без их спомоществования производить не может... Исчезло сие нареkanie от просвещения Петрова: отверсты внутренности гор сильною и трудолюбивою его рукою. Проливаются из них металлы и не токмо внутрь отечества распростираются, но и внешним соседям отдаются. Обращает мужественное Российское воинство против неприятеля оружие, приуготованное из гор Российских Российскими руками...» Вот и ответ вам, Семен Афанасьевич. Видите, сколь полезными должно считать ваши труды?

Но Пустошкин молчал, и Федор Федорович добавил:

— А что касается подвига, то, право, еще ничего не известно. Может, и доведется вам совершить его. Время у вас впереди... Кампания, того и гляди, откроется: французы турок к сему так и толкают. А их генерал Бонапарт слышали что делает? Италию занял, австрийцев разбил бесподобно!..

— Я знавал его еще офицером, — заметил Пустошкин. — В Тулоне встречались... Он мне на память вот эту трость подарил.

Федор Федорович взял лежавшую с краю стола трость, рассеянно оглядел ее и отложил, как вещь, не стоящую внимания.

— Суворов, — сказал он, — еще четыре года назад говорил мне, что дела с французом будет много; может, дойдет и до нас... Так-то, Семен Афанасьевич! — проговорил он с улыбкой. — Стало быть, опять вместе служим... Вы сейчас из Николаева?

— Оттуда... Вам от Мордвинова письмо привез.

И Пустошкин протянул Ушакову конверт с большой синей печатью Адмиралтейского правления. Но Федор Федорович не торопился. Он поставил конверт перед собою, прислонив его к чернильнице, и сказал нахмурясь:

— Читать не хочется. Не жду добра...

— Не ладите с ним попрежнему?

— Хуже прежнего. Теперь он еще эти новые суда строить затеял. Выдумка-то не его; сделаны они на манер кораблей, посылаемых из Англии в Вест-Индию. С виду хороши, а остойчивость невелика. Вот и спорит со мной. Сюда приезжал, корабли испытывал при тихой погоде. А сие надо делать при свежем ветре, поставив все паруса.

— Толков об этом в Николаеве много, — сказал Пустошкин.

— Да, полагаю, немало... Но дело ведь не в судах — сие надо понимать шире: Мордвинов меня вообще в грош не ставит, искусству моему не верит! Для чего же я должен верить ему?!

Он машинально потянулся к конверту и стал надрывать его.

Пустошкин сказал:

— Что вам, Федор Федорович, до Мордвинова?.. Свобода морская водворена, флот наш и купеческие суда ходят по морям свободно. Вами сие достигнуто, искусством вашим. Чего вам еще?

Ушаков покачал головой:

— Заслуга нашего флота — новый образ его действий — скрывается от всего света! Вот что обидно!.. Мордвинов — главный начальник, ему надлежит блюсти нашу славу, а он замалчивает, поступая, как турки, коих я четырежды разбивал!..

Он надорвал конверт. К письму был приложен план какого-то морского сражения с черными и белыми ядрышками, изображающими расположение кораблей.

— Ну вот! — сказал он читая. — Так и есть! То самое, о чем сейчас говорил вам... — И он, просмотрев план и приложенную к нему реляцию, придавил их к столу тяжелой своей рукой.

— Что же вам пишут? — спросил Пустошкин.

— Англичане одержали новую морскую победу — разбили голландцев в сражении при Текселе... Адмирал Дункан¹ двумя колоннами прорезал их строй... Мне предписывается, — он заглянул в письмо, — «план пока-

¹ Дункан Адам (1731—1804) — английский адмирал.

занного маневра с нужным к нему описанием предложить в конференцию морской тактики», то-есть разоб-
брать в заведенных здесь офицерских классах... О сем пишет Мордвинову состоящий при его величестве гене-
рал-адъютант Кушелев, а Мордвинов препровождает
для исполнения мне... — Федор Федорович постучал по
письму и реляции пальцем: — Поминаются тут успехи
английского флота у острова Доминика и при Сан-
Висенте и в назидание адмиралам пишется так: «Сии
презнаменитые победы, выигранные противу обыкновен-
ной и стародавней морской тактики, доказали, что изоб-
ретенная лордом Роднеем есть наилучшая...» Но слав-
ный сей адмирал ничего не изобрел! Не он прорезал
противника, а его флаг-капитан Дуглас!.. Однако маневр
приобрел в Англии славу. А когда я в Еникальском про-
ливе изобрел резерв и еще кое на что осмелился,
надо мной в Херсоне смеялись! — И Федор Федорович
встал, стукнув по столу кулаком.

Пустошкин впервые видел таким Ушакова: лицо его
в гневе сделалось почти страшным — точь-в-точь как в
тот раз, когда он толковал командирам французскую
тактику — кушелевский перевод.

— Сан-Висентский бой, — с силой сказал он, — и
сражение у Тексея поучительны, любопытны! Особенно
первый, где, пожалуй, не Джервис, а капитан-командор
Нельсон выиграл битву, упредив неприятельский маневр.

Тут Федор Федорович с увлечением заговорил о по-
дробностях боя, то и дело вставляя свое любимое слов-
цо «бесподобно». Казалось, он уже вовсе забыл о своей
обиде, но вспомнил о ней и с горечью произнес:

— Я не против заморского. Да ведь есть у меня
свое, своим умом добытое!.. Я английским адмиралам
ничего не должен и против них со своим искусством не
опоздал. Чем же их тактика наилучшая? Разве тем, что
она — не русская?! Так уж у нас ведется: своего не ви-
дим, не ценим — чужому хвалу поем!..

6

В последний год жизни Екатерины велись пригото-
вления к войне с Францией. Уже был заключен договор
с Англией, и туда отправилась вспомогательная русская

эскадра. Суворов, удостоенный наконец жезла фельд-маршала, принял командование Новороссийской армией и, находясь в ее штаб-квартире — Тульчине, усиленно обучал войска.

Там, в строевых занятиях, в работе над войсками тульчинского сбора, окончательно сложилась его система военного воспитания — великая «наука побеждать».

Но Павел, вступив на престол, отменил французский поход, отозвал из английских вод русскую эскадру и объявил, что Россия должна отдохнуть от непрерывных войн Екатерины. Заодно он отменил и суворовское военное искусство, начав перестраивать армию на прусский образец.

В истории России это происходило вторично. Петр III уже однажды стеснил войска пагубной немецкой муштрой. Теперь его сын возрождал эту муштру, косы, букли, власть кабинетных диспозиций — всё, что убивало вольный воинский дух.

Суворов понимал дисциплину как «милую солдатскую строгость», а за нею мыслилось ему «общее братство». Он резко отзывался о «пруссских затеях» Павла и считал их великим злом.

Он видел беспощадную ломку армии, достигшей в предыдущее царствование небывалых успехов, и упорно сопротивлялся новым уставам.

Павел писал ему: «Приводи своих в мой порядок, пожалуй».

Но Суворов держался своего порядка; изменить! ему он не мог.

Он и сам был стеснен — лишен штаба и многих привилегий ему прав главнокомандующего. 11 января 1797 года он записал в своем дневнике:

«Сколь строго, государь, ты меня наказал за 55-летнюю прослужу. Казнен я тобою штабом, властью производства, властью увольнения от службы, властью отпуска, знаменем с музыкою при личном карауле, властью переводов. Оставил ты мне, государь, только власть указа 1762 г.»¹.

¹ Подразумевается манифест 18 февраля 1762 года о «вольности дворянству».

И в тот же день обратился к царю с просьбою уволить его «на сей текущий год».

Ему было отказано.

Затем последовали два предостерегающих рескрипта и выговор в приказе по армии.

Суворов подал прошение об отставке.

6 февраля он был отставлен и сослан в Боровицкий уезд, в село Кончанское, где за ним учредили надзор.

Лишенный друзей, отрезанный от внешнего мира, провел он около года в Кончанском. Потом Павел попытался протянуть ему руку и вызвал его в Петербург.

Но примирения не состоялось. Суворов попрежнему осмеивал новые порядки и на первом же разводе караулов выкинул штуку: уехал, не дождавшись конца (несмотря на присутствие императора), громко сказав: «У меня брюхо болит...»

У него душа болела. За армию, за новое русское военное искусство. И его горечь усиливалась от сознания, что новое в это время рождалось на Западе, а Россия должна была отставать.

Он проводил часы за чтением иностранных газет и журналов. В столице и возвратившись к себе в Кончанское, пристально следил он за успехами армий, отбросивших все старые каноны войны.

Французские войска уничтожали государства и создавали новые. Европа была оглушена их стремительностью. Она привыкла к войне неторопливой, к осадам, долгим и нерешительным, к передвижениям огромных войсковых масс. Французы же перелетали с места на место; у них не было громоздких обозов; их легкие корпуса, опережая противника, наносили ему удар за ударом.

Раньше продовольствие шло за армиями; теперь оно двигалось им навстречу — французы брали его у населения.

Их тактика сделала войну подвижной. Крепкие позиции утратили свою важность. Армии, эти живые стены, торжествовали над мертвыми стенами крепостей.

Во всем этом Суворов узнавал свое, во всяком случае многое, не раз испытанное уже им в сражениях.

Французы смело шли в штыковую атаку; сосредотачивали превосходящие силы для удара в решающем месте; они не знали парадной выправки, зато обладали

быстротой, сообразительностью и умели драться в одиночку — действовали в рассыпном строю.

Таково было наследие первых лет революции, когда охваченная воодушевлением Франция создала народные войска.

Войска Директории сохранили это новое искусство.

Ее генералы требовали: дерзости, дерзости и всегда дерзости!

Дерзкое и новое ошеломляло и давало решительный перевес.

Французы имели еще одно преимущество — топографические карты Европы, подобных которым не было нигде.

Тридцать лет трудилось над ними французское военное министерство. Они с необычайной подробностью изображали местность, и не только поля, леса, реки и горы, но даже проселочные дороги и тропинки. Республика пустила это сокровище в ход.

Ее даровитые полководцы сделали его основой своих оперативных планов. Тысячи генералов за годы революции исчезли бесследно. Но появились новые. Массенá, Морó, Пишегрю, Гош, Бертъé, Шампионнэ вписывали в историю свои имена.

Уже была выбита из войны Австрия. Папская область в Италии стала Римской республикой, Швейцария — Гельветической.

Все эти успехи были связаны с именем Бонапарта.

И Суворов, следя за ними из своего русского далёка, качая головой, поговаривал: «Помилуй бог... широко мальчик шагает... пора, пора унять его!...»

7

В итальянской деревне Кампо-Формио 7 (18) октября 1797 года Бонапарт продиктовал Австрии мир.

Ей пришлось потерять многое, но она утешилась, ибо противники поделили Венецианскую республику; при этом Австрия получила Далмацию, город Венецию и левый берег реки Эч.

Французам же из венецианских владений достались Ионические острова и несколько крепостей в Албании.

Это был захват Бонапартом важных позиций на Средиземном море. «Острова Корфу, Занте и Кефалония, — доносил он Директории, — важнее для нас, чем вся Италия вместе».

Он открывал себе дверь на Балканы и становился соседом Турции, которая уже склонялась вступить с ним в союз.

Ее дружба с Францией была многолетней. Французские инженеры сооружали в Константинополе доки, работали у турок на оружейных заводах, строили Порте на ее же верфях превосходные корабли.

Весной в Севастополе стало тревожно.

Приезжавшие из турецкой столицы моряки говорили: «В цареградском адмиралтействе много французов, которые носят полосатые бантики на шляпах, и их весьма уважают. В прочем соблюдается тишина, и по наружности против русских ничего не заметно».

Но те же моряки утверждали, что турки неизвестно зачем вооружили сорок два корабля.

Вызывали также тревогу известия о приготовлениях французского флота в Тулоне. Был слух, что он под турецким флагом войдет в черноморские воды и направится к русским берегам...

В середине марта Мордвинов переслал Ушакову копию указа Павла о необходимости спешно вооружить эскадру.

Федор Федорович немедленно принялся за снаряжение флота. Вместе с тем он послал в Адмиралтейское правление просьбу усилить матросами и солдатами команды его судов.

* * *

Из-за моря приходили разные слухи. Тревожнее всех был слух о Тулоне. Там действительно готовилась экспедиция; однако истинного назначения ее никто не знал.

Покончив с Австрией, Бонапарт решил нанести удар Англии. В Тулоне, Бресте, Рошфоре и Лориане снаряжалась армия вторжения. Она должна была пересечь на судах море и совершить прыжок на острова.

Английский флот следил за противником. Более

шестидесяти кораблей стерегли французские порты, готовясь сорвать любой неприятельский план.

Превосходство англичан было слишком явным, и к весне 1798 года Бонапарт отказался от своей затеи. Он принял другое решение: завоевать подвластный туркам Египет и оттуда угрожать британским владениям в Индии.

Этого никто не мог ожидать.

Англичане считали, что французы скорее всего нанесут удар по островам из Бреста, и держали близ него свои главные силы. Контр-адмирал Нельсон с небольшой эскадрой из трех кораблей крейсировал между берегами Испании и Сардинии. 8 мая буря повредила его корабли. В ту же ночь Наполеон вышел из Тулона в Египет. Четыреста транспортов под сильным конвоем двинулись с крупным десантом к африканскому берегу.

В это время Нельсон исправлял повреждения. Вскоре его эскадра была усилена одиннадцатью кораблями, и он прибыл к Тулону. Там он узнал, что французский флот ушел.

Между тем войска Наполеона достигли Мальты и овладели ею без боя. Оставив на острове гарнизон, Бонапарт двинулся дальше — к Александрии. Стремясь сохранить свой план в тайне, он истреблял встречные суда.

А Нельсон искал его в Архипелаге. 9 июня он узнал, что тулонская экспедиция назначена в Египет, и пустился за нею в погоню. 11-го ночью французский и английский флоты пересекли взаимные курсы, не заметив друг друга. Англичане тоже шли к Александрии. 28-го они уже были там.

Но они не нашли французов: их флот еще находился в пути, и Нельсон обогнал его на сутки. Теряясь в догадках, он метнулся к Сицилии, а Бонапарт днем позже высадился у Александрийской бухты и начал завоевание «страны пирамид».

Ему удалось беспрепятственно доставить войска в Египет потому, что командиры английских фрегатов увлеклись в это время весьма прибыльным делом: рассеявшись по морю, они захватывали французские торговые суда и находившийся на них груз.

Не имея фрегатов для крейсерской службы, Нельсон

потерял из виду противника и в течение месяца не мог отыскать его след. У него был приказ идти на поиски всюду — «по Средиземному и Адриатическому морям, в Морею, Архипелаг, даже в Черное море». Только в конце июля, убедившись, что французы в Египте, он устремился туда вторично. За это время Наполеон успел продвинуться вверх по Нилу и торжественно вступил в Каир.

8

21 июля (1 августа) утром с английской эскадры увидели минареты Александрии. Два порта — старый и новый — были заставлены судами. На городской стене развевался французский флаг.

Нельсон остался на взморье. Его передовые корабли приблизились к гаваням и показали сигналом, что на рейдах одни транспорты, военных же судов нет.

Но три часа спустя один из английских кораблей обнаружил французскую эскадру. Она стояла на якоре в Абукирской бухте, в двадцати милях восточнее Александрии.

Англичане при хорошем попутном ветре тотчас пошли на восток.

Было время обеда.

— В этот час завтра, — сказал Нельсон, — я заслужу звание пэра Англии или найду себе могилу в Вестминстерском аббатстве!

И он напомнил командирам о своем наставлении, которое незадолго до того написал.

Ему было сорок лет. Еще мальчиком начал он службу во флоте, но переносил море с трудом — постоянно испытывал морскую болезнь.

Небольшого роста, невзрачный, со светлыми спутанными волосами, собранными в пучок на затылке, он имел привычку надувать и оттопыривать губы, устремив в пространство задумчивый взгляд.

Рубцы покрывали его лицо. Его храбрость уже обошлась ему дорого: за последние четыре года он потерял глаз и лишился правой руки.

Он был из тех молодых адмиралов, которые знали, чем должно пробудить от спячки британские морские

силы. Нельсон хорошо изучил книгу Клерка, и она пришлась ему по душе.

Как и Клерк, он считал нелепым сражение, когда линия противостоит линии и все сводится к поединкам одиночных кораблей. Его привлекал маневр — удар превосходящих сил на часть флота противника...

Французский флот оказался стоящим на якоре. На этот случай Нельсоном был составлен план.

Он заранее решил: атаковать немедленно — все равно, будет ли это днем, в сумерках или ночью; все силы бросить на авангард и центр, пренебрегая арьергардом, и если это случится в незнакомой бухте, идти осторожно, бросая лот, чтобы не стать на мель...

Сторожевых судов нигде не было видно. Нельсон мог быть уверен, что его не ждут.

В два часа дня французы увидели английскую эскадру, идущую под всеми парусами. Она была не в строю, и хотя некоторые ее корабли сильно отстали, тем не менее англичане спускались на французский флот.

Он стоял далеко от берега, растянувшись на полторы мили — корабли, фрегаты и бриги, — весь конвой адмирала Брюэса, доставивший в Египет десантные войска.

Брюэс не выслал дозорных судов в море и теперь расплачивался за свою оплошность: его экипажи занимались ремонтом, и батарейные палубы были завалены всевозможным хламом. Мало того: около трех тысяч матросов находились на суше, посланные за пресной водой.

Брюэс созвал военный совет. Было решено принять бой на якоре, так как бывшие налицо люди не управились бы на батареях и с парусами, а застрявшие на берегу не могли скоро вернуться — им мешала сильная зыбь.

Считая, что атака может быть произведена англичанами только с правого борта, Брюэс приказал перегрузить загромождавшую палубы рухлядь на левый, обращенный к берегу борт.

Он втайне надеялся ночью уйти в Корфу, полагая, что противнику понадобится часа четыре, чтобы начать атаку, а в сумерках он не решится завязать бой.

Но случилось не так. Внезапность являлась.

преимуществом неприятеля. Это был выигрыш Нельсона, и он не намеревался его терять.

Распоряжения его были несложны. Он объявил командирам, что решил атаковать авангард Брюэса и что, когда они придут на позицию, следует отдавать якорь с кормы¹.

Во всем остальном он предоставил им полную свободу.

Бухта была незнакомой. Итти по ней предстояло «ощупью». Нельсон рисковал многим, отваживаясь на этот маневр.

Спускаясь по ветру, его корабли двумя потоками должны были охватить голову французского флота и поставить ее в два огня.

Они сами могли оказаться в ловушке, если бы неприятельский арьергард оказал своим товарищам помощь. Но он находился под ветром; сняться с якоря и подойти к головным судам было трудно. Для этого требовались решимость и воля, столь редкие на море в те времена...

Французский бриг вышел из бухты, приблизился к английской колонне и, круто повернув, направился прямо к отмели с целью навести на нее англичан. Но хитрость не удалась. Капитаны Нельсона делали свое дело. С величайшей осторожностью, медленно продвигались они в незнакомом фарватере, все время бросая лот.

Солнце садилось. Англичане приближались к противнику. Уже был виден берег, обтянутый рифами. Бурун взлетал над ними белой грядой.

Лоция предупреждала мореплавателей об Абукире: «Если день склоняется к вечеру, поворотите в море».

Лоция не была принята во внимание. Багровый африканский закат уже охватывал небо, когда Нельсон вошел на рейд.

Ветер дул вдоль неприятельской линии.

Тринадцать французских кораблей стояли на якоре; между ними и берегом, второю колонной, — фрегаты и мелкие суда.

¹ Такая отдача якоря избавляла от необходимости разворачиваться под выстрелами, подвергая себя губительным продольным залпам.

Головной английский корабль обогнул отмель. Его командир капитан Фолей попытался пройти между берегом и французами. Это оказалось возможным, и он занял позицию с левого борта противника. Его примеру последовали четыре шедших следом за ним корабли.

На шестом корабле, «Вангарде», находился Нельсон. Он сделал сигнал, одобряющий маневр командиров, и повел свои остальные суда по правому борту, отрезая со стороны моря вражеский авангард...

Он застал французов врасплох: они стояли на якоре, экипажи их были на суше.

Половина английских судов устремилась между берегом и неприятельским флотом.

Это отчасти напоминало Калиакрию.

Ушаков точно так же начал сражение с турецко-алжирской эскадрой, пройдя между берегом и судами противника. Однако малочисленность его кораблей не позволила ему поставить неприятеля в два огня...

Быстро темнело. Сражение началось в сумерках. Для опознания своих судов во мраке англичане подняли на гафелях¹ по четыре фонаря.

Правый борт французов оказал яростное сопротивление. Брюэс успел вызвать людей с фрегатов; возвратилась также часть матросов с суши и заняла свои места.

Но левый борт бездействовал. Совершенно заваленный корабельным скарбом, он был небоеспособным и молчал.

Зато английские карронады громили оба французских борта. Их ядра, обладая замедленной скоростью, не оставляли обычных пробоин, но сокрушали дерево, как таран.

На ближней дистанции они были особенно смертоносны. Вдобавок противника подавляла их скорострельность: у французов уходило на выстрел три минуты, у англичан — одна.

Брюэс был ранен в самом начале боя. Но он не позволил унести себя со шканцев и вскоре погиб — ядро разорвало его пополам.

¹ Г а ф е л ь — наклонное дерево, укрепленное на бизань-мачте для привязывания верхней кромки паруса; служит также для подъема кормового флага на ходу корабля.

Расчет Нельсона оправдался: подветренный арьергард французов не принял участия в деле, продолжая стоять на якоре. Командовал им контр-адмирал Вильнёв.

Между тем к месту сражения приблизились отставшие суда английской эскадры. В это время один из кораблей Нельсона стал на мель. Но он послужил для подходивших судов маяком, так как четыре условных огня горели у него на ноке гафеля¹. Корабли обошли мель и заняли места в бою, руководясь вспышками выстрелов. Силы обеих сторон сделались почти равными, но теперь уже и центр противника был окружен.

Около восьми часов самый большой французский корабль, «л'Ориан», загорелся и затем взлетел на воздух.

В десятом часу сдались четыре головных неприятельских корабля.

Вильнёв попрежнему оставался зрителем. Он видел плен и гибель товарищей и не собирался идти им на помощь. Он ждал приказаний, не отваживаясь на маневр, обычно избегаемый адмиралами. Он был моряком, о котором Наполеон сказал впоследствии: «Ему нужны шпоры, а не узда»...

В душной тьме, почти у самого устья Нила, шел бой за Средиземное море.

Горели и гибли суда Брюэса. К третьему часу ночи Нельсон закончил их разгром.

Французы потеряли одиннадцать кораблей и два фрегата; уцелел лишь не сделавший выстрела в течение всей битвы их арьергард. Англичане, порядком пострадавшие, до утра оставили его в покое. Но когда на другой день они начали атаку, Вильнёв снялся с якоря и бежал...

Корабль «Леандр» был послан Нельсоном в Гибралтар с донесением о победе. Он был перехвачен одним из кораблей Вильнёва, ушедшим еще ночью из Абукирской бухты, — быстроходным и сильным «Женерё».

Восемьдесят четыре пушки встретили «Леандр», имевший всего пятьдесят четыре орудия. Завязался бой, закончившийся победой французов. Они заставили английский корабль сдаться и увели его в Корфу, как приз.

¹ Но к га ф е л я — оконечность гафеля.

Но это не могло умалить выигрыш Нильской битвы.

В ночь на 22 июля (2 августа) 1798 года Наполеону впервые изменила удача: французским войскам был отрезан путь из Египта, и морем овладел английский флот.

* * *

Отважный маневр, который в 1791 году предпринял при Калиакрии Ушаков, спустя семь лет повторил при Абукире Нельсон.

Маневр этот принес английскому адмиралу мировую славу. Но в описаниях Абукирской битвы никогда не упоминалось, что предшественником, а быть может, и учителем Нельсона был Ушаков.

Глава XI

ЭКСПЕДИЦИЯ БОНАПАРТА ИСЧЕЗАЕТ, КАК ДЫМ...

«Имея союз с Великобританией и одну цель с нею...»

Рескрипт Павла I.

1

ЕДОР Федорович сидел за столом и занимался странным делом — разбирал старые гвозди. Ржавые, истлевшие, они рассыпались от прикосновения и оставляли на пальцах красноватый прах.

Постукивая гвоздем о гвоздь, он испытывал их один за другим и так перебрал несколько дюжин. Потом отряхнул с ладоней ржавчину и угрюмо сказал вслух:

— Теперь все равно, впрочем...

У него больше не было времени заниматься гвоздями, перепиской с Мордвиновым и Адмиралтейств-коллегией. Он торопился в дорогу, и притом в более дальний, чем обычно, путь.

Федор Федорович недавно возвратился из плавания — надо было переменить корабли и пополнить запасы. В Севастополе его ожидало «высочайшее» предписание.

Указ Павла лежал на столе:

«По получении сего имеете вы со вверенною в команду вашу эскадрою немедленно отправиться в крейсерство около Дарданеллей, послав предварительную авизу¹ из легких судов к министру нашему в Константинополе г-ну тайному советнику Томаре».

Русский флот готовился помочь туркам против французов и, если понадобится, итти в Архипелаг и к Ионическим островам...

Федор вошел в кабинет. Он уже едва ходил. Брови его совсем побелели, а кожа темных жилистых рук стала еще темней.

— Ну как, собирать в путину? — глухо спросил он.

— Собирай, Федор. Завтра уходим. И на сей раз — далеко.

— Надолго, стало быть...

— Может, на год; может, и больше. Сказать сейчас невозможно.

— Это куда же? В какую даль странствие-то?

— Сперва к туркам, потом — к грекам, а случится — и во французские воды заглянем... — Тут Федор Федорович подумал, что он, быть может, больше никогда не увидит Федора, и добавил: — Хочешь, возьму тебя с собой?

— Нет уж, батюшка, — и старик покачал головою, — ветхий я стал. Куда мне по чужим морям ездить... За домом бы доглядеть, тебя дожидаться. С своей земли ни-почем не сойду!

— А дом-то я заложил... — тихо сказал Федор Федорович. — Эскадру снарядить было не на что. Казенных денег, сам знаешь, сколько ждать надо...

Он как бы оправдывался перед Федором и, говоря это, искоса на него поглядывал, ожидая, что старик вот-вот взорвется. Но тот промолчал и, немного постояв, вышел с совершенно мирным и, казалось, равнодушным лицом.

Федор Федорович принялся отбирать нужные для дальнего плавания вещи.

Он отложил кое-какие газеты и книги, три подозрные трубы, только что присланные ему карты архипелагского атласа; увидел на столе флейту — отложил и ее.

¹ А в и з а (авизо) — небольшое военное судно для разведывательной и посыльной службы.

Потом развернул одну из карт и провел пальцем черту от вод Архипелага до островов Ионии.

Слова Суворова сбылись: начиналось «дело с французом». Этого следовало ожидать, к этому шло на протяжении последних лет.

Павел, сначала стремившийся сохранять мир с республикой, постепенно изменил отношение к ней.

Он дал приют в Митаве королю-беглецу Людовику XVIII и принял на службу многих французских эмигрантов. Это было вызовом.

Когда французы заняли Ионические острова, они арестовали русского консула на острове Занте. Это уже был разрыв.

Теперь шли переговоры России и Англии о возобновлении договора, заключенного при Екатерине. К союзу собиралась примкнуть Австрия. Бросок Бонапарта в Египет нарушил его дружбу с Турцией, и она также готовилась объявить французам войну.

Союз с Портой еще не был скреплен, но она уже просила о помощи, и Ушаков должен был поспешить к Босфору. Он имел, однако, приказ соблюдать «великую осторожность» и не входить в Пролив, пока не будет согласия турок на свободный проход туда и назад.

Ушаков разглядывал карту, соображая сроки и расстояния, намечая план действий в ионических водах. Углубившись в это занятие, он не заметил, как снова вошел Федор и положил на стол небольшой узелок.

— Возьми, батюшка! — сказал он так, словно, прося об этой чести, боялся, что ему откажут. — За пятнадцать годов скопил я малость. Пусть и моя денежка на флот пойдет...

Федор Федорович был растроган. Он порывисто встал с намерением обнять Федора и ответить ему признательным, душевным словом, но тут в прихожей зазвенел колокольчик, и старик побрел открывать...

Это был Метакса. Теперь уже лейтенант, он держался с еще большей, чем прежде, уверенностью и, казалось, щеголял своей выдержкой, несколько странной для его молодых лет.

— Прошу садиться! — встретил его Ушаков. — Не взыщите — беспорядок у меня: укладываюсь...

В руках у Метаксы были иностранные газеты и пачка бумаг.

— Все статьи политические, — деловито сказал он, — я просмотрел. Местам особо важным составлены экстракты и сделаны переводы.

Федор Федорович одобрительно кивнул головою:

— Я надеюсь, что в нынешнем плавании вы окажете немалую пользу знанием языка и обычаев тех мест.

— Сколь силы мои позволяют... — скромно ответил Метакса и покосился на стол, где кучею лежали ржавые гвозди.

— Не подумайте, что эту труху я беру с собою, — сказал Федор Федорович, поймав его взгляд.

— Нет, я догадываюсь.

— Догадаться нетрудно. Я собрал таких гвоздей множество и намеревался послать в Петербург, дабы знали, на чем флот держится и каково меня здесь снабжают... При ремонте судов все гвозди, какие есть, рассыпаются!.. Да теперь уже поздно о сем стараться, и я намерение свое отложил.

— Но мы снимемся в срок?

— Завтра, в час, мною назначенный. Выходим при крайнем недостатке всех припасов!.. А кампания предстоит бесподобная! — Лицо Ушакова стало вдруг бодрым, совсем молодежьим. — Русский флот в союзе с турецким будет сражаться вдали от своих берегов!..

— Я слышал, — сказал Метакса, — будто и войска наши идут за границу. Вступает снова в войну Австрия, и ей в помощь посылается русский корпус.

— Да, — подтвердил Федор Федорович, — воевать будем за рубежами. И я рад, что отдохну наконец от здешних утомительных обстоятельств, бесполезной траты бумаги и душевных сил.. Вы, Егор Павлович, — продолжал он с горечью, — всего ведь не знаете. Неизвестно вам, что я вынес, прежде чем стал начальствовать флотом, и какие сейчас претерпеваю обиды. А жаловаться некому!.. Вице-президент Адмиралтейств-коллегии Кушелев — человек пустой. Он сюда, извольте видеть, наказ прислал, наставление, как мне действовать против французского флота: буде войдет в Черное море, выждать, пока рассеется бурей, а затем разбить по частям...

— А ежели бури не будет? — лукаво спросил Метакса. — Тогда как же?

— Тогда не препятствовать неприятелю и допустить его к берегам нашим. Так надо понимать!

И Федор Федорович умолк, сдвинув брови и выпятив подбородок.

Метакса быстро сказал:

— Но французский флот не появится в наших водах.

— Судя по нынешнему поведению турок, это вряд ли случится.

— Скорее придется идти в Средиземное море и, пожалуй, к Мальте.

— Сражаться за Мальтийский орден? Вы полагаете — так?!

— Почти уверен... Мальта захвачена Бонапартом, а его величество Павел Петрович объявил себя покровителем ордена и дал торжественное обещание восстановить его.

Федор Федорович с недоумением посмотрел на лейтенанта:

— Но ведь орден сей — католический. Как же может покровительствовать ему русский царь?

— Тут причиной политика... Из экстракта, составленного мною по иностранным газетам, ваше превосходительство легко сможете себе все уяснить... Орден мальтийских рыцарей состоит из древнейших дворянских родов почти всей Европы и как бы представляет их старинные права. Имения ордена во Франции конфискованы. Множество французских эмигрантов бежали на Мальту, и всем им был оказан радушный прием. Ныне твердыня их взята французами, и русский император решил притти ей на помощь. Принимая в свою опеку сей важнейший остров Средиземного моря, он становится защитником европейского дворянства, его верховным главой.

— Вот оно что! — как бы думая о другом, произнес Федор Федорович. — А все же Ионические острова меня более привлекают. Там единоеверное нам население — греки, униженные, порабощенные. А Мальта — ее, как в тумане, вижу... Впрочем, пойду и туда, ежели будет указ.

Он сложил карту архипелагского атласа и уставился на Метаксу испытующим взглядом:

— Егор Павлович, скажите мне правду: не сомневаются в кампании командиры?

— Нет, такого не примечал.

— Я потому вас спросил, что корабли худые и во всем недостаток, а главное — людей у нас для высадок мало... Но я писал, добивался!.. Мне все же прислали солдат морских, да немного — всего тысячу семьсот человек.

— Об этом толкуют...

— Вот видите! — с грустью сказал Федор Федорович. — Что ж... Лучше мне знать истину.

— Не далее, как сегодня... — медленно произнес Метакса (Ушаков слушал его с тревогой), — ...говорили при мне, — и лейтенант вдруг улыбнулся, — что людей мало, меньше, чем следует, но увидят, каковы русские и в малом числе...

2

12 (23) августа Ушаков с эскадрой вышел из гавани, а 13-го покинул Севастопольский рейд. Он взял с собой шесть кораблей и шесть фрегатов, одно репетичное судно¹ и три брига. На них было семьсот девяносто два орудия и семь тысяч четыреста семь человек команды, считая и сухопутные войска.

Они пришли во-время — тысяча семьсот солдат «черноморских адмиралтейских батальонов», подмога, которой так долго и упорно добивался Ушаков.

Это скрашивало неприглядность его обстоятельств, а они беспокоили и смущали немало: суда вышли в поход без нужных запасов и были непригодны к зимнему плаванию; оставалось надеяться на хорошо подобранный экипаж.

И он взял с собой лучшее, что имел: самых отборных матросов и командиров — людей, испытанных им в четырех сражениях, и таких, к кому пригляделся лишь за

¹ Репетичное судно служило для быстрейшего повторения сигналов флагмана; держалось вне линии, на виду у всех прочих судов.

последнее время. Среди них были: Сорокин, Поскочин, Сенявин, капитан-лейтенанты Шостак и Белли, а также знакомые с обстановкой в греческих водах Сарандинаки, Алексиано и Метакса.

Бриг «Панагия Апотуменгана» был послан Ушаковым в Константинополь. Он ушел с известием, что русский адмирал готов подать Порте помощь и просит разрешения войти в Пролив.

Ушаков предлагал военный союз, на который турки все еще не решались. Ожидая ответа, он направился к мысу Эминэ.

Там, у румелийского берега, отстоялись, так как в пути были застигнуты сильным ветром, исправили повреждения и навели всюду чистоту. Потом снова убрали якоря и канаты, задраили люки, брезентом загянули шлюпки и, выйдя в море, двое суток лавировали вблизи Босфора, дожидаясь ответа на запрос.

Федор Федорович знал медлительность турок и не надеялся скоро прибыть в их столицу. Еще меньше верили в это высшие чиновные круги в Петербурге, слишком мало ценившие его самого.

Русский сановник Кочубей около этого времени писал в Лондон послу Воронцову: «Адмирал Ушаков — невеликая птица... Я уверен, что хотя он и будет в виду Константинопольского канала, Порты не даст ему увидеть его».

Но Кочубей оказался плохим пророком. Султан Селим, узнав о гибели французского флота при Абукире, решился на войну с Францией. 24 августа посланный в Константинополь бриг возвратился и доставил Ушакову ответ.

«О пропуске эскадры, — извещал его посланник Томара, — повеления даны 16-го... Ваше превосходительство можете без всякой опасности поспешить входом в Канал».

Вместе с этим он препровождал Федору Федоровичу газетные статьи «касательно флота французского и происшествий в Египте».

Русские суда немедленно взяли курс на Пролив.

Они вступили в него на другой день, утром, построившись линией. Корабль Ушакова шел головным.

Это был «Св. Павел», построенный год назад, имев-

ший восемьдесят четыре пушки. По его сигналу эскадра салютовала крепостям, и ей было отвечено равным числом выстрелов.

Толпы народа стояли на обоих берегах.

Когда ветром отнесло дым, Пролив открылся между двумя грядами холмов, одетых зелеными клубами деревьев; в их мягком лоне лежали загородные дворцы, дома и селения, а над светлоголубой водой металась стаи испуганных птиц...

«Св. Павел» приближался к турецкой столице. Ушаков со шканцев любовался видом Босфора, а Метакса, дававший ему пояснения, говорил:

— Кажется, что природа была пристрастна к сим берегам и расточила все свое могущество, украшая их.

— Зрелище бесподобное, — отозвался Федор Федорович, — и весьма приятное для вступления в Пролив нашей эскадры. Но я хотел бы так же беспрепятственно выйти из него.

— Разве есть сомнения?

— Сей союз еще новый, а недоброжелателей у нас много; могут подбить Порту переменить мысли и задержать наши суда. Но чтобы сего не случилось, должно соблюдать осмотрительность и быть готовыми пробиться в любую сторону.

— Турки переменчивы, — подтвердил Метакса, — это весь свет знает. У них и поговорка есть: «Подеремся, отдохнем, опять подеремся». Они таковы...

Русский флот свободно шел по Проливу, укрепленному французскими инженерами. В знойной дымке на юге уже рисовался город — смутные очертания холмов, громоздящихся один над другим.

Около полудня эскадра стала на якорь в Буюк-дере, милях в девяти от столицы. Она выстроилась против квартала посольских зданий, где дом русской миссии выделялся своими размерами и белизной.

Победитель турок в четырех сражениях, заставивший в 1791 году трепетать самый Константинополь, появился в турецкой столице во главе отныне дружественных военно-морских сил.

Турки на легких длинноносых кайках окружили русские суда, предлагая матросам стамбульские сласти.

Посланник Томара и драгоман¹ верховного визиря взошли на корабль Ушакова. Они поздравили его с прибытием, и драгоман преподнес ему цветы и плоды.

Султан Селим, не сдержав любопытства, появился вблизи эскадры на шестивесельной шлюпке. Скрывая свой сан, переодетый в простую одежду, он украдкой осмотрел русские корабли.

На одном из них команда затянула песню. Ушаков приказал прекратить пение. Но турки стали просить его не лишать их этого удовольствия. Он усмехнулся, пожал плечами и позволил матросам петь, сколько хотят.

3

Султан снабдил Ушакова шестью медными пушками, подарил ему драгоценную табакерку «за скорый приход со флотом» и роздал две тысячи турецких червонцев командам его судов.

Дела устраивались.

Сохраняя суровость и достоинство, Ушаков повел переговоры и без труда договорился обо всех условиях.

Порта обязалась присоединить к русской эскадре такую же турецкую, под флагом вице-адмирала Кадырбея, с тем чтобы главнокомандующим союзными силами был Ушаков. Она предоставила также на время войны свободный проход русским судам в Средиземное море и дала указ своим пашам в Морее и Албании помогать Ушакову припасами и людьми.

Союз был заключен. Федору Федоровичу не пришлось сноситься для этого с Петербургом — новый рескрипт Павла уже ожидал его в Буюк-дере:

«Буде нужда потребует, можете действовать соединенно с турецким флотом, как у дарданельских крепостей в Мраморном море, так и в самом Архипелаге; равномерно имея мы союз с Великобританией и одну цель с нею: благосостояние соседственных Держав, дозволяем вам, когда обстоятельства потребуют, действовать соединенно с английскою эскадрою...»

¹ Драгоман — переводчик восточных языков при посольстве или министерстве иностранных дел.

Все было ясно. Оставалось лишь выработать общий план.

30 августа Ушаков и посланник Томара совещались в султанском дворце с турками. Присутствовал и британский посланник Джемс Смит.

Было решено, что союзный флот направится на защиту Албанского побережья, которому французы могли угрожать высадкой, и в первую очередь приступит к освобождению Ионических островов.

Четыре фрегата и десять канонерских лодок должны были усилить английский флот у Александрии, куда укрылись после Абукирского боя уцелевшие французские суда.

Днем позже Ушаков написал свое первое письмо Нельсону:

«По прибытии в Константинополь узнал я о славной и знаменитой победе вашей, одержанной при реке Ниле. С таковою совершеннейшею победою поздравить вас честь имею и в той надежде, что скоро буду иметь удовольствие находиться в близости с вами, а может быть, и вместе в действиях против неприятеля, заочно рекомендую себя в ваше благоприятство и дружбу, которую я приобрести постараюсь...

...засим, ежели потребно наше подкрепление, то к воспомоществованию мы готовы...»

В заключение Федор Федорович сообщал секретные сигналы на случай встречи русских судов с английскими и писал о необходимости установить постоянную связь.

В тот же день он осмотрел турецкую эскадру, стоявшую у летнего дворца султана, а также все морские возные заведения — адмиралтейство, доки и арсенал.

Турки с полной откровенностью показывали ему все, отнюдь не скрывая недостатков, спрашивая у русского адмирала советов и прислушиваясь к его словам.

Он нашел, что корабли их весьма хороши и снабжены дорогой медной артиллерией, но такелаж непрочен, а матросы не знают командных слов. При уборке парусов не соблюдалось никакого порядка, да и вообще он отсутствовал в султанском флоте. Дважды в день все собирались на шканцы для молитвы. Перекличку делали только раз за всю кампанию. Капитаны плохо знали,

что такое компас, и его можно было найти лишь на одном (адмиральском) корабле.

Ушаков побывал на пушечном ученье и роздал некоторым морякам награды. Но когда его спросили, какие им найдены недостатки, он строго ответил: «Беспорядочность и незнание судовых команд».

Своими экипажами он мог гордиться. Выучка его людей была образцовой; о нарушении дисциплины он не слышал почти никогда.

Тем не менее на русской эскадре не все было ладно. Некоторые офицеры жестоко обращались с матросами, и это вызывало среди них ропот. Два матроса, не сгряпя побоев, бежали со своего корабля.

Ушаков пришел в ярость. Его охватил гнев на «служителей» и командиров. Он нарядил следствие, затем сам составил бумагу с приметами бежавших матросов и передал ее для розыска беглецов местным властям...

Первую неделю сентября русские простояли в Буюк-дере, задерживаясь из-за противного ветра. Но 8-го утром ветер утих, и корабли вступили под паруса.

Построившись линией, двинулись они мимо турецкой эскадры и дворца султана, салютуя флагу капудан-паши семнадцатью выстрелами и дворцу — двадцатью одним.

Под гул ответных салютов поровнялись с дворцом, откуда султан следил за уходящим флотом. За русской эскадрой следовала турецкая. Ушаков главенствовал над обеими. Морская история знала до этого лишь один случай, когда русский адмирал возглавлял соединенный флот¹.

4

В Галлиполи, у новых дарданельских замков, русские соединились со второю турецкою эскадрою. На флагманском ее корабле находился Кадыр-бей.

Это был простодушный, старательный турок, человек непомерного роста и богатырской силы. Султан при-

¹ Во время Северной войны английский, датский и голландский адмиралы предложили Петру I командовать союзными силами. В память этого в России выбили медаль с его изображением и надписью: «Владычествует четыремя...»

казал ему считать Ушакова своим учителем, и Кадыр-бей проникся к нему величайшим почтением с первого дня.

Одиннадцать суток простояли у выхода в Средиземное море: пришлось дожидаться, пока придут все турецкие суда из Пролива и запасутся порохом и сухарями. За это время были снаряжены и отправлены к английской эскадре фрегаты и канонерские лодки. Капитану Сорокину было приказано идти с ними к Родосу и затем далее — на восток.

Кадыр-бей просил Ушакова прислать ему знающего турецкий язык офицера для истолкования сигналов и ведения переписки. Федор Федорович отправил к нему Метаксу.

20 сентября, снявшись с якоря, пошли к южному берегу Мореи. Там снова остановились, чтобы взять лоцманов. Ушаков имел разрешение своего правительства принимать на флот добровольцев-греков, и к нему тотчас же явилось много охотников, некоторые — на своих судах.

Решив начать освобождение Ионических островов с ближайшего из них — Цериго, он послал туда Шостака с двумя фрегатами. Вскоре и все остальные суда выступили в поход.

В союзном флоте было теперь десять кораблей, двенадцать фрегатов, шесть бригов и несколько греческих «кирлангичей», удобных для действий у берегов...

С попутным ветром пришли к острову Хиос. Турки отправились на берег — заpastись водой и купить припасов. Но хиосские греки, увидев «буйных галонджи», как называли они турецких матросов, немедленно заперли лавки и дома.

Тогда Ушаков послал сказать Кадыр-бею, что если их совместное плавание так устрашающе действует на население, то не лучше ли им ходить порознь, условившись о месте встречи эскадр?

Но Кадыр-бей объявил жителям, что по первой же их жалобе будет «казнить матросов смертью», и приказал отпереть дома и лавки. После этого на острове открылась ярмарка, и «русские, турки и греки смешались, приветствуя друг друга».

Затем эскадры продолжали путь.

Море древней Эллады расстилалось перед русскими кораблями. Каждый остров хранил следы битв и героев, лежал в дымке легенд.

Все казалось новым и непривычным. Даже снасти скрипели здесь по-иному. Пряный ветер доносил с берегов запах лавра и олеандров. Над водою тянулись перепелиные стаи; они направлялись из Европы в Африку, совершая осенний перелет.

Птицы летели к острову Цериго, где ежегодно останавливались несметными массами.

Птицы и воевавшие на морях люди передвигались одной и той же дорогой: Бонапарт избрал остров Цериго для связи своей Египетской армии с гарнизонами Ионических островов.

До XII века острова эти были свободны; лишь с падением Византии узнали они чужеземный гнет. Венецианцы, генуэзцы и турки оспаривали друг у друга «право» на Ионию, и наконец Венеция стала властвовать над нею, пока французы не прибрали острова к рукам.

На них было двести тысяч жителей, главным образом греков. Константинопольский патриарх написал к ним свое «увещание», и Ушаков должен был его распространить.

Патриарх обещал от имени Порты, что греки Ионических островов по освобождении от французов получат независимость, установят у себя правление, какое пожелают, и сами выберут своих правителей или старшин...

Корабли шли на юг.

На вторые сутки, ночью, к ним прибыла шлюпка. Греки-цериготы поднялись по трапу «Св. Павла» и потребовали свидания с адмиралом. Горбоносые смуглые люди в круглых шапочках и цветных шерстяных безрукавках, увидев его, заговорили наперебой.

Они рассказали, что французы поборами разорили на острове и дворян и крестьянство; хлеб вздорожал, главные предметы торговли — коринка и деревянное масло — потеряли цену; народ ожесточен, ждет не дождется русских и готов им помогать.

Федор Федорович обнадежил их своим скорым приходом и дал им копию с послания патриарха. Греки

ушли к острову Цериго, куда в это время уже приближался капитан-лейтенант Шостак.

29 сентября он прибыл туда.

Подойдя к крепости, он открыл огонь с обоих фрегатов. Это были первые выстрелы, возвестившие начало войн России против Наполеона. Эхо этих выстрелов отдалось затем в Италии и Швейцарских Альпах, на полях Прейсиш-Эйлау и Бородина...

Французы, оставив прибрежные укрепления, бежали на гору, в крепость Капсале. Она была недосыгаема для огня фрегатов, и Шостак послал на берег десант.

Свезли на сушу припасы для возведения батарей и шесть орудий. Люди двинулись в глубь острова, таща на руках пушки, преодолевая овраги, кручи и острые, как ножи, скалы.

Соединенный флот подошел на другое утро. Ушаков предложил французам сдаться. Его условия были почетными, но на них последовал отказ.

Тогда на батареи доставили большие орудия, был увеличен десант, и стали готовиться к штурму. Ушаков хорошо знал путь к сердцу воина. Шостаку он сказал: «Первый успех делает солдата непобедимым; после сего никакое дело не покажется ему невозможным».

Но до атаки крепости не дошло.

Утром с батарей и судов открылась сильная канонада. Французы отвечали, но недолго. В полдень они спустили трехцветный флаг и подняли белый, чтобы предупредить штурм...

Гарнизон вышел с военными почестями, выстроился и сложил оружие. По условию, он должен был отправиться в Марсель или Анкону под честным словом не воевать против союзников в течение года и одного дня.

Цериго — древняя Цитера — был занят почти без боя. В тени масличных рощ, окружавших развалины столицы царя Менелая, он лежал прекрасный и свободный, возвращенный грекам, владевшим им искони.

5

Весть о появлении союзного флота быстро разнеслась по Ионическим островам.

Находившийся в Корфу французский комиссар Дю-

буа выпустил на греческом языке прокламацию; он объявил, что слух о союзе России и Порты — ложный и что турки прибегли к обману, подняв на судах своих русский флаг.

Но это не помогло. Жители острова Занте, завидев русско-турецкую эскадру, кинулись в лодки и предупредили Ушакова, что французы возвели у пристани батареи.

Федор Федорович послал Шостака с фрегатами «Григорий» и «Счастливый» сбить поставленные на берегу пушки. С обеих эскадр, еще бывших под парусами, пошли к берегу шлюпки. Турецким десантом командовал Метакса.

Сумерки скрыли из виду город. Но зантиоты зажгли костры, чтобы указать дорогу, и осветили пристань множеством фонарей.

Шостак приблизился к батареям на картечный выстрел и быстро заставил их умолкнуть. Французы, заклепав пушки, бежали в крепость — старое венецианское укрепление, стоявшее над городом, на скале...

Все произошло, как и на острове Цериго. Сперва противник решил сопротивляться, но когда матросы окружили крепость и с кораблей принесли лестницы для штурма, выкинул белый флаг.

Шостак потребовал: вернуть жителям все, что у них было отнято!

Его условия были приняты. Когда французы вышли, народ встретил их гневными криками. Пришлось оцепить пленных, чтобы спасти их от толпы...

Это было 14 октября, а 15-го Ушаков с командирами отправился в Занте. Его приветствовали пальбой из ружей. Над городом стоял колокольный звон.

Был конец виноградного сбора, но поля и сады еще сохраняли всю свою свежесть. Шелковые ткани развешивались на улицах; русские флаги — белые с синим крестом — свешивались из окон, и почти у всех жителей были такие же маленькие флажки в руках.

Зантиоты праздновали свое освобождение, видя в русских защиту не только от французов, но и от турок. И матери давали детям целовать герб российский на сумках «морских солдат».

После службы в церкви Ушаков возвратился на ко-

рабль и вызвал к себе старейших жителей. Пока они совещались, толпа зантиотов молча ожидала на берегу.

Но едва объявили им, что теперь они независимы и должны жить под управлением своих же граждан, они заволновались, точно их отдали врагу. Их охватил страх, что они не смогут сами себя защитить и турецкие паши поработят их пуще французов. Они закричали, что не надо им ни вольности, ни своих правителей, что они хотят лишь одного — быть принятыми в подданство России, а иначе ни на что согласия не дадут.

Такой оборот был оскорбителен для турок и ставил Ушакова в трудное положение. Он принялся убеждать греков, что их желание невыполнимо, так как в намерения русского императора не входит завоевание Ионических островов.

Ему нелегко было убедить их.

Они долго перебивали его возбужденными возгласами, но все же смирились, увидев его непреклонность.

А он сказал:

— Я здесь не хозяин, а помощник. Русские пришли не владычествовать, но охранять!..

6

Пока Ушаков стоял у Занте, приводя городские дела в порядок, население островов Кефалония и Санта-Мавра поднялось против французов, не дожидаясь прихода союзных эскадр.

Узнав об этом, Федор Федорович послал к первому из них Поскочина, а ко второму — Сенявина для оказания помощи жителям.

Капитан Поскочин пришел к Кефалонии и беспрепятственно высадил десант.

Из всех Ионических островов это был самый большой, по населенности уступавший только Корфу. Сосед Итаки — баснословной родины и царства Одиссея, — он отделялся от нее узким проливом. Город Аргостоли лежал на восточном его берегу.

Кефалония, богатая оливковым маслом, шелком и винами, была издавна связана торговлею с Таганрогом.

Большая часть капиталов, находившихся в обороте на острове, принадлежала таганрогским купцам.

Вторая турецкая война застала некоторых кефалонийских греков в черноморских портах, где они находились по своим торговым делам. Потемкин предложил им поступить на русскую службу со своими людьми и судами. Они согласились, приняли участие в действиях русского флота, а затем вышли в отставку, получив награды и чины.

Трое из них оказались в Кефалонии, когда туда пришла весть о приближении Ушакова. Это были Ричардопуло, Зворано, Дивори — отставные капитаны, продолжавшие носить русский мундир.

Они вооружили жителей города Аргостоли и тайно подготовили их к делу. В назначенный день французы в городах и селениях были схвачены и часть их уведена на стоявшие в порту суда.

Лишь французский гарнизон в столице продолжал держаться. Но едва десант Поскочина вышел на берег, противник бежал на другую сторону острова, чтобы укрыться там в небольшой крепостце. Отряды русских и аргостолян были посланы морем наперерез бежавшим. Они захватили до двухсот французов, причем в числе их был комендант.

Спустя три дня прибыл Ушаков со всем флотом. Ему представили пленных. Французский комендант выразил Федору Федоровичу благодарность за «гуманное обхождение» капитана Поскочина, спасшего гарнизон от гнева толпы. Вместе с тем он пожаловался на греков и на «греко-российских офицеров», как называл он Ричардопуло и Зворано, которые обезоружили французов и держали их скованными на своих судах.

— Вы жалуетесь на них, — сказал Ушаков, — но они спасли вам жизнь. Вы сами — виновники своих бедствий.

— Я вел себя, как подобает французскому офицеру! — возразил комендант.

— А я полагаю, что нет! — И Ушаков посмотрел на него, как на человека, совершившего тяжкий проступок. — Вы не позаботились укрепить остров, не оказали нам сопротивления, не выстрелили ни из одного орудия, не заклепали ни одной пушки!.. Что же касается благо-

родных действий капитана Поскочина, то всякий русский офицер так же бы поступил.

— Ваше превосходительство! — сказал Метакса, служивший переводчиком при этой беседе. — Мой отец родом с Кефалонии, и я хотел бы вступить за аргостоян.

— Что же вы о них скажете?

— Что благодаря им нам удалось столь быстро овладеть островом и что они вели себя как отважные, добрые патриоты. Это мои земляки, и я горжусь ими: они недаром твердят, что предки их были спрятаны в троянском коне!..

7

Овладеть островом Санта-Мавра оказалось труднее. Ушаков предвидел это и дал Сенявину два корабля и два фрегата, а также крупный десант.

Санта-Мавра (в древности — Леука) на севере почти примыкал к Албанскому побережью. Окруженная рвами крепость защищала остров с северной стороны. В глубине его высились меловые горы, а на юге — Левкадская скала, откуда в древние времена сбрасывали в море преступников; им не давали утонуть, но они должны были навсегда покинуть страну...

21 октября отряд русско-турецких судов приблизился к острову. Как только они бросили якорь в Санта-Маврском проливе, к Сенявину явились местные старшины и архиерей. Они сказали, что жители загнали неприятеля в крепость, однако находятся в полном отчаянии, ибо им угрожает новая беда: Али-паша, вассал Порты, самовластный правитель Албании, выгнал французов из городов Превезы и Парги, истребив заодно и часть населения; теперь он собирается овладеть островом и ведет переговоры с его комендантом.

Али-паша был лютый враг всей христианской Ионии, и острову Санта-Мавра это не сулило добра.

Сенявин ободрил жителей, велел им поднять в городе русский и турецкий флаги и тотчас же высадил десант.

На Албанском берегу начали строить батареи. Под огнем крепости по крутым, почти непроходимым троп-

кам протащили пушки и поставили их на совершенно открытых местах. Коменданту острова, французскому офицеру Миолету, Сенявин предложил сдаться, но тот ответил, что у них пока всего достаточно и вступать в переговоры еще нет нужды.

Сенявин вторично послал парламентаря.

— Объявите коменданту, — сказал он, — что когда крепость начнет ослабевать, я уже не стану заключать с ним капитуляцию.

Получив прежний ответ, он подошел к орудию и сам открыл огонь со своих батарей.

Обстрел продолжался до 28 октября. Пожар дважды вспыхивал в крепости, и рухнула башня, на которой развевался республиканский флаг.

Французы начали переговоры.

Они предложили, что гарнизон сдастся, выйдет с почестями и будет отправлен в Анкону за счет союзников. Но Сенявин отказал.

Его условия были другими: гарнизон сдается, как военнопленный, и оставляет всю амуницию; при сдаче ему окажут почести. Большого он не мог уступить.

— Соглашайся! — посоветовал ему капитан турецкого корабля. — Они выйдут из крепости, а мои люди живо отрежут им головы.

— Это будет варварство! — брезгливо сказал Сенявин.

— Совсем не варварство, а военная хитрость.

Но Сенявин так посмотрел на турка, что тот поспешил огойти прочь...

Через день французы повторили свое предложение. Оно было отвергнуто.

Они попросили хоть немного смягчить условия.

Сенявин ответил: «Не могу ничего убавить!» и приказал открыть сильнейший огонь.

Обстрел длился около часа. В самый его разгар показался флот — десять кораблей под русскими и турецкими флагами.

Сенявин встретил Ушакова на берегу.

Федор Федорович, осмотрев местность, написал коменданту письмо, убеждая его, что сопротивление бесполезно. На этот раз французы уже не упорствовали и подняли белый флаг...

Утром они начали сдавать оружие и выходить из крепости. Русские и турки стояли фронтом. Для объяснения с пленными прислан был Метакса.

Толпа вооруженных островитян напирала со всех сторон, и это беспокоило коменданта Миолета. Заметив его волнение, Метакса сказал:

— Не бойтесь! Ваша жизнь в безопасности, хотя вы сделали много зла населению и восстановили его против себя. В древности вас бы сбросили с Левкадской скалы и затем подвергли изгнанию. С вами так не поступят, но вы будете навсегда изгнаны из этой страны!..

Потом шестьдесят моряков заняли в крепости караулы, а остальные, окружив пленных, повели их на эскадру...

В это время в адмиральской каюте «Св. Павла» решалась судьба албанского города Парги. Прибывшие оттуда старшины явились к русскому адмиралу, умоляя его защитить город от Али-паши.

Седые старики, полные мрачной решимости, подали Ушакову грамоту, написанную от имени паргиотов и подтверждавшую их слова: Али-паша, вторгшись в окрестности Парги, истребил там все население; ту же участь готовит он горожанам, если они не признают над собой его власти. Спасти их, писали паргиоты, может только переход в подданство русского царя.

Опять, как и в Занте, должен был Ушаков доказывать, что у него нет права приобретать для России новые земли и что в круг его действий входят лишь Ионические острова.

Но паргиоты не слушали; убедить их было невозможно. Они тянулись к Ушакову, вымаливая у него согласие, а один из них, самый древний, разодрал на себе одежду и закричал:

— Тогда мы перережем своих жен и детей, пойдем против Али-паши с кинжалами и будем драться, пока не падем все до единого! Пусть же истребится весь наш несчастный род!..

Федор Федорович молчал. Эти люди до того тронули его сердце, что на глаза у него навернулись слезы. Чтобы скрыть это, он нахмурился и начал шагать по каюте. Присутствующие молча наблюдали за ним.

— Хорошо! — сказал он подумав. — Беру на себя

ответственность — принимаю Паргу под защиту соединенного флота. Пусть жители поднимут на крепости русский и турецкий флаги. Я пошлю туда гарнизон!..

Паргиоты вышли, благословляя русского адмирала и страну, пославшую его в эти воды. Но не успели они удалиться, как пришло известие о новом злодеянии, совершенном Али-пашою: албанский тиран, заняв Превезу, арестовал русского консула, истребил всех пленных французов и намеревается казнить их жен и детей.

Ушаков вызвал к себе Метаксу и приказал ему отправиться в соседнюю с Санта-Маврой Превезу. Он должен был потребовать освобождения консула и пощады семьям французов.

В тот же день Федор Федорович послал легкий крейсер в Палермо — известить Нельсона, что почти все Ионические острова освобождены.

Эти успехи были достигнуты в полтора месяца без особых усилий и без потерь среди экипажа. Но с главной крепостью Ионии еще предстояло померяться силами — твердыня Корфу была впереди.

И Ушаков поспешил туда, чтобы как можно скорее начать осаду. На Санта-Мавре он оставил Сенявина, поручив ему устроить на острове управление и водворить тишину.

Четыре корабля и два фрегата уже были посланы в Корфиотский залив и прервали сообщение с Италией. Это была важная мера, так как французы готовились усилить гарнизон в Корфу.

Они еще цеплялись за Средиземное море, хотя уже потеряли его при Абукире. Но теперь оно окончательно от них ускользало.

Канцлер Безбородко был прав, когда в эти дни писал Воронцову: «Экспедиция Бонапарта исчезла, как дым».

Глава XII

ПРИ КОРФУ

«Когда бы шведов так кормить, зело б изрядно было, а нашим я не вотчим».

Петр I

1

АТЕР под русским военным флагом прибыл в Превезу. Метакса и посланный Кадыр-беем турецкий чиновник сошли на берег. Спутник Метаксы, почтенный турок, вез Али-паше султанский фирман¹.

Никто не встретил их, не опросил. Береговая стража в красных фесах и шерстяных бурках не обратила на них внимания. Они поднялись в гору и углубились в одну из узеньких улиц, похожую на высохшее русло потока. По плоским кровлям домов разгуливали козы, а на дороге валялись трупы французов и греков — след недавней резни.

Солдаты Али-паши тащили на арканах уцелевших жителей и тут же продавали их по несколько пиастров за человека. Сохраняя безучастный вид, Метакса миновал сборище работорговцев и вышел со своим спутником к дому, где помещался Али-паша.

¹ Фирман — именной указ султана.

Здание это принадлежало французскому консулу и служило украшением города. Но консул уже был убит. Рослые турки с сажеными ружьями на плечах занимали караулы. Лестница внутри дома была уставлена пирамидами из отрубленных голов французов и превезян и не предвещала ничего хорошего впереди.

Метакса вступил в страшное логово с чувством полной своей незащитности, но твердо намереваясь сохранить достоинство, как бы с ним ни обошлись.

Паши не было в городе — он делал смотр коннице в окрестностях Превезы и должен был с часу на час вернуться. Прибывшим пришлось ждать...

Наместник султана, правитель Албании и Македонии, Али-паша в своих огромных владениях держал себя, как султан.

Это был человек умный и деятельный, коварный и необычайно жестокий. Во всех войнах Порты он выставлял вспомогательное войско, но действовал с великим притворством и думал лишь о расширении своих границ.

Раболепствуя перед султаном, он готов был изменить ему в любую минуту. Во время русско-турецкой войны он вступил в переписку с Потемкиным; потом сблизился с Бонапартом. В Стамбуле боялись, что он объявит себя независимым. У него было сильное войско — пехота, конница, артиллерия; горные проходы Фессалии и Эпира находились в его руках.

Он был очень богат. Корабельные леса, добыча кораллов, рыбные промыслы и торговля невольниками приносили ему несметные доходы. В его хозяйстве трудились тысячи рабов-христиан.

Его называли Али-пашой Янинским, так как столицей своей он сделал Янину — город и крепость в Албанских горах.

Он имел большой купеческий флот — множество судов, ходивших в Триест и разные порты Италии. Эти торговые суда были в то же время корсарскими — Али-паша хотел сделать из Парги новый Алжир. Берберийские корсары состояли с ним в тайном союзе и уже готовились послать к нему опытных мореходов. Но Бонапарт, заняв албанские гавани, расстроил эти планы и возбудил против себя Али-пашу...

Пушечные и ружейные выстрелы возвестили возвращение правителя. После этого ждать пришлось недолго. Не прошло и четверти часа, как Метаксу и сопровождавшего его турка допустили к Али-паше.

Их ввели в комнату, обитую парчой и малиновым бархатом. Правитель сидел на диване, окруженный целою свитою. Секретарь-итальянец что-то переводил ему из иностранных газет.

На паше была бархатная зеленая куртка, а поверх нее накинута соболья шуба; голову обвивала зеленая шаль. Он был плотный, среднего роста; борода и усы мягкие, темнорусые; блестящие черные глаза его бегали, и румянец играл во всю щеку.

Турок поцеловал его полу и стал на колени.

Метакса поклонился и произнес приветствие от имени адмирала.

Али-паша привстал, сказал: «Добро пожаловать!» и принял из рук Метаксы письмо.

— Как здравствует русский адмирал? — спросил он. — И тот ли это Ушаков, который разбил славного Саид-Али?

— Тот самый, — ответил Метакса. — Но он разбил не только Саид-Али, а и самого капудан-пашу Гуссейна.

Али-паша кивнул головою:

— Ваш государь знал, кого сюда послать...

Он распечатал письмо Ушакова и попросил показать, где его подпись. Затем отдал письмо секретарю, сказал, чтобы принесли трубки и кофе, и, заговорив с турком, велел ему прочесть фирман вслух.

Указ предписывал оказать русскому адмиралу помощь войсками и провиантом.

Во время чтения Али совершенно не слушал и не дал никакого ответа. Потом секретарь прочел письмо Ушакова.

— Хорошо! — сказал паша. — Я наедине поговорю с офицером... — И пригласил Метаксу сесть рядом с собой.

— Как надобно вас называть?

— Меня зовут Метакса.

— Вы грек?

— Мой отец родом с Кефалонии, а я родился на острове Кандия.

— Как вы попали в Россию?

— Отец отправил туда меня и двух моих братьев. Там были мы воспитаны в Корпусе чужестранных единоверцев и, окончив его, поступили на флот...

Слуги подали трубки и кофе в золотых чашечках.

Метакса пригубил и затем отхлебнул через силу — его преследовал трупный запах, и было противно до тошноты.

— Какое жалованье получаете вы? — продолжал правитель.

— Триста рублей в год, но когда бываю в походе, мне выдают еще столовые деньги.

— Рейсы¹ на моих торговых судах получают до пяти тысяч пиастров.

— Торговые обороты и военная служба — разные вещи, — возразил Метакса.

Брови Али-паши выгнулись, румянец на щеках заиграл еще сильнее.

— Почему?!

— Ваши рейсы ищут корысти, а мы — славы и случая положить жизнь за отечество.

— Слыхали вы что-либо подобное? — обратился Али к своим приближенным.

— Нет, не слыхали, — отвечали они.

Метакса почувствовал, что это дает ему некоторое превосходство в беседе, и чтобы еще больше утвердить его за собой, произнес:

— Быть может, шкиперы ваши имеют больше доходов, чем любой русский адмирал, но они целуют вашу руку и стоят перед вами на коленях, а я, простой лейтенант, сижу рядом с Али-пашою и этой чести обязан единственно российскому мундиру, который имею счастье носить.

Али захохотал. Речь Метаксы не скрывала его независимости и все же была паше приятна. Он потрепал лейтенанта по плечу и, перейдя на «ты», сказал ему:

— Нам много надо будет толковать с тобою!.. А сейчас — ступайте оба кушать. После я позову вас, дам ответ и отпущу домой...

¹ Р е и с (турецк.) — начальник, шкипер.

После обеда Метаксу пригласили для продолжения разговора.

Али-паша, в халате и красном фесе, рассматривал «завоеванный» у французского консула телескоп. Не умея с ним обращаться, он сердился на своих слуг, считая, что они его испортили. Увидев Метаксу, он быстро сказал:

— Ваш адмирал худо знает меня и вмешивается не в свое дело! Я имею указ султана овладеть Превезой, Паргой и другими городами, а ваш адмирал мне препятствует!

— Вам стоит только прислать ему копию указа, — спокойно сказал Метакса, — и он не станет препятствовать вам ни в чем.

Глаза Али-паши забегали и стали как угли.

— Я никому не обязан сообщать султанские фирманы!

— Но иначе трудно будет разрешить вопрос...

Али посмотрел на Метаксу исподлобья:

— Что нужно от меня русскому адмиралу?

— Он не хочет нанести вам ни малейшего оскорбления, но требует, чтобы вы немедленно освободили нашего консула и пощадили французов, вернее — их жен и детей.

— Зачем консул не убрался отсюда?!

— Он не частное лицо и как бы принадлежит целой России. Его особа неприкосновенна, и он не должен был уезжать.

— Хорошо! Я велю его освободить!.. Но пусть адмирал Ушаков отступится от Парги!

— Он этого сделать не может. Паргиоты никогда не были подвластны Порте. Они отдали себя великодушию обеих империй и подняли на стенах своих флаги союзных эскадр.

Али вдруг успокоился — по крайней мере, могло так показаться. Он положил Метаксе на плечо руку и вкрадчиво произнес:

— Я не пожалел бы двадцати тысяч червонцев... Я готов заплатить сейчас же... — И он пристально посмотрел в глаза лейтенанту: — Как сделать, чтобы уго-

ворить адмирала? Скажи откровенно: кто у него всем ворочает? Кого он любит более всех?

— Адмирал наш, — сухо ответил Метакса, — всех одинаково любит. При этом заверяю вас честью, что поручение, о котором ваше превосходительство говорите, не взял бы на себя ни один русский офицер.

— Как же мне быть? Дай мне совет! — воскликнул Али-паша и уставился на Метаксу с искренним любопытством.

— Я не смею советовать вашему превосходительству. Вы славитесь своим умом, прзорливостью и, без сомнения, не захотите ссориться с адмиралом Ушаковым, ибо это навлечет на вас гнев султана. Вам необходимо примириться с адмиралом...

— Да я готов хоть сейчас! Ну, будь ты Али-паша, что бы ты сделал?

— Если бы я был на вашем месте, я освободил бы русского консула, пощадил пленных и не покушался на Паргу; кроме того, исполнил бы указ султанский и доставил союзному флоту провиант и людей.

Али по-детски рассмеялся.

— Да ты требуешь невозможного! Впрочем... — он помолчал и сказал почти угрожающе: — я обо всем подумаю... Но пусть подумает и ваш адмирал!..

На этом беседа закончилась.

Метакса покинул Паргу с тягостным чувством. Для него было ясно, что Али-паша может оказаться опасней французов и что это доставит Ушакову много хлопот.

2

Холмы прорезали остров Корфу, одетые руном вечно-зеленых деревьев. Осеннее небо расстилалось над ними, синее и чистое, как кристалл.

Похожая на гигантский маяк, вздымалась на мысе Десидерио Старая крепость.

Сильнейшие укрепления защищали город. Венецианцы заложили их еще в XII веке. Они продолбили скалы, высекли подземные галереи, укрыли пороховые погреба в недрах горы.

Французы усилили оборону и сделали это с великим

искусством: новые форты были устроены таким образом, что если противник овладевал одним из них, он попадал под огонь остальных.

С моря город прикрывался крепостною оградой и островами Видо и Лазаретто. На Видо было построено пять батарей и сделаны засеки между ними, а доступ к острову преграждался болами — бревнами на железных цепях.

Французы имели три тысячи солдат, шестьсот пятьдесят пушек и запас продовольствия на полгода. В порту укрывалась их небольшая эскадра: два корабля, фрегат и несколько мелких судов.

Крепость Корфу — одна из самых сильных в Европе — ни разу не уступала еще открытой силе. В течение столетий считалась она неприступной, и вот русский адмирал решил ее взять...

Вторые сутки шла блокада. Союзный флот стоял против острова Видо, охватывая его с севера, востока и юга плотным полукольцом кораблей.

Капитан-лейтенант Шостак с утра был вызван к Федору Федоровичу. Он сидел перед ним, рассказывая о своем посещении Корфу, где ему только что удалось побывать.

Придя с передовым отрядом, он был послан в крепость парламентером и с завязанными глазами доставлен к главнокомандующему — французскому генералу Шабб. Генерал принял его любезно. Узнав, что русские предлагают сдаться, он сказал: «Не вижу еще, кому сдаваться», и так как на рейде было сильное волнение, уговорил Шостака провести в Корфу день. Он долго беседовал с ним о политике, о генерале Бонапарте, о необычайном русско-турецком союзе; потом угостил его роскошным обедом, а вечер провел с ним в театре, где шел балет «Вступление французов в Каир»...

Со всеми подробностями рассказывал Шостак о своем пребывании в крепости. У него были серые, с искрой глаза, рыжие брови и — при малом росте — такие широкие плечи, что казалось — весь он рос в ширину.

Федор Федорович слушал, разбирая свежую почту. Распечатав несколько писем, он отложил одно из них в сторону и взялся за сверток, обшитый холстиной и опечатанный сургучом.

— Французы надеются, — говорил Шостак, — что мы уйдем отсюда до наступления осенних штормов...

— Напрасно надеются, — сказал Ушаков.

— Также на англичан уповают — якобы не допустят нас взять Корфу.

— Что касается англичан, то крепость сия всегда им была приятна. Но полагаю, мы с ними — друзья.

Федор Федорович распорол холст и выпростал из него полированную шкатулку; сорвав висевшие на шнурке печати, он открыл ее и тотчас зажмурил глаза.

Свет, падавший в каюту из люка, вспыхнул на осыпанных бриллиантами табакерках, драгоценных трубках и перстнях, каким позавидовал бы султан.

Федор Федорович усмехнулся:

— Меня положительно делают дипломатом... Посланник Томара препровождает мне ларец сокровищ, дабы я одарил пашей турецких и тем заставил их нам помогать.

— А с турками иначе нельзя, — заметил Шостак, — они без бакшиша¹ ничего делать не станут.

— Судя по Али-паше, это так...

— Французы толкуют, что он имеет виды на Корфу.

— Французы, разумеется, нас пугают. Но от Али-паши сего ожидать можно... Между прочим, — поспешно сказал Федор Федорович, — вы мне не сказали, какие корабли стоят в гавани.

— «Женерё» — из эскадры адмирала Брюэса, бежавший сюда после Абукирского боя, и английский «Леандр», захваченный капитаном «Женерё»...

В дверь постучали, и Метакса, не входя, доложил с порога:

— Ваше превосходительство, жители острова желают говорить с вами!

— Зовите их! — сказал Федор Федорович. — Да напомним командирам, что в час пополудни у меня военный совет!..

Как только андреевские флаги показались у Корфу, греки поспешили на русскую эскадру. Они предлагали помощь против французов, готовые немедленно идти на крепость. Их лодки сновали между берегом и

¹ Б а к ш и ш (перс.) — подарок, взятка.

«Св. Павлом», приставая к его борту по нескольку раз в день.

Среди них были рыбаки, виноделы, торговцы шерстью и оливковым маслом — греческая беднота и люди скромного, среднего достатка, но ни одного человека из местных дворян.

Это бросилось Ушакову в глаза и заставило его призадуматься. Ему предстояло освободить Корфу и помочь жителям заново устроить свое государство. Он должен был хорошо разобраться, кто будет с ним и кто против него...

Снова вошел Метакса, и чинно проследовали за ним корфиоты: черноглазые и усатые, в безрукавках, расширенных золотыми шнурами, с пистолетами, заткнутыми за цветные широкие пояса.

Они сдернули с себя круглые шапочки и поклонились адмиралу. Федор Федорович жестом пригласил их сесть.

Словно по команде повернули они головы к самому старшему из них в ожидании, что он скажет. Метакса был готов приступить к переводу. Грек взглянул на него, положил шапочку себе на колени и проговорил:

— Мы из деревни Мандукио. У нас было вдоволь овец и всяких запасов, но скоро ничего не останется. Французы грабят нас каждую ночь.

— Разве в крепости нет провианта? — спросил Федор Федорович. — Для чего они прибегают к фуражировкам?

— Провиант у них есть, но им нужно запастись его больше. Они не собираются от нас уходить.

— От вас зависит, чтобы они ушли скорее.

— Мы готовы помочь чем только можем. Но одного боимся... И хотим спросить об этом...

— Спрашивайте. Ежели смогу, отвечу.

— Как жить будем?! — угрюмо произнес грек.

— Когда станете вольными, сами выберете из своей среды правителей...

Но корфиоты зашумели и заговорили все разом, а самый старший из них покачал головой и сказал:

— Мы люди простые. Деды и прадеды наши жили под чужеземной властью и все же сберегли свою веру и свой язык. Но мы на острове не одни. Есть у нас люди, которые называют себя господами и хотят управлять нами. Они давно перестали быть греками и больше по-

хожи на итальянцев. Многие из них владеют землями в Нижней Албании и теперь ожидают Али-пашу.

— Вот оно как!.. — протянул Федор Федорович. — Стало быть, дворянство не весьма довольно прибытием русского флота?

— Не знаю, — сказал старшина. — Самые важные, наверное, недовольны. Они никогда не бывают рады, если радуется народ.

— И вы боитесь, что по избавлении острова от французов...

Старшина не дал Ушакову закончить:

— Наши вельможи станут правителями и отдадут нас туркам! Они сами себя выберут, потому что у них много денег и они все могут купить!..

— Сего не случится! Я сам установлю справедливость!

— Дай бог! — сказал старшина. — Только дворяне от своего не отступят. А тогда — кровь польется!.. У нас на это уже и сабли наточены и пули отлиты!..

И греки все, как один, повторили, что у них сабли наточены и пули есть.

Их простые, грубоватые лица нравились Ушакову, и он, глядя на них, думал, что эти люди крепко надеются на русскую эскадру и что на них-то ему и придется опереться в борьбе.

— Жители острова! — с силой сказал он. — Вверенные мне войска окажут вам помощь и защитят вас от неприятельских грабежей. Когда крепость падет и вернется к вам прежняя вольность, устройте вы у себя правление, и я помогу вам его установить. Вы — потомки древних эллинов, славных своим общежитием. Я надеюсь, что, насколько сие возможно, вы возьмете с них пример... А теперь возвратитесь на берег и неусыпно наблюдайте за крепостью. Не сомневайтесь ни в чем! Пока я здесь, вас никто не обидит. Даю слово!..

И Федор Федорович встал.

Уже входили созванные на совет командиры: Ратманов, Белли, Войнович — родственник Марко Ивановича, но, к общему удовольствию, ничем не похожий на него.

Греки поклонились адмиралу, надели свои шапочки и вышли. Метакса отправился их провожать.

— У нас сегодня малый совет, — сказал Федор Фе-

дорович, — однако дела мы будем решать большие. Я позвал лишь тех командиров, коим поручаю положить основание осады; но эти начальные действия должны подготовить ее успех.

Он подошел к переборке и остановился у карты, которую сам начертил накануне.

— Вот ключ Корфу! — сказал он, указывая на остров Видо и касаясь карты рукой.

— Добыть сей ключ штурмом! — подал голос юный голубоглазый Белли, командир фрегата «Счастливы́й», слы́вший отчаянным смельчаком.

— Нет, — возразил Ушаков, — мы должны от сего отказаться. Пока Видо не взят, крепость атаковать невозможно, но мы сейчас его брать не будем...

— Тогда время упустим, — заметил Белли.

— Да, но прежде всего должно подать помощь жителям, страдающим от грабежей гарнизона, и высадить десанты для прикрытия ближайших деревень.

— Это и крепость стеснит, — одобрительно произнес капитан-лейтенант Войнович, стройный офицер с багровыми пятнами на щеках и орлиным носом.

— Именно — стеснит, — подтвердил Федор Федорович. — Надобно лишь лучше выбрать места для батарей.

— У деревни Мандукио, на холме Монте-Оливето, — сказал Ратманов, самый высокий командир в эскадре — «долгий Макар», как называли его матросы. — Оттуда можно обстреливать Новую крепость, и берег там самый удобный, чтобы приставать гребным судам.

— Толково!.. — Федор Федорович поглядел на карту и поставил на ней угольком крестик. — Это будет северная батарея, пожалуй важнейшая. С южной же стороны полагаю укрепиться у церкви святого Пантелеймона. — И он еще раз быстро черкнул угольком. — А теперь, — сказал он, возвращаясь к столу и опускаясь в кресло, — должен я открыть вам обстоятельства наши и все трудности, кои нам предстоят. Провианту мы имели на два месяца, и уже он на исходе; турки же закидали меня письмами со всеми этикетками, а хлеба не дают. Грозить и требовать не могу, ибо имею указ государя не становиться Порте в тягость, и должен полагаться на добрую волю разных пашей... То же и с людьми. Будь у меня

хотя один полк войска русского, взял бы я Корфу с помощью жителей, которые одной только милости просят — чтобы ничьих других войск, кроме наших, к тому не допускать. Но полка у нас нет, а брать крепость сию кораблями есть дело, в истории войн небывалое! Стало быть, и тут завишу я от турок — пришлют они мне подмогу или нет...

— Пришлют, ежели их одарить хорошенько, — с усмешкой сказал Шостак.

— Не знаю, поможет ли, — возразил Федор Федорович. — Всею помехою Али-паша. Он людей дать не хочет и других пашей отговаривает — пишет им, что якобы сам явится ко мне с большим войском.

— Пригрозить ему! — горячо воскликнул Белли. — Одному кораблю подойти к Превезе — и делу конец!

— С Али-пашою так нельзя. Сей коварный и тонкий политик может навлечь на нас недовольство Порты. Он и так клеветает уже султану, будто мы присоединяем сии острова к России, и ссылается в том на здешних дворян.

— Но ведь ложь его Кадыр-бей опровергнуть может! — воскликнул Войнович.

— Разумеется, да нужды нет; мне пока еще и без Кадыр-бея верят. Однако будет ли так и впредь, не знаю... Дворянство Ионических островов к Али-паше склоняется, идя против своего же народа. А мы приносим законность, водворяем спокойствие. Но как эти бедные люди после останутся и на каких правах, ума не приложу... Таковы обстоятельства наши, и чем далее, тем они будут все хуже. Посему вменяю в обязанность... смеяться!.. То-есть при всяком исполнении службы держаться бодро и весело — не давать людям унывать. Совет окончен!.. — объявил Ушаков усталым голосом. — Я забыл лишь сказать, что в порту стоит французский корабль, — смотрите за ним в оба!

— Им командует человек отчаянной храбрости, — заметил Войнович: — капитан Лажуаль.

— Кто бы ни командовал, он не должен прорваться!

— Ваше превосходительство, — сказал Ратманов, — посты вблизи французского корабля занимают турецкие суда.

— Что же из этого?

— На турок надежда плохая: все время дремлют безо всякой осмотрительности; у них из-под носа кто угодно уйдет.

— А вы за ними смотрите. Переменять суда я не стану, чтобы не обидеть Кадыр-бея. Вообще, господа, нам надобно с турками сохранять дружбу. Не забывайте, где мы находимся. У турок в руках Проливы! Неровен час, что переменится — они нас тут запрут!..

3

Все берега французских владений в Европе были блокированы. Английские эскадры держались у побережья Голландии, блокировали Брест, запирали испанские корабли в Кадиксе. Главнокомандующим британскими силами в Средиземном море был Джервис (теперь уже лорд Сен-Висент).

Эскадра Нельсона разделилась на три части. Одна из них стерегла остатки французского флота у Александрии; другая была послана для блокады Мальты; сам же он — всего с тремя кораблями — стоял в Палермо, озабоченный положением неаполитанского короля.

Возобновив войну с республикой, Фердинанд IV потеснил небольшие французские отряды и в ноябре торжественно вступил в Рим. Но французы, перейдя в наступление, быстро разбили его и заставили бежать в Неаполь, а оттуда — в Палермо. Нельсону пришлось спасать короля и его двор.

Герой Абукира испытывал досаду и недовольство. Силы его были распылены, события на юге Италии приковывали его к Сицилии. Между тем он считал для себя более важным участвовать в действиях у Ионических островов.

С борта корабля «Вангард» он любезно приветствовал Ушакова:

«...Спешу воспользоваться случаем, чтобы засвидетельствовать вам свое почтение и уверить в счастье, какое ощущаю, находясь так близко к вам и трудясь вместе с вами для доброго дела наших государей...»

Но это не мешало ему в то же время писать в Константинополь британскому послу Смитту, что русским

нельзя позволить «занести ногу на Корфу» и что, если допустят их утвердиться на Средиземном море, «Порта будет иметь порядочную занозу в боку».

* * *

Морского провианту в месяц на одного человека полагалось:

вина горячего	28 чарок
гороху	10 фунтов
круп	15 фунтов
мяса соленого говяжьего	14 фунтов
масла коровьего	6 фунтов
сухарей ржаных	1 пуд 5 фунтов

На эскадре не было ни вина, ни гороха, ни круп, ни мяса, ни масла. Оставался лишь небольшой запас сухарей.

Ушаков в отчаянии писал правителю Морей, одному из тех, кто обязан был ему помогать:

«...Служители наши все неизбежно должны умереть с голоду; провианту у нас на эскадре нет, здесь достать не можно, и надежды не имею получить его скоро. При такой крайности прошу ваше превосходительство: буде нет провианта заготовленного, приказать от всех обывателей в Морее собирать печеный хлеб, сушить его в сухари и, сколько готово будет, наискорее прислать сюда. Я требую от вашего превосходительства именем Блистательной Порты и его султанского величества, чтобы непременно, во что бы то ни стало доставили вы к нам нимало не медля сухарей, булгур, фасоль, водку или горячее вино...

По изготовлении сего письма пришло из Патраса одно купеческое судно, нагруженное сухарями, всего до 700 контарей¹, они надлежат к Кадыр-бею, на турецкую эскадру, и если он уделит нам половину, то на обе эскадры не более станет их, как на три дня...»

С середины декабря морейский паша начал присылать продовольствие — ячменные сухари и бобы, совер-

¹ Контарь — старинная мера веса: 1½ пуда (около 25 килограммов).

шенно не годные в пищу. Сухари паутиной покрывала плесень, а бобы не разваривались, и получалась из них только черная, противная на вкус вода.

Люди питались сухарными крошками да лишь изредка покупали у жителей мясо. В дождь и слякоть трудились они на батареях, голодные, в не просыхающей ни днем, ни ночью одежде. Число больных увеличивалось с каждым днем.

Ушаков закупил на Албанском берегу тысячу войлочных бурок и роздал матросам; бурки защищали от дождя и холода и служили одеялами во время сна. Эта мера спасла многих и облегчила положение десантных отрядов. С еще большим рвением выполняли теперь моряки приказы своего адмирала, разделявшего с ними общую долю лишений и трудов.

Сам он служил примером, был деятелен и весел — во всяком случае, старался таким казаться. Среди своих и среди турок, на палубе и в адмиральской каюте его всегда видели одинаковым — бодрым, великодушным и неизменно прямым.

А бремя было нелегким. Многое лежало на его плечах, доставляя досаду и беспокойство. Из Петербурга ему предписывали способствовать блокаде Мальты, а Нельсон настаивал на его появлении у берегов Египта. «Египет — главное, — писал Нельсон, — Корфу — потом».

Но Федор Федорович именно в Корфу видел наиболее важное дело. Он только сожалел, что нет у него войск, осадной артиллерии, мало зарядов и, главное, пуль ружейных. «А что есть ружье, — говорил он, — ежели нет в нем пули? Ничто!»

Турки же и вовсе не хотели итти в незнакомые воды. Правда, Кадыр-бей не посмел бы послушаться, но Федор Федорович хорошо знал, до чего это ему не по душе.

Тихий, несуразно большого роста, этот человек безропотно повиновался Ушакову. Русский адмирал был для него загадкой, и он, встречаясь с ним, всегда испытывал почтение и страх.

Федор Федорович не возлагал больших надежд на турок, но считал их резервом, который при исполнительности Кадыр-бея может быть полезен русским.

Однако не все турецкие начальники вели себя безупречно. Ушакову уже докладывали о контр-адмирале

Фетих-бее. Это был грузный, ленивый и беспечный турок, никак не желавший понять, что такое приказ.

Он командовал большим быстроходным судном и стоял как раз против «Женерё», державшегося между крепостью и островом Видо. Беззаботность турка тревожила Ушакова, так как французский корабль явно готовился к бегству и затевал перестрелки, особенно по ночам...

Русская эскадра вся собралась. Прибыл оставленный на Санта-Мавре Сенявин; вернулся из египетских вод Сорокин. Пришло подкрепление из Севастополя: Павел Васильевич Пустошкин с двумя новыми кораблями и небольшим отрядом войск.

Осада велась с моря и суши. Батареи были возведены к югу от крепости — у церкви св. Пантелеймона, и к северу — у деревни Мандукио, на холме Монте-Оливето; здесь против фортов Сан-Абрамо и Санто-Роко поставили тринадцать самых больших корабельных пушек, а против укрепления Сан-Сальваторе — семь мортир.

Под проливным дождем, обстреливаемые из всех крепостных орудий, отбивали моряки атаки французов. Крепость, стесненная с двух сторон, наступала; неприятель делал частые вылазки, но успеха не имел.

А голодали попрежнему. То немного, что доставлялось, было не годным, и матросы выбрасывали гнилой провиант в море. Федор Федорович долго терпел и наконец решился: послал верховному визирю Порты «малое количество сухарей и бобов» — чтобы попробовал сам.

Французы знали, что люди Ушакова голодают, что у него слишком мало войск для десанта и что одним флотом крепость взять невозможно. Уверенные в этом, они, смеясь, говорили: «Русские хотят въехать в бастионы на своих кораблях».

Глава XIII

КОРАБЛИ ВЪЕЗЖАЮТ В БАСТИОНЫ

«Валы Измаила высоки, рвы глубоки, а все-таки нам надо его взять».

Суворов

1

ОРТА так расположена к нехранению слова французам, — сообщил Ушакову посланник Томара, — что министры турецкие предложили мне писать к вашему превосходительству согласиться на выпуск из пристани «Génégeux» и «Léandre», настроив прежде эскадру турецкую, чтоб она их взять или потопить могла. Как весьма трудно и, может быть, невозможно удержать от сего турок, то лучше, чтоб они сами заключали договоры или капитуляции с французами; нам же — устраниваться, когда они обманывать хотят, и являться, когда договоры исполняемы быть должны...»

Но Ушаков не собирался обманывать неприятеля и не склонен был потакать туркам. У него был свой взгляд на это, и он имел твердое решение: не выпускать из порта запертых кораблей.

Они стояли между крепостью и островом Видо. «Женерё» вел себя вызывающе и при малейшем удобном ветре вступал под паруса. Капитан Лажуаль, делая вы-

лазки и лавируя, нащупывал возможность прорваться в море. «Шарлатанствует! — спокойно говорил Федор Федорович. — Стреляет издали, не отдаваясь от крепости, и потом уходит назад».

Но однажды, приблизившись больше обычного, «Женерё» подошел к адмиральскому кораблю и вступил с ним в бой. Дистанция все же оставалась порядочной, и «Св. Павел» мог доставать до противника только навесными выстрелами. Несмотря на это, вскоре обнаружилось его явное превосходство, и Лажуаль возвратился в порт.

На «Женерё» была снесена кормовая галерея и сбит гик¹, так что флаг спустился. Ушаков отдал приказ: «Смотреть, чтобы неприятель под видом пустых заманок к бою не ушел из порта». Но Лажуаль присмирел и больше не выходил.

До конца января он не предпринимал никаких попыток к бегству. Но 25-го корфиоты дали знать Ушакову, что в следующую ночь, если ветер позволит, «Женерё» попытается уйти.

«Лажуаль, — сообщили они, — вычернил на своем корабле паруса, чтобы проскользнуть в темноте незамеченным».

Федор Федорович приказал приготовиться обоим своим батареям и всем кораблям усилить дозор.

Вечером 26-го подул крепкий береговой ветер. На турецких судах наступило время молитвы. Муэдзины с крьюйс-марсов² призывали правоверных к намазу³. Турки собрались на палубах, помолились и тут же вповалку улеглись.

Когда стемнело, сторожевой русский корвет показал сигналом, что из порта вышло военное судно. Тотчас последовал сигнал адмирала: «Итти в погоню и брать в плен!»

Это больше относилось к турецким судам, стоявшим в горле пролива, и в особенности к кораблю Фетих-бея:

¹ Г и к — дерево, укрепленное на бизань-мачте для привязывания нижней кромки паруса.

² К р ю й с - м а р с, или крьюсель-марс, — площадка на бизань-мачте (третьей, задней к корме).

³ Н а м а з — утренняя и вечерняя молитва у мусульман.

только он один не уступил бы французскому в легкости хода и, будучи впереди прочих, мог пересечь ему путь.

Сигнал был несколько раз повторен — отдельно для Фетих-бея. Вдобавок для большей верности Ушаков послал к нему Метаксу.

Загорелся фальшфейер — условный знак, что из-под крепости вышел именно корабль Лажуаля. Вскоре слышалась пальба в проливе: это «Женерё», проходя, вел бой.

В несколько минут он прошел мимо эскадры. Черные паруса его сливались с мраком. Лажуаль миновал турецкие фрегаты, держа курс прямо на их мерцающие огни...

Шлюпка Метаксы подошла к кораблю Фетих-бея. Взобравшись по трапу, лейтенант устремился на палубу и, шагая через тела спящих турок, разыскал каюту, похожую на конуру, куда надо было лезть ползком.

Он нашел Фетих-бея спящим и, разбудив его, передал приказ: немедля итти в погоню. Тучный, заспанный турок приподнялся на своем ложе и сел, щурясь от света свечи.

— Я не берусь уговорить команду, — сказал он зевая, — она ни за что не исполнит приказа.

— Как?! — недоумевая, переспросил Метакса.

— Наши люди не имеют провианта, давно не получали жалованья и, живя в разлуке со своими семьями, сильно ожесточены.

— Противник уходит! — сказал Метакса ледяным тоном. — Приказ надлежит выполнить без промедления!..

Но Фетих-бей зевнул так, что челюсти его затрещали.

— Француз бежит? Что ж тут плохого? Чем гнаться за ним, дуйте ему лучше в паруса!..

Метакса повернулся и кинулся из каюты. Очутившись в шлюпке, он приказал грести изо всей силы, торопясь доложить обо всем Ушакову. Но сделать что-либо было уже поздно. Время оказалось упущенным, и «Женерё» вырвался на простор...

Рано утром Федор Федорович вызвал к себе Фетих-бея. По присутствию Метаксы турок понял, что ему

предстоит выдержать бурю. Но Ушаков встретил его радушно. Он усадил турецкого флагмана в кресло и велел подать кофе.

Потом спросил его о здоровье, осведомился о состоянии корабля и команды и мимоходом заметил, что ветер ночью был очень силен.

Фетих-бей подтвердил, что ветер действительно был очень сильный.

Ушаков кивнул головою:

— Он даже помог ускользнуть противнику, коего вы не пожелали задержать.

Фетих-бей опустил глаза.

Федор Федорович выпятил подбородок.

— Вы отказались исполнить приказ, — тихо сказал он. — Ежели подобное еще раз случится, повешу на ноке рея!..¹ — И, придвинув к турку кофе, добавил: — Не обессудьте, почтеннейший Фетих-бей!..

2

«Крайняя необходимость понудила нас требовать войск албанских... — писал Ушаков Томаре на другой день после бегства «Женерё». — Ежели французы осилят Неапольское владение и приблизятся к Ионическим островам, то могут застать русских атакующих Корфу — при высадке десантов — и прорваться в крепость, которую тогда уже взять будет невозможно... Потому необходимо, чтобы теперь усилили нас войсками и чтобы они во всем мне подчинялись совершенно, не отговаривались бы ничем и были бы они снабжены провиантом, жалованьем и патронами; патронов надобно иметь каждому пять-шесть комплектов... Все такие остановки и замедления повергают меня в крайнее уныние. Я привык дела, мне вверенные, исполнять с поспешностью, а замедления всякие бедствия и худые последствия наводят. Вот, милостивый государь, в каких обстоятельствах я теперь нахожусь».

Слог у Федора Федоровича был тяжелый. Не забо-

¹ Но к рея — окончность рея.

таясь о его красоте, он стремился лишь ясно выразить свои мысли и делал это с тою же силою, с какою думал и говорил.

Обстоятельства его угнетали. Бегство французского корабля прибавило к ним новую горечь: из города поползли разные слухи.

«Говорят, что мы подкуплены!» докладывали ему командиры. Он отвечал, стараясь казаться спокойным: «Я знаю, кто сие говорит»...

За крепостной оградой, в домах корфиотской знати, скрывался противник, более опасный, чем французы. Люди, боявшиеся своего народа и того, что русские народу помогут, — это они распускали об Ушакове скверный слух.

Медлить было нельзя. Следовало торопиться: неприятель мог перебросить сюда свежие силы. Генерал Шампионне «осилил Неапольское владение» и образовал Партенопейскую республику. Федор Федорович еще об этом не знал. Но русский посланник в Неаполе уже требовал немедленной помощи королю Обеих Сицилий, а Павел все настойчивей упоминал о Мальте и недаром прислал Ушакову мальтийский крест.

Он писал ему в Корфу:

«По предложению с нами¹ Английского и Неапольского дворов для занятия Мальты равными силами назначили мы туда два батальона сухопутных войск, коим и повелели быть в готовности в Одессе».

Мальта стала для него теперь важнее, чем все Ионические острова.

По просьбе «благонамеренных членов ордена», Павел объявил себя его великим магистром, а местом пребывания орденского капитула — Петербург.

Отныне орден, возглавляемый императором, должен был вдохновлять дворянство всей Европы на борьбу с «идеей равенства» и революцией.

Мальтийский крест, включенный в государственный герб, появился на всех казенных зданиях столицы. Мальта сделалась знаменем русского царя.

Не забывая и о делах «домашних», он принял меры для охраны внутреннего порядка: ввел строгую цензуру,

¹ То-есть: по сделанному нам предложению.

запретил французские моды и упряжь, изгнал из печати слово «гражданин».

Генералу Герману, посланному с русским корпусом для оказания помощи Австрии, он предписал:

«Остерегайтесь, дабы войска наши чрез сообщение с жителями не заразились духом пагубной вольности и по окончании войны не внесли с собою искры сего пламени в пределах империи нашей».

Наконец он примирился с Суворовым. Великий полководец был назначен предводительствовать русско-австрийской армией, чего усиленно добивался венский двор...

Поле решающих битв перемещалось в Италию.

Ушакову надо было брать Корфу немедленно, иначе французы грозили сковать здесь его силы, а русские корабли могли понадобиться в других местах.

Но у него было все так же мало людей и припасов. Он забрасывал Али-пашу просьбами, но тот лукавил, любезно отвечал на письма, а помощи не присылал.

Ушаков стал требовать. В его посланиях появился оттенок угрозы. Тогда Али признался, что у него есть причина не доверять русским. «Адмирал, — писал он, — должен сражаться против флота, а не осаждать крепости и брать острова».

Это был упрек, попытка обвинить Ушакова в тайном захвате Ионии.

Федор Федорович решил добиться своего любым способом, пустив в ход все средства, и написал Али-паше письмо.

Требую спешной присылки четырехтысячного отряда и обещая щедро оплатить эту помощь, он настойчиво просил дать ему тот или иной ответ:

«Ежели же вы помогать нам не будете, то скажите нам наотказ, тогда мы станем собирать отовсюду людей, откуда только возможно. Я последнего прошу от вас благоприятства: скажите нам единовременно: будете вы нам помогать или нет?..»

Он поручил Метаксе доставить письмо и вместе с ним — ценный подарок. Но прежде чем запечатать пакет, приписал несколько строк:

«Я послан помогать только Блистательной Порте Оттоманской и здесь — помощник, а не хозяин; послан я

с кораблями воевать против флота неприятельского, а против крепостей воюю по случаю открывшихся обстоятельств, и сие не делает мне бесчестья, что я выгоняю из крепостей французов и тем обезопасываю места...»

Паша находился поблизости, на северном берегу пролива, отделявшего Корфу от Албанского побережья. Он явился туда с сильным отрядом и захватил рыбные ловли корфиотов. Ушаков знал об этом, но решил ему не мешать.

Метакса нашел его на бриге у селения Бутринто. Письмо не вызвало у Али никакого интереса, но подарку он обрадовался, как ребенок. Это была табакерка. Изумруды и бриллианты составляли на ней букет цветов.

— Все пойдет на лад! — воскликнул он, любуясь табакеркой, и приказал готовить ответные подарки.

Метаксу нагрузили двумя узлами; в них были серебряные вещи — рукомоёйник, таз, поднос, кофейник, — шелковые кушаки и двенадцать турецких чашек. Паша сказал, что пришлет своего сына уговориться с адмиралом по поводу войск...

Он сдержал слово: его сын на другой же день прибыл на флагманский корабль русской эскадры. Переговоры закончились быстро; всё действительно пошло на лад.

Потом один из капитанов отправился в Бутринто — звать правителя в гости к Ушакову. Али долго отнекивался, говоря, что боится, как бы турки его не убили, но в конце концов уступил.

Вечером он поднялся на палубу «Св. Павла». Ему были отданы почести адмирала. Ушаков представил паше турецких флагманов, и они целовали его полу. После трубок, варенья и кофе Али осмотрел корабль при свете фонарей.

§

От сосновой переборки исходил смолистый дух русского леса. Федор Федорович не дал в Севастополе окрасить каюту — он любил чистое, гладко оструганное дерево, считая его самым приятным для глаз.

Свежий тес, в особенности когда каюту накаляло зноем, распространял запах скипидара, и этот стойкий, родимый запах суши Ушаков возил с собой по морям.

Он любил также медь, и она блистала на корабле, как и в доме его на берегу Севастопольской бухты. Полоса меди была прибита к порогу; к стене привинчены медные крючки для одежды; чернильный прибор на столе и подлокотники кресла были медные, и морской сундук громадных размеров окован медью по углам.

Федор Федорович трудился. Чисто выбритый, отчего у рта резче обозначились легшие за последний месяц складки, он склонял над бумагами утомленное, но все еще моложавое лицо.

Перед ним лежали переведенные Метаксой основные законы Венецианской республики. Он изучал ее государственное устройство, ибо такое же точно устройство (до прихода французов) имели Ионические острова.

Он искал опору, чтобы набросать «план правления» освобожденных островов, уверенный, что и Корфу скоро станет свободным. Он обещал корфиотам помочь в этом деле, дал слово установить справедливость и готовился его сдержать.

В каюте пахло сосною, а через открытый люк проникал еще какой-то другой, пряно-горьковатый запах. Его приносило с берега февральским ветром. Это по всему острову цвел миндаль...

Уже на судах прибывали войска албанского правителя. Али-паша согласился прислать две тысячи человек.

Смуглые, сильные, в алых фесах, камзолах с серебряными латами и войлочных бурках, они имели вид горцев. Все это были воины, неутомимые в походах, отличные стрелки.

Но Ушаков решил лишь в крайнем случае воспользоваться этим резервом. Он не хотел быть обязанным ни туркам, ни Али-паше.

С турками Федор Федорович был теперь более обычного сдержан.

Ни слова упрека, никаких понуждений турецким флагманам! Он стал осторожен. Тонкие сети готовились для него в Стамбуле. Порта и так была недовольна им.

Случай с Пустошкиным явился первым сигналом. Его два корабля, с которыми он пришел к Ушакову, долго стояли в Босфоре — их, несмотря на договор, не хотели пропускать. Впрочем, договор был словесным. Только 23 декабря 1798 года скрепили его на бумаге и наконец пропустили Пустошкина. Россия и Турция впервые договорились о совместной обороне Проливов от общего врага.

Надо было спешить. Русско-австрийские войска еще не начали наступать в Италии, и на юге ее дела шли все хуже. Ушаков уже знал, что занят Неаполь и что король оттуда бежал.

Его министр Антонио Мишру прибыл к союзной эскадре просить об оказании помощи Фердинанду. Федор Федорович ответил, что сможет помочь флотом только после того, как крепость падет.

А пока приходилось беречь заряды, и батареи молчали, не нанося вреда неприятелю. «Недостатки наши во всем беспредельны!» жаловался Ушаков.

И все же, несмотря ни на что, он был совершенно уверен в победе. Его люди еще готовились к штурму, еще было неизвестно, чем завершится дело, а он уже составлял конституцию нового государства — «План правления на освобожденных от французов островах».

4

17 февраля 1799 года Ушаков отдал приказ по эскадре:

«При первом удобном ветре от севера или северо-запада, не упуская ни одного часа, намерен я всем флотом атаковать остров Видо; расположение кораблей и фрегатов, кому где находиться должно, означено на планах, данных господам командирам...»

Штурм был намечен на 18 февраля.

За два дня до срока Федор Федорович разрешил не беречь больше зарядов и вести непрерывный огонь с новопостроенных батарей. Возведенные за последние дни на холме св. Пантелеймона, они сбили пушки с куртины, соединявшей Старую крепость с Новой. Все строения Старой крепости были разрушены, и французам при-

шлось перейти в казематы, защищавшие от ядер и бомб.

Это встревожило генерала Шабо, и он сделал попытку снискать расположение Ушакова. По его приказу, несколько офицеров отправились на эскадру и доставили пленных — русского консула с острова Занте и его секретаря.

Ушаков отнесся к этому настороженно: за вежливостью противника могло скрываться и соглядатайство. Однако французов встретили ласково, их пригласили к столу и затем отпустили назад...

* * *

Двенадцать кораблей и одиннадцать фрегатов были главной силой Ушакова.

Но войск было мало; вовсе отсутствовали осадные пушки.

И он решился на самое опасное дело — бросить на штурм флот.

Морской устав разрешал «иногда, когда того необходимость потребует, подводить под крепостные стены даже линейные корабли».

Но это был риск, грозивший такими потерями, что на него не отваживались еще адмиралы. С другой стороны, атака флотом могла оказаться и очень успешной. Береговым батареям нельзя было выдержать такой поединок: любая из них уступала в силе бортовому залпу одного корабля.

Остров Видо, гористый и покрытый лесом, господствовал над крепостью и над городом. Этот ключ Корфу, сразу же правильно оцененный Ушаковым, имел сильную оборону из пяти батарей...

Вторые сутки дул северо-западный штормовой ветер; он особенно свирепствовал ночью, а к рассвету немного утихал.

Федор Федорович, созвав военный совет, сообщил флагманам и командирам свой план действий: атаковать Корфу и Видо сперва с моря, а затем уже самую крепость с суши; чтобы связать главные силы французов и не дать им возможности перебрасы-

вать десанты на остров — одновременно открыть огонь по крепости с возведенных на берегу батарей.

Западнее города, в порту Гуино, находилось старое адмиралтейство. Порт был занят Ушаковым еще в начале осады, и там ремонтировались союзные корабли. Теперь там снаряжались гребные суда, днем и ночью шла подготовка к десанту. Отряды морских солдат и матросов готовились к штурму на берегу.

Они возвели укрепления, в точности похожие на бастионы острова Видо, насыпали вал, вырыли траншеи и рвы.

Ушаков распоряжался работами, присутствовал на ученье, показывал, как устраивать мосты из досок и лестниц; люди учились забрасывать ямы землею, перетаскивать через рвы десантные пушки, упражнялись в стрельбе и штыковом бою.

Так повторялся опыт Измаила.

Рядовых Федор Федорович сам обучил делу; командирам он дал письменный наказ:

«Гребным судам с десантом промеж собой не тесниться и для того посылать их не все вдруг, а одно за другим. Передовые должны очищать дорогу по берегу, рытвины тотчас забросать землею или чем только возможно... Лестницы и доски могут служить мостами для переправы через выкопанные канавы и рвы... Вместо знамен иметь с собою флаги; флагов же иметь с собою до десяти и их поднимать на взятых батареях... Господам командующим пушки, снаряды, лестницы, доски, топоры, лопатки, веревки иметь в готовности положенными на гребные суда...»

Им было предусмотрено все, до последней мелочи.

Его целью было навязать противнику план штурма, подчинить своей воле весь ход действий. И он составил особые сигналы для атаки Видо и Корфу. Их было сто тридцать два.

5

Утро 18 февраля¹ стало утром штурма. Ветер дул прямо на остров Видо. От небольшого волнения тонкая пена покрывала Корфиотский залив.

¹ 1 марта 1799 года по новому стилю.

Двухдневный шторм уничтожил боны, преграждавшие подступ к островным бухтам; цепи разорвало, а бревна прибило к берегу, и теперь ничто не мешало высадить десант.

На рассвете Ушаков поднял сигнал: «Приготовиться итти атаковать остров!»

Тотчас из порта Гуино вышли лодки и приблизились к кораблям и фрегатам. Суда взяли их к себе на бакштовы¹, и лодки стали у противоположных берегу бортов, укрытые от огня вражеских батарей.

Ушаков взмахнул рукой, и со «Св. Павла» ударила сигнальная пушка. Мгновенно молнии блеснули на обеих русских батареях — огонь открылся против всех укреплений Корфу.

Затем один за другим последовали сигналы флоту: «Атаковать остров Видо!»

«Подойти на картечный выстрел!»

«Стать на якорь шпрингом², чтобы удобнее действовать в желаемые места!»

Подавая пример, «Св. Павел» первый направился к острову, и тотчас же понеслись в атаку два фрегата. За ними двинулся и весь флот.

Адмиральский корабль приблизился к первой батарее, осыпал ее градом ядер, затем подошел ко второй и также дал залп. Он стал против третьей на картечный выстрел, развернувшись к берегу бортом. Так же разворачивались и другие русские корабли, занимая места, которые назначил им адмирал.

Только турки держались в отдалении, не умея быстро повернуться на шпринге. Ушаков знал об этом их недостатке и поставил их во второй линии, позади своих кораблей.

Атакующие суда с трех сторон охватили остров.

За девять лет до этого такой же дугой атаковала русская флотилия батареи Измаила.

¹ Б а к ш т о в — конец, выпускаемый с кормы стоящего на якоре судна для крепления за него шлюпки.

² Ш п р и н г — завезенный с кормы верп, то-есть малый якорь. На шпринг становятся для того, чтобы при любой перемене ветра или течения удержать судно повернутым бортом в желаемом направлении.

Но она шла на веслах. То были лодки, барказы, катера, лансоны.

Против Корфу же начал действия большой флот.

Французы поняли это и растерялись. Затем они кинулись к каленым ядрам. Однако средство это не оправдало надежд.

Чтобы накалить ядро до нужного — вишневого — цвета, требовалось никак не менее часа. Ядер было заготовлено много, но стрельба ими велась медленно. Кроме того, в ствол орудия приходилось класть пыжи из мокрого сена, а от этого порох часто сырея.

Противник не успел выпалить по второму разу, как фрегаты засыпали его картечью. При этом русские суда также терпели от огня.

С высот уже били по ним тяжелые крепостные пушки, а каленые ядра вызвали на фрегатах несколько пожаров. Атака замедлилась, но с адмиральского корабля следили за всем зорко. «Невзирая на опасность, производить действие!» — поднял сигнал Ушаков.

Канонада усилилась. Флот сразу же грозно возвысил голос. Не прошло минуты, и пространство над морем уже все стонало. Воздушные дуги летящих бомб устилались искрами, едва заметными в свете наставшего дня.

«Сбивать стены и укрепления!» — взвился новый сигнал адмирала.

И зелень кустарников на берегу померкла, засыпанная вихрем щебня и пыли. Залпы кораблей ударили по батареям, сбивая с них камень, людей и пушки, обрушивая глыбы скал.

На «Св. Павле» перекликались боцманские дудки. Со всех трех палуб тянуло терпкою пороховою гарью. Люди привычно и быстро чистили стволы, закатывали ядра и наводили. Сизый туман стоял вокруг них.

Федор Федорович ходил по верхнему деку и бросал отрывистые указания комендорам:

— Уменьшить пороху, чтобы выстрелы брали ближе!.. Поднять орудие, чтобы ядра далее шли!..

Вдруг он заметил, что одна из пушек все время стреляет по какой-то ложбине, где совсем нет батарей. Он отыскал наводчика и остановился подле него, наблюдая. Комендор был из новых, «пустошкинский», недавно при-

бывший и взятый на корабль адмирала. Ни фамилии, ни имени его Ушаков не знал.

Матрос работал с азартом и уверенностью человека, отлично изучившего свое дело и не смущающегося тем, что за ним следят.

Ушаков смотрел на него и все более убеждался, что видит этого человека впервые. У него были светлые брови и волосы и лицо белое, уже начавшее припухать от голода; фуфайка зеленого цвета и парусинные брюки в заплатках; шея повязана черным бумажным платком.

— Замечаю: выстрелы недействительны! — строго сказал Федор Федорович. — Ты для чего же по пустому месту стреляешь?!

Матрос замер и вытянулся. Глаза его блеснули; они были синие со слезой.

— Никак нет, ваше превосходительство! Я паю в те места, где можно угадать укрывшегося неприятеля!..

— Гм... Прозорлив! — сказал Федор Федорович и пристально посмотрел наводчику в глаза...

Когда он вышел на шканцы, его встретил Метакса, исполнявший обязанности флаг-капитана.

— Командиры Сенявин, Войнович и Шостак, — озабоченно доложил он, — ведут сильный бой с пятою батареей и французскими судами «Ла-Брюн» и «Леандр».

— Опросите их, нельзя ли подойти к батарее на самое близкое расстояние и сбить оную. Тогда корабли неприятельские будут открыты... Пусть отвечают: красный флаг — на грот-брам-стеннге, означающий «да», то есть «можно», и тот же флаг — на фок-брам-стеннге, ежели нельзя!..

Через несколько минут командиры были опрошены и ответили: все три корабля подняли красный флаг на грот-брам-стеннге, означающий «да»...:

Приближался решительный миг высадки.

Атакующие посылали залп за залпом. А турки по-прежнему держались во второй линии, стреляя изредка — в промежутки между русскими кораблями или через них.

Ушаков хмурился и качал головой, когда, почти касаясь верхушек мачт, низко пролетали турецкие бомбы.

Внезапно глухие удары сотрясли корабельный корпус; это союзный фрегат, стоявший за «Св. Павлом», посадил в его борт два ядра.

— Нас атакуют?! — насмешливо сказал Федор Федорович. — Бесподобно!.. — Он погрозил кулаком турецкому судну и сделал сигнал: «Не в то место стреляешь! Осмотрись!..»

Было одиннадцать часов. Ушакову доложили, что пушки с батареей острова сбиты. Последовал приказ — начать высадку, и люди кинулись на барказы, шлюпки и катера.

Жители заранее указали Ушакову удобные бухты. Шлюпки двинулись вперед под прикрытием барказных и корабельных пушек, удачно пристали там, где было нужно, и матросы быстро вышли на берег сразу в трех местах.

С барказов по сходням спустили орудия, и потерь при этом почти не было. Утонула лишь одна медная пушка — из тех, что султан прислал на эскадру, когда она стояла в Буюк-дере.

К удивлению всех, турки с охотой пошли в атаку. Они разом попрыгали с лодок и, по пояс в воде, побежали к берегу, держа сабли над головою и кинжалы в зубах.

В трех местах начался бой за батареи. Ушаков, припав к подзорной трубе, следил за штурмом. Перед ним мелькали дымки выстрелов, круглые шляпы русских матросов, треуголки и высокие меховые шапки французов.

— Умножить десант! — приказал он флаг-капитану, видя, что отряды высадились и уже ведут на острове бой.

Он управлял штурмом Видо и в то же время — действиями против крепости Корфу. Хриплым голосом произносил он слова команды, и сигналы следовали один за другим:

«Стрелять по кораблям!»

«Стрелять в Старую крепость!»

«Стрелять в Капо-Десидерио!»

«Умножить десант!»

На одной из батарей взметнулось полотнище русского флага.

— Умножить десант более и более!.. — прокричал Ушаков изо всей мочи.

И цветные флажки сигнала мгновенно передали приказ судам...

Две тысячи человек высадились на острове Видо. Это было немного против пяти батарей и сильного гарнизона.

И все же к двум часам дня почти все они были взяты, хотя морякам пришлось штурмовать каждый камень, брать каждую щель.

Тогда последовал сигнал о начале общей атаки крепости, и находившиеся на Корфу войска с лестницами и фашинами поднялись на штурм.

Их первый приступ был отбит. Но высаженные с кораблей десанты позволили усилить натиск, и моряки овладели бастионами Санто-Роко и Сан-Сальваторе. Неприятель перебежал в Сан-Абрамо. Однако в поясе внешних укреплений этот форт был последним. Взяв его, русские заставили противника укрыться в цитадели и тотчас атаковали город с северной стороны.

Теперь и жители приняли участие в деле. Они кинулись на французов, помогая завершить бой.

Корабли въезжали в бастионы.

Моряки и солдаты, усталые и голодные, утверждали бессмертную русскую славу, вступая в твердыню, которую никто еще никогда не брал.

В клубах дыма и пыли лежал перед ними Корфу — древняя Керкира, яблоко раздора в Пелопоннесской войне.

Много веков назад шла здесь упорная борьба народа с местною знатью, и однажды случилось, что народ победил. О великой войне были написаны книги; греки сложили о ней предания и легенды. И вот русские шли по земле — родине этих легенд.

А на шканцах «Св. Павла» стоял хмурый, озабоченный человек, к которому сходились все нити этого небывалого штурма. Он видел всё — большое и малое, обнимал совокупность действий войск и флота, и в то же время самые не идущие к делу мысли рождались в его голове.

Почему-то вспомнились давно слышанные солдатские слова о Суворове, что он «командует палочкой и ею

передает войскам свою силу». Но Федор Федорович вспомнил об этом случайно; он отнюдь не подумал, что та же «палочка» — в руках у него самого.

* * *

Пушки кораблей продолжали громить цитадель Корфу.

Остатки французского гарнизона на острове Видо сдались. На всех батареях были подняты русские и турецкие флаги. Тогда турки начали резню.

Французы кинулись к гребным судам, пытаясь бежать на них в Корфу. Но Сенявин, Войнович и Шостак, сбив 5-ю батарею, уже господствовали в проливе. Они стали топить гребные суда.

А турки брали французоз в плен, тащили на берег и, несмотря на крики «пardon», отрезали им головы. Русские отдавали туркам последние свои деньги, спасая пленным жизнь.

Но число жертв росло. Тогда моряки, построясь в каре, поставили сдавшийся гарнизон в середину и оттеснили своих союзников, направив на них примкнутые штыки.

* * *

Пушки палили. Приближался рассвет, но еще было темно. Три французских офицера вышли из Старой крепости. Один из них держал факел, освещая дорогу, другой — белый флаг.

Русский катер помчал их к «Св. Павлу». Офицеры взошли на корабль. Их провели в каюту главнокомандующего. Федор Федорович, утомленный, рассматривал карту, держа в руке свечу.

Офицер подал письмо. Оно было без конверта и написано наспех косым, нетвердым почерком — рука писавшего, видимо, дрожала:

«Господину Федору Ушакову, командующему русским флотом.

Господин адмирал!

Мы полагаем, что бесполезно подвергать опасности жизнь стольких храбрых русских, турецких и француз-

ских воинов в борьбе за обладание Корфу. Поэтому мы предлагаем вам перемирие на срок, который вы найдете нужным, для установления условий сдачи этой крепости.

Главный комиссар

Дюбуа.

Дивизионный генерал,
Главнокомандующий французскими силами
Шабо».

Усталость сошла с лица Ушакова. Он положил перед собою письмо и сказал с усмешкой:

— Я всегда на приятные разговоры согласен...

И последний сигнал взвился на «Св. Павле»:

«Прекратить и более не стрелять!»

Глава XIV

РЕСПУБЛИКА СЕМИ СОЕДИНЕННЫХ ОСТРОВОВ

«Русские пришли не владычествовать, но охранять».

Ушаков

1

В АВОЕВАНИЕ островов Эгейских¹, — писал Федору Федоровичу посланник Томара, — довершенное вами без армии, без артиллерии и, что больше, без хлеба, представляет не токмо знаменитый воинский подвиг, но и первое в столь долговременную войну отторжение целого члена Республики, наименовавшейся единою и нераздельною».

Выразил свои чувства и Нельсон:

«От всей души поздравляю ваше превосходительство со взятием Корфу и могу уверить вас, что слава оружия верного союзника столь же дорога мне, как и слава моего государя».

Император прислал Ушакову патент на чин полного адмирала, Фердинанд IV — ленту св. Януария, султан Селим — высшую награду Порты: «челенг» — алмазное перо из своей чалмы.

¹ Томара называет Эгейскими Ионические острова.

Но все это мало радовало Федора Федоровича. Было слишком много неприятностей и еще больше хлопот.

Албанский правитель попрежнему досаждал Ушакову.

Хотя русские одни вынесли на себе всю тяжесть штурма, Али-паша не намерен был с этим считаться. Он хотел быть участником взятия крепости и все захваченное в ней делить равноправно пополам. Зная о бедствиях союзного флота при Корфу, он распустил слух, что посылает на остров десятитысячное войско. Но Ушаков известил Порту, что сочтет действия Али-паши бунтом и прикажет топить все его военные суда.

Покоя не было. В повседневной борьбе растрачивались силы.

Приходилось спорить с турками о трофеях. А их было много: пятьсот с лишком пушек, пять с половиной тысяч ружей, корабль, фрегат и восемнадцать разных судов.

Турки взяли себе львиную долю и еще жаловались на корыстолюбие Ушакова. Принужденный оправдываться, он писал Томаре, едва сдерживая возмущение: «Не интересовался нигде ни одною полушкой. Я не живу роскошно, потому и не имею ни в чем нужды».

Но больше всего забот доставили ему корфиоты. Примирить патрициев и народ, или, как говорил Ушаков, «первоклассных» с «нижними классами», оказалось трудно, хотя он и сделал для этого все, что мог.

На собственный риск, не имея на то никаких полномочий, он решил преобразовать освобожденную Ионию и, провозгласив независимое греческое государство под покровительством России и Оттоманской Порты, назвал его Республикой Семи Соединенных Островов¹.

Это был шаг прежде всего дипломатический. Русский адмирал предпринял его, как наиболее удобную меру для того, чтобы сделать острова на время войны нейтральными и оградить их от притязаний некоторых держав.

В числе таких держав на первом месте стояла

¹ То-есть всех Ионических островов: Корфу, Кефалонии, Итаки, Санта-Мавры, Паксоса, Занте, Цериго.

Англия. Турция и Австрия также были непрочь захватить Ионические острова...

Конституция нового государства была составлена Ушаковым по просьбе жителей за несколько дней до штурма.

«Надлежит учредить правление и спокойствие народа, — объявляла она островитянам. — Город Корфу имеет быть главным присутственным местом, и в нем учредить должно Сенат».

Сенат, или Большой Совет, должен был управлять государством. Депутатов в Сенат следовало выбрать от всех островов Ионии, а на каждом из них образовать Малый Совет.

Для избираемых Ушаков сам написал слова присяги. Избирать же предложил «лиц, достигших 24-летнего возраста», объединяя их «в полном союзе со вторым классом», то-есть со всеми имеющими дохода от тридцати до ста червонцев в год.

На первом плане стояло дворянство. И все же это был шаг смелый, ибо Ушаков расширил права сословий, дав место тем, кто его не имел никогда.

Французы во всех учреждениях островов поставили своих комиссаров.

Ушаков поступил иначе — он предоставил грекам самим управлять своей страной.

Все депутаты были записаны в «Золотую книгу».

Появились новые должности, их заняли новые люди — выбранные из всех слоев населения: от дворян, духовенства, купцов, ремесленников и жителей деревень.

Этого оказалось достаточно, чтобы народ почувствовал свою силу. Но дворянство не хотело перед ним отступать.

При французах оно присмирело, утратив часть своих виноградников, оливковых рощ и рыбных промыслов. Французы отдали их народу, и он сперва был доволен новою властью, пока не понял, что страна завоевана и что это — военный постой.

Борьба «верхних» и «нижних» классов вспыхнула, как только Ушаков принялся устраивать новое государство. Его конституция не всем пришлась по душе.

Патриции в алых мантиях торжественно являлись к

русскому адмиралу и благодарили за возвращенную им вольность, но в глазах их светились высокомерие и страх.

Они лукавили, делая вид, что считают его своим заступником, и выражали надежду, что он обуздает деревенских жителей и заставит их отказаться от захваченных дворянских земель.

Они подавали ему прошения, порицая его между строк и высказывая явное свое недовольство.

«Сей остров, — писали они, — всегда будет в беспокойствиях и в возмущениях, пока на оном существовать будет вольнодумство демократическое и не пресекутся грабежи».

Ушаков был учтив и сук, зная цену двоедушию и притворству. Эти люди не хотели его победы при Корфу, и это они сочинили басню, будто он за деньги выпустил «Женерё».

Они прикидывались смиренными, а их прислужники уже вытаскивали припрятанное в погребах оружие и пускали его в ход. Дворянские отряды действовали на городских окраинах и в окрестных селениях. Они врывались в дома «второклассных» и самых бедных жителей и мстили им за померанцевые сады, пашни и виноградники, отнятые у господ при французах.

Их встречали пулей и саблей; с ними тоже рассчитывались за сады, пашни и виноградники, которые они задолго еще до французов сами отняли у бедноты.

На Корфу лилась кровь; на других островах было то же самое. В новом государстве пылала гражданская война.

Но Ушаков твердо решил установить порядок. Он быстро нашел наиболее ярых врагов своей конституции и пригрозил, что посадит их под арест. Патрициям острова Кефалонии он объявил, что двинет для усмирения их эскадру. «Отошлю вас пленниками в Константинополь, — написал он им, — или еще гораздо далее, откуда и вóрон костей ваших не занесет».

Дворянство не осталось в долгу и ответило на это по-своему: оно сильнее потянулось к Али-паше, вступило в переписку с Нельсоном, засыпало посланника Томару письмами и нашло способ продвинуть свои жалобы в Петербург.

Еще в середине февраля отправилась туда делегация для принесения русскому императору благодарности за дарование независимости Ионическим островам. Корфиоты привезли конституцию. При дворе она не понравилась, и над нею крепко задумался Павел, точно так же как задумались министры Порты и султан Селим.

А враги Ушакова старались — строчили из Корфу доносы, писали, что он разжигает сословную рознь. Поклепы их были один тоньше другого. Они обвиняли его во всех своих бедах и сверх того — в сочувствии неприятелю, в излишнем великодушии при заключении условий с генералом Шабо.

Условия были почетны: гарнизон вышел с почестями и высшие чины остались при шпагах. Французы дали слово не участвовать в войне в течение восемнадцати месяцев и были отправлены в свои порты за счет союзных держав.

Федор Федорович этим гордился. О его благородстве говорили французы и англичане. Но в Петербурге взглянули на дело иначе, хотя и отложили его «впрок»...

О попытке Ушакова устроить на Средиземном море республику отзывались с презрительной и недоброй усмешкой. Юный, самонадеянный Кочубей¹, год назад предсказавший, что Федор Федорович не пройдет через Проливы, теперь писал:

«Ушаков не достигнет успеха, не зная ни языка, ни чего бы то ни было, что относится к управлению».

А человек, о котором были столь невысокого мнения, тем временем помогал грекам строить государство и управлять.

Для охраны порядка он создал милицию и обучил ее военному строю. Это было целое войско, достаточно сильное, чтобы и защитить страну извне.

Он уполномочил Сенат «учредить законы», «на всех островах устроить судилища» и «всякий суд производить на греческом языке».

Корфу он сделал кафедральным городом, открыв в нем епископскую кафедру — дав жителям православного епископа, чего у них с XVI века не было.

¹ Кочубей В. П. был в это время вице-канцлером.

Корфиоты говорили: «Впервые чувствуем, что мы греки, а не итальянцы».

Они с признательностью смотрели на русского адмирала и его матросов, которые называли греков просто и коротко: «брат».

И греки тянулись к ним, расспрашивали о России, и у многих появилось желание туда переселиться.

Ушакову пришлось завести целую переписку о добровольно переселяющихся в Новороссийский край...

Было много дела. Он восстанавливал укрепления, ремонтировал свои суда и корабль «Леандр», хотя предвидел, что его придется вернуть англичанам; разбирал бесконечные тяжбы корфиотов и жалобы островитян на Али-пашу.

Больных и раненых он поместил в главный госпиталь города, снабдил их лекарствами, лучшей пищею, завел строгий порядок и образцовую чистоту. Командиры несли в палатах дежурство. Адмирал почти ежедневно навещал госпиталь, вникал во всё, расспрашивал больных об их нуждах, а когда они благодарили его, говорил им: «Вы, ребята, свой долг выполнили, теперь я выполняю свой».

Он был все так же скромн, «не интересовался ни одною полушкою» и пренебрегал трофеями, взятыми у неприятельских войск.

С острова Занте ему прислали подарок — роскошную карету французского генерала. Он поморщился и сказал:

— Она мне вовсе не надобна, ибо на кораблях не в употреблении. А как посылать ее назад не к кому, то лучше отправить к посланнику Томаре — пусть подарит кому-нибудь...

У него не кружилась голова, победы не сделали его кичливым; но он был подавлен сухостью Павла, сдержанностью в оценке своих заслуг.

Получил «адмирала» и только! Ни слова благодарности и никаких наград экипажам! Павел гневался на него за многое и, между прочим, за побег «Женерё».

Страдая за эскадру, Ушаков писал Томаре:

«Мы не желаем никакого награждения, лишь бы только служители наши, столь верно и ревностно служащие, не были бы больны и не умирали с голоду...»

И требовал жалованья, провианта, материалов для спешной починки судов.

В это время его рвали на части: Павел не переставал напоминать о Мальте; Нельсон настойчиво звал в Мессину, коммодор Сидней Смит¹ — к Александрии и Криту. Его звали во все места Средиземного моря — туда, где в нем действительно была необходимость, и туда, где не было в нем нужды.

А ему не хотелось уходить. На Ионических островах обрел он настоящее дело. Он считал своим детищем эту молодую республику и хотя создал ее, не снесясь со своим правительством, и уже чувствовал, что ему придется расплачиваться, старался не думать об этом и довести все до конца.

Его целью было завоевать симпатии населения к своему отечеству. Но он мог добиться этого только при условии, если будут соблюдены интересы более или менее широких масс.

Ушаков не был республиканцем. Адмирал крепостнической России, он лишь честно выполнял свой долг перед родиной, и ему нельзя приписывать какие-либо революционные черты. Но как человек гуманный и великодушный, он сочувствовал народу и проводил строгое различие между французскими оккупационными войсками и населением стран, охваченных революцией. Тут он действовал как мудрый политик и дипломат.

Уходить ему не хотелось. Просьбы о помощи раздражали, так как чаще всего были попытками отвлечь его подальше от Корфу. И Федор Федорович писал Томаре, подробно извещая его обо всем:

«Требования английских начальников морскими силами в напрасные развлечения нашей эскадры я почитаю — не иное что, как они малую дружбу к нам показывают, желают нас от всех настоящих дел отщепить и, просто сказать, заставить ловить мух... Сир-Сидней-Смит² без нашей эскадры силен довольно. С английским отрядом при Александрии, не имея и не зная нигде себе

¹ Коммодор — старший офицер отдельной эскадры. Капитан Сидней Смит командовал отрядом английских судов в турецких водах.

² То-есть сэр Сидней Смит.

неприятеля, требования делает напрасные... Осмелюсь я сказать, в учениках Сир-Сидни-Шмита я не буду, а ему от меня что-либо занять не стыдно...»

И все же Ушакову надо было покинуть Корфу, и он сам это хорошо знал.

Ему было приказано помочь королю Фердинанду и затем идти к Мальте.

Он разделил свои силы, назначил эскадренных командиров и в апреле послал Сорокина к Бриндизи, дав ему несколько фрегатов и десантный отряд.

Уже в Италии сражался Суворов, и его войска покрывали себя славой. Объединяя свои действия с действиями русского флота, он предписал Ушакову послать эскадру в Венецианский залив.

Федор Федорович отправил туда Пустошкина с частью своих кораблей — для крейсерства и блокады Анконы. Но в середине июня ложный слух о появлении сильного французского флота заставил его стянуть все суда к себе.

До конца июля заделывали пробоины, меняли снасти, запасались провиантом. Когда сборы были закончены, Ушаков вышел в море, поручив капитану Алексиано остров Корфу и остающийся при нем флот.

Союзная эскадра — девять кораблей, шесть фрегатов и пять транспортов — взяла курс на Мессину. Она прибыла туда 3 (14) августа, за день до того, как Суворов при Нови наголову разбил французские войска.

2

Ни австрийский император Франц, ни русский император Павел не были поклонниками суворовской «науки побеждать».

Но таковы были слава Суворова и ореол не изменявшего ему «военного счастья», что австрийцы пожелали иметь его своим главнокомандующим, и Павел дал на это согласие.

Но он не забыл, что Суворов — ярый противник его воинского «порядка», и принял особые меры, отправляя его в поход.

Он приказал одному из своих генералов наблюдать

за престарелым фельдмаршалом; за его действиями, «которые могли бы служить ко вреду войск и общего дела, когда он будет слишком увлечен».

Венский двор проявил еще бóльшую осторожность. Император Франц, назначив Суворова главнокомандующим своей армией, произвел его в фельдмаршалы. Как австрийский фельдмаршал, Суворов должен был повиноваться австрийскому императору, а также имперскому военному совету — гофкригсрату. Но он не дал связать себя по рукам.

Когда гофкригсрат представил ему план, на котором движение войск было разработано до реки Адды, Суворов перечеркнул его крест-накрест сверху донизу и даже не пожелал ничего объяснить. Только сказал: «Начну кампанию с Адды, а кончу, где богу будет угодно». У него был план: кампанию закончить во Франции. Но, зная цену своим союзникам, он считал за лучшее их не пугать.

«Полная мочь избранному полководцу, — писал он еще до прибытия в Австрию, — ничего, кроме наступательного; методику — прочь; маневры, марши, контрмарши и все так называемые хитрости оставить бедным академикам. Замедление, ложная осторожность и зависть суть головы Медузы, окаменяющие войну и политику. План: итти прямо в Париж...»

Обстановка складывалась благоприятно.

Северная армия французов (до двадцати восьми тысяч под начальством Шерэра) отходила за Адду, и занятые неприятельскими гарнизонами крепости были предоставлены самим себе. Сорокатысячная армия Макдональда подавляла восстание в Неаполитанском королевстве, а шестьдесят тысяч под командой Массена отступали в Швейцарию после неудачной попытки занять Тироль.

Союзники располагали стотысячной армией; две трети ее уже были в сборе. Заветное желание Суворова исполнялось — он шел на противника, о встрече с которым помышлял давно.

Свой первый удар он наметил по линии Брешиа — Милан, чтобы разорвать сообщение Шерера с Массена, войти в связь с рейнской армией австрийцев и продвигнуться к Савойе — ключу Швейцарских Альп.

4 апреля он прибыл к войскам в Валеджио. Надо было прежде всего поднять дух австрийцев и переменить ту тактику, какой они держались со времен Семилетней войны. Их боевой порядок был устаревшим (две линии батальонов с конницею на флангах); они не умели маневрировать на пересеченной местности и боялись штыковых атак.

Суворов велел своим офицерам обучить австрийцев «тайнству побиения неприятеля холодным оружием» и отучить их от «ретирад»¹.

Это обидело союзных генералов. Сторонники медлительности, «военных хитростей» и проволочек, они стали открыто выражать свою неприязнь к русским, когда главнокомандующий поднял войска в поход.

Фельдмаршал Мелас сказался больным после первых же стремительных переходов, но Суворов послал ему приказ:

«До моего сведения дошли жалобы, что пехота промочила ноги. Виною тому погода... За хорошей погодой гоняются женщины, щеголи да ленивцы...»

Ему было все равно, кто перед ним — фельдмаршал или солдат...

Он начал с Брешии. Это был почин кампании, сразу же ободривший австрийцев. Крепость быстро сдалась, атакованная с трех сторон.

14 апреля войска развернулись на берегу Адды.

Во время форсирования реки был смещен Шерер, французский главнокомандующий, и его место занял Моро.

Он был смел и талантлив, но ему не удалось удержать переправу. Суворов, перейдя Адду, написал в Вену: «Тако и другие реки в свете все преходимы», и продолжал марш на юг.

17-го был взят Милан; его гарнизон укрылся в цитадели.

Суворов учредил временное итальянское правительство; но Мелас, которому он предоставил все дальнейшее, тотчас же ввел австрийские порядки и возбудил против себя народ.

Моро отступал, но Суворов его не преследовал. По-

¹ Р е т и р а д а — отступление.

лучив неверное известие о появлении главных сил Макдональда, он пошел, чтобы встретить его, к реке По.

Перед этим он дал понять гофкригсрату, что имеет план общего наступления в пределы Франции. Ему было отвечено от имени императора: ограничиться овладением крепостей и обороной завоеванного, ни о каком общем наступлении не думать и отнюдь не переходить на правый берег По.

Но рескрипт не застал Суворова в Милане. Он уже был за рекой, переходить которую ему запрещалось, и занимал позицию между Макдональдом и Моро. Но ни того, ни другого не было видно. Лишь через месяц выяснилось, что первый еще не покинул Средней Италии, а второй прикрывает подступы к Турину и главные проходы Апеннин.

Суворов двинулся против Моро, но тот отступил в Генуэзскую Ривьеру. Тогда войска направились к Турину — столице Сардинского королевства, важнейшему узлу Пьемонта. 15 мая Турин пал.

Произошло то же, что и в Милане: гарнизон заперся в цитадели. Суворов восстановил пьемонтскую армию, весь прежний, дофранцузский, порядок и даже прежних должностных лиц. Подобные действия не могли понравиться в Вене: русский фельдмаршал возрождал независимость Сардинского королевства, Австрия же хотела его присоединить.

Новый рескрипт объявил Суворову, что он не должен вмешиваться в управление страной; вновь предписывалось не предпринимать наступательных действий и продолжать лишь осаду Мантуи и цитаделей занятых городов.

Руки Суворова оказались связаны. Ему не давали кончить дело на севере и двигаться дальше — на юг, к Генуе. «Везде гофкригсрат, — твердил он с негодованием, — неискоренимая привычка битым быть!»

Принужденный к бездействию, он простоял две недели в Турине, пока не узнал о приближении сильных колонн Макдональда. Это было до того неожиданно, что австрийцы уже приготовились к бегству. Но Суворов воздействовал на них приказом: «Неприятельскую армию взять в полон!..»

Совершив беспримерный марш навстречу противни-

ку, доведя быстроту до последней возможности, он встретил Макдональда на берегу Треббии и разбил его в трехдневном бою.

Война решалась в Италии. Неприятель терял эту страну, и его собственные границы были в опасности. Суворов одолевал французскую армию, и вся Европа смотрела на него...

Он снова потребовал похода на Геную, но получил тот же ответ, что и раньше. Решимость русского полководца была чужда австрийским министрам. Напрасно доказывал он, что войну надо кончить в Париже и что «лучше одна кампания вместо десяти».

Он написал Павлу, прося, чтобы его отозвали из Италии, но Павел принял сторону Вены. Пришлось смириться и выжидать.

И он провел шесть недель, выжидая, разрабатывая план отложенного похода и деятельно подготавливая самый поход. В Ливорно и Пизе устроил он провиантские магазины — базу для будущих военных действий — и обратился к Ушакову с просьбой блокировать флотом Геную, чтобы «оголодить» французские войска.

Свой план он несколько раз переделывал и наконец решил наступать через Тендский проход к Ницце. Такое движение отрезало французам пути отхода с Ривьеры. Это был план № 3.

В середине июля сдались Миланская и Туринская цитадели, а затем Александрия и Мантуя — к великому удовольствию венского двора. Италия была завоевана, и в Австрии сочли кампанию завершенной. Но для Суворова она только начиналась. Он должен был довести ее до конца.

Крепости пали — исчез главный довод австрийцев, позволявший им удерживать Суворова от движения на юг.

Не получая новых приказов, он почувствовал себя свободным и 20 июля написал Меласу:

«Заклинаю ваше превосходительство употребить все полномочия и всю силу вашу, чтобы приготовления, необходимые для действия в Ривьере, совершенно окончены были в течение десяти дней».

Но он не знал, что делается у него за спиной — что венский двор уже тайно принял решение убрать из Ита-

лии русские войска. Их собирались перебросить в Швейцарию, где австрийцы в это время стали терпеть неудачи. Император Франц ожидал лишь согласия Павла, чтобы объявить Суворову этот приказ.

А войска уже были готовы к походу. Наступление началось на 4 августа. Но противник сам начал наступать.

Жубёр, новый французский главнокомандующий, усилив армии Моро и Макдональда, перешел горы, отделявшие его от союзных войск.

У деревни Нови произошло сражение. Жубер пал в самом начале боя. Французы дрались геройски. Но Суворов сломил сопротивление, взшел на неприступные высоты и добился победы обходным движением войск.

Неприятель отступил. Отступление быстро перешло в бегство, и разбитые колонны хлынули на Ривьеру, занимая оборону горных теснин.

Суворов не преследовал их и стал лагерем при Асти: двигаться дальше он не мог.

Из Вены пришло предписание: воздержаться от дальнейших действий. Мало того — подчиненные ему австрийские части отзывались в другие места...

Он был на вершине своей европейской славы. В Англии о нем слагали стихи и носили медали с его изображением.

«Именно так, — писал в эти дни английский министр иностранных дел лорд Гренвилль, — следовало бы вести войну повсюду, а не парализовать интригами храбрую армию, которая горит желанием померяться с врагом».

3

Посланная из Корфу эскадра Сорокина, подойдя 22 апреля к Бриндизи, застала неприятельский гарнизон врасплох.

Комендант и приехавшие для сбора контрибуции комиссары в это время как раз собирались обедать. Они бросили деньги и вещи, собранные с населения, и пустились бежать, едва успев сесть на суда.

От Бриндизи Сорокин пошел на север. Жители тол-

нами выбегали навстречу эскадре. Прибрежные замки салютовали ей.

10 мая была занята Манфредония. Капитан-лейтенант Белли, имея всего шестьсот русских солдат и матросов, двинулся в глубь страны.

У французов не было сил. Макдональд в эти дни выступил навстречу Суворову, и Партенонейская республика осталась почти без французских войск.

А к русскому отряду присоединялись «ополченцы» наместника короля — кардинала Руффо. Это были люди, поднятые им на защиту трона, — темный, невежественный и жаждущий крови сброд.

Страна дворян и священников — бывшее Неаполитанское королевство переживало революцию, которую принесли французы. Провозглашение республики всколыхнуло душу народа и разделило юг Италии на врагов и приверженцев короля.

Кардинал Руффо собрал в Калабрии войско. Дворянские прихвостни, бродяги, нанятые на королевские деньги, шли резать французов и неаполитанцев, считая, что разницы между ними нет.

Кардинал встретил Белли на пути к столице и просил обуздать его буйную «армию». Русские офицеры взялись было навести в ней порядок, но быстро убедились, что этого добиться нельзя.

Французы преграждали отряду дорогу, но попытки их были тщетны, хотя они и бросали в бой все свои силы. Горсть русских пересекла страну от Адриатики до Тирренского моря и 1 июня увидела Неаполитанский залив. Белли подошел к Неаполю со стороны Везувия, овладел городом Портичи у его подошвы и взял форт Гранателло, выбив из него гарнизон.

После нескольких жарких схваток французы укрылись в городских фортах. Тысяча пятьсот патриотов заперлись там же. Дети юной республики уже не считали французов своими друзьями, но перед лицом общей опасности решили разделить с ними судьбу.

«Ополченцы» кардинала Руффо ворвались в город, и началась кровавая расправа. Вся муть Неаполя поднялась на поверхность. Грабежи и убийства продолжались восемь суток, и восемь суток русские укрощали ярость мстителей, спасая всех, кого только могли.

Так был спасен композитор Чимароза. Он написал музыку для республиканского гимна. За это королевские громилы разбили его клавесины и бросили в тюрьму его самого.

Но Чимароза провел три года в России. Русские офицеры были наслышаны о его искусстве. Во главе с Белли явились они за ним в подземелье и вырвали его из рук палачей...

9 июня был взят один из замков — Кастель-Нуово.

С начала высадки русские не понесли почти никаких потерь.

Министр Мишрú, находившийся при десантном отряде, сообщил в Петербург неаполитанскому посланнику:

«Весь урон состоит в одном офицере и шести рядовых убитых — потеря ничем не наградимая, ибо каждый россиянин есть герой...»

Два других замка были в осаде. С суши их блокировал капитан-лейтенант Белли, а с моря — английский коммодор Фут.

Его суда заставили сдаться прибрежную крепостцу Кастелламаре. Истошив припасы, сложили затем оружие и защитники фортов Кастель-дель-Ово и Святого Эльма. Белли, Фут и кардинал Руффо подписали условия капитуляции, в которых важнейшими были статьи:

«Личность и достоинство каждого, входящего в состав обоих гарнизонов, будут пощажены и неприкосновенны.

Все названные лица могут либо отправиться в Тулон, либо остаться в Неаполе, где обеспечивается неприкосновенность для них и для их семей».

Но еще не просохли чернила, а на замках и английских судах еще развевались переговорные флаги, когда на взморье показалась эскадра. Это был Нельсон, прибывший из Палермо. С его корабля последовал сигнал коммодору Футу: «Спустить переговорный флаг!»

Нельсон был раздражен. Он рассчитывал опередить русских в Неаполе, но опоздал из-за приготовлений эскадры. Его корабли подоспели к столице уже после того, как Белли ее освободил.

Вместе с Нельсоном прибыл английский посланник Вильям Гамильтон со своею супругой леди Эммой. Эта женщина была доверенным лицом неаполитанской коро-

левы, ненавидела республиканцев и очень многое решала при королевском дворе...

Флаги были спущены; условия, подписанные союзными командующими, объявлены недействительными. Патриотов распределили по судам, назначенным для перевозки их во Францию, и каждое из них было поставлено на якорь под пушками английского корабля.

Прибыл король Фердинанд и объявил, что в его намерения никогда не входило вступить в соглашение с бунтовщиками.

После этого начала действовать Юнта — временный верховный суд для истребления «бунтовщиков».

В течение нескольких дней погибли славнейшие: составитель неаполитанской конституции Марио Пагано; редактор первой газеты в Неаполе Элеонора Фонсека; любимцы народа Джендзано, Матэра и еще много, много других.

Коммодор Фут счел благоразумным подать в отставку. Но это ничуть не изменило дела. Республиканцев топили, вешали и расстреливали картечью. И они умирали, предсказывая, что когда-нибудь Неаполь станет свободным, а их смерть послужит к просвещению родной страны.

Сторонники короля в корзинах с фруктами приносили Нельсону головы республиканцев.

Пленные французы не избежали бы той же участи, если бы этому не воспротивился Белли, русский капитан-лейтенант.

В эти дни дома, занятые его моряками, стали единственным убежищем для людей, искавших спасения.

В городе сводились личные счеты; жертвы доносов переполняли тюрьмы. Белли хлопотал перед Юнтою и для одних добивался помилования, другим же тайно помогал бежать...

Верховный суд приговорил к пожизненному заключению Карачоло, престарелого адмирала республиканского флота. Нельсон отменил приговор и приказал повесить Карачоло на рее собственного его корабля.

Осужденный просил одного английского лейтенанта ходатайствовать за него перед леди Эммой: он умолял заменить ему петлю пулей. Но леди Эмма не приняла

лейтенанта, запершись в своей каюте, и вышла из нее только для того, чтобы увидеть казнь.

В субботу 18 (29) июня Нельсон записал в своем дневнике:

«Ветер тихий. Облачно. На рейд пришли португальский корабль «Рэнья» и бриг «Баллон». Созван военный суд. На неаполитанском фрегате «Минерва» судим, осужден и повешен Франческо Карачоло».

Партенопейская республика тонула в крови...

4

«Милостивый государь мой Федор Федорович! — извещал Ушакова Суворов. — Александрийская¹ цитадель защищалась одиннадцать дней упорно, наконец принуждена сдаться на дискрецию², а гарнизон — военнопленным.

Обратив теперь виды свои на Геную, выступаю я в поход.

Ваше превосходительство, покорнейше прошу принять попечительные и благоразумные, свойственные вам меры, дабы оголодить сию распутно-зловредную армию. Извольте знать, что генуэзцы кормятся сами из чужих мест: особливо из Африки и Архипелага; союзные флоты ныне господя моря и легко в том препятствие утвердить могут»...

Письмо это Ушаков получил в Мессине, где бросили якорь суда обеих эскадр.

Федор Федорович решил было отделить от своих сил два крупных отряда и послать один к Неаполю — в распоряжение Белли, а другой, по просьбе Суворова, — в Генуэзский залив.

Но тут взбунтовались турки, заявив, что не станут отделяться от своего флота и что вообще плавание им надоело и они намерены итти домой.

Ушакову стоило большого труда их успокоить, и посылать после этого турок он уже не решился. К Генуе

¹ То-есть Алессандрийская.

² Сдаться на дискрецию — сдаться на милость победителя.

был отправлен Пустошкин всего с двумя кораблями, а к столице королевства — Сорокин с подкреплением также из двух судов.

Федор Федорович уже знал о событиях, происшедших в Неаполе, и при мысли о встрече с Нельсоном ему становилось не по себе.

Он невольно думал о том, что дела на Ионических островах могли обернуться совершенно иначе, если бы в освобождении их принял участие этот британский адмирал. Он представлял себе расправу с жителями, набравшимися «вольного французского духа», торжество патрициев над народом и «порядок», поддержанный пушками англичан...

Под жарким мессинским небом стояли корабли, готовые к переходу в Палермо. Федор Федорович ожидал лишь известия о возвращении туда Нельсона и короля.

Из Петербурга получались рескрипты; тон их был неизменно холодный. Ушаков ясно видел, что им недовольны, и писал Томаре, теряясь в догадках, не чувствуя за собой никакой вины:

«Душою и всем моим состоянием предан службе... Зависть, быть может, против меня действует за Корфу; я и слова благоприятного никакого не получил... Что сему причиною, не знаю...»

Он знал лишь, что взятие Корфу «принято с неприятностью», и недоумевал, как можно порицать его за «столь славное дело, которое на будущее время эпохою может служить».

5

Лоция, называя бухту Палермо прекрасной, предостерегала: «Входя, должно избегать сетей».

Но сети палермских рыбаков мало смущали Ушакова. Его тревожила предстоящая встреча с союзниками: он предвидел с их стороны помехи более опасные, чем нехитрая рыбацья сеть.

10 (21) августа он пришел в Палермо и стал на якорь. Команды сошли на берег и разбрелись по улицам и площадям.

Город веселился. Толпы народа разгуливали у моря. Ветер колыхал фестоны широких навесов. В лавках взды-

мались горы лимонов и апельсинов и блистали вазы с золотыми рыбками. Было совсем не похоже, что в стране война...

* * *

12-го (23) Ушаков прибыл на совещание. Оно было назначено на флагманском корабле Нельсона «Фудройане», служившем его главной квартирой, а также местом пребывания короля.

Адмиральский салон, освещенный через окна кормовой галереи, имел торжественный, как и подобало этому дню, вид. Солнце горело на золоченых рамах портретов, с которых строго смотрели британские адмиралы; офицеры королевской свиты стояли, обнажив шпаги; на стенах висели флаги союзных держав.

Кроме Нельсона, присутствовали: король Фердинанд и королева Каролина, английский посланник Гамильтон и леди Эмма. Переводчиком был Метакса.

Ушаков приветствовал короля от имени императора Павла и выслушал ответное приветствие, составленное почти в тех же самых словах.

После этого поднялся Нельсон и, держа свою единственную — левую — руку у сердца, сказал, обращаясь к Ушакову:

— Сэр! Позвольте уверить вас в счастье, которое я испытываю, находясь ныне рядом с вами. Вы — один из славнейших адмиралов в свете, увенчанный столькими морскими победами, мой брат по оружию, и мой долг — поступать с вами по-братски всегда...

Федор Федорович наклонил голову и ответил:

— Я воспользовался первым попутным ветром, чтобы лично выразить вам свое уважение и преданность. Благоприятство и похвала в устах героя Абукирской битвы — для меня большая честь. Они свидетельствуют, что знаменитая английская нация любит ценить достоинства и что братские чувства между союзниками суть основание их побед...

Обменявшись любезностями, они перешли к делу. Нельсон, неловко придерживая рукою лист бумаги, стал излагать диспозицию своей эскадры, подробно объясняя, где и для какой цели расположены его суда.

Федор Федорович слушал его неторопливую речь,

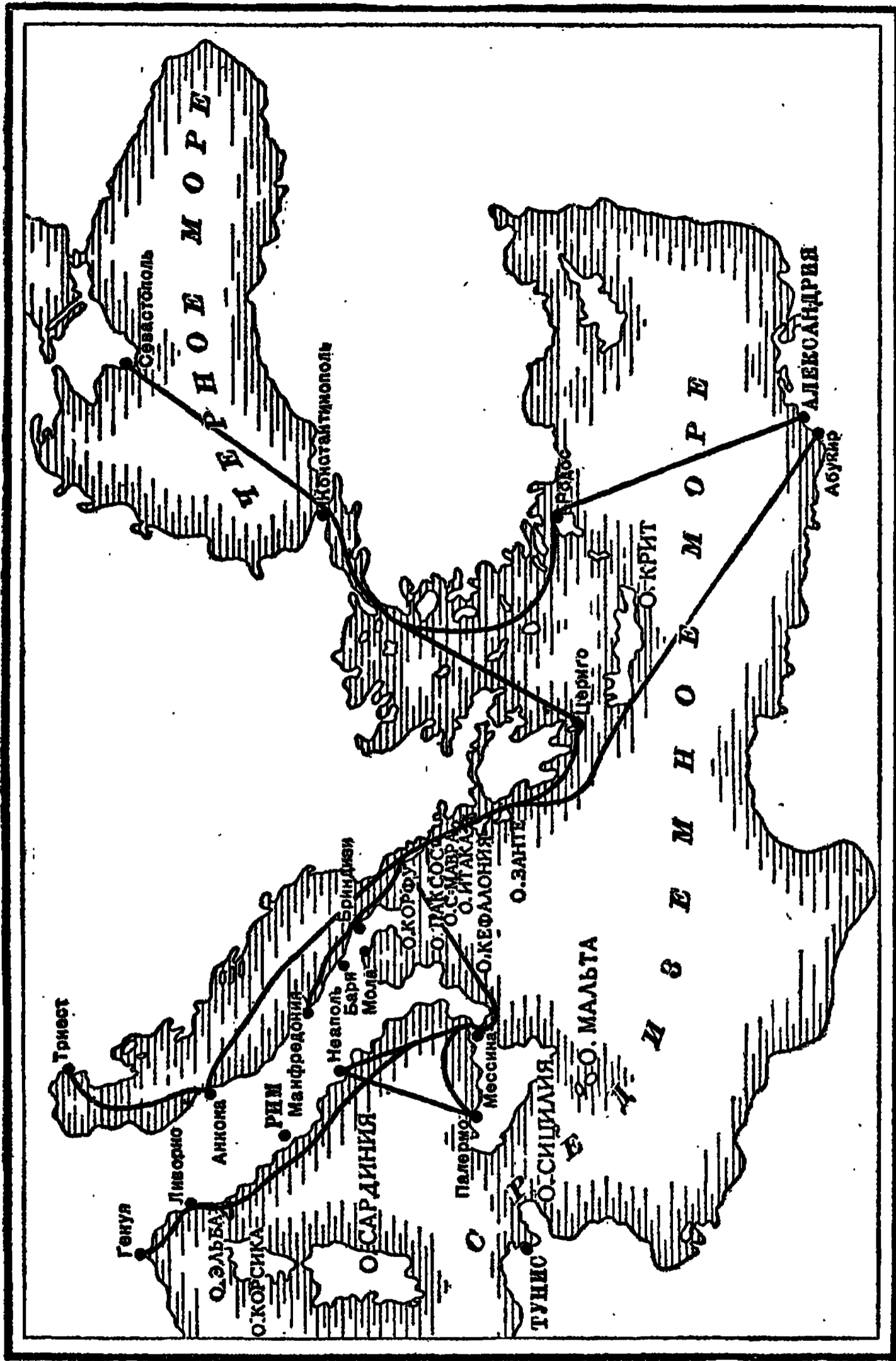
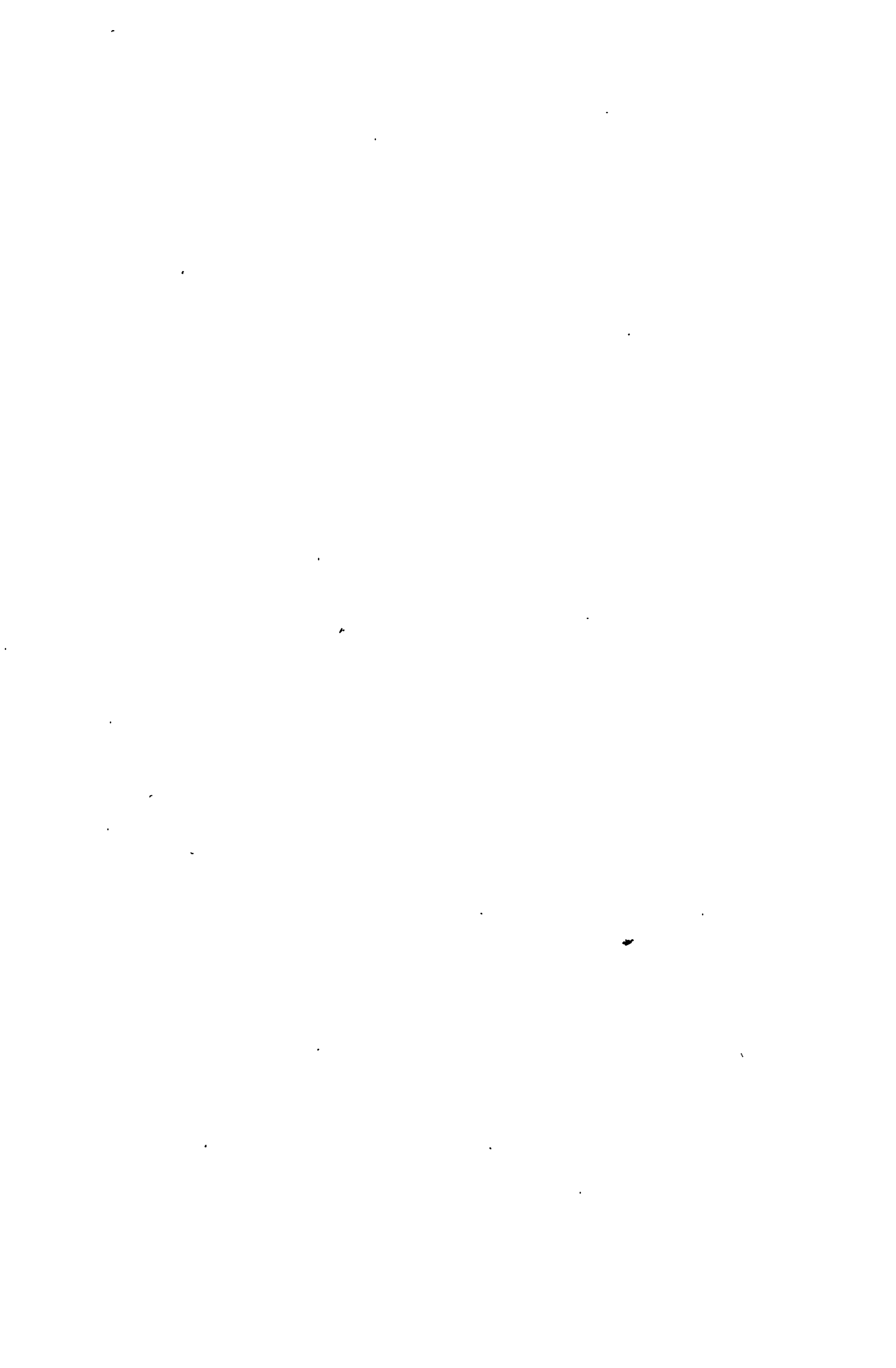

Схема главнейших передвижений отрядов эскадры Ушакова в Средиземном море (1798-1800 гг.).

скрипучий негромкий голос и, дожидаясь перевода, старался не отрывать взгляда от Нельсона, чтобы не смотреть на других.

Зато на него самого смотрели во все глаза: и равнодушный, чуть-чуть насмешливый Гамильтон, и вызывающе красивая леди Эмма, и болезненный, хилый король, и властная, с лицом фурии королева Каролина. Она была сестрой казненной французской королевы Марии-Антуанетты и в своей спальне держала картину, изображающую гильотину, — в напоминание о мести за кровь сестры.

Они смотрели на русского адмирала, а он сидел не шевелясь, словно мундир на нем был чугунный; его орден и знаки сияли; на черной ленте в петлице висел золотой мальтийский крест...

— Шесть моих кораблей, — говорил Нельсон, — недавно пришли из Египта. Это — «Каллоден», «Зилёуз», «Свифтшур», «Лайон», «Тайгер», «Персей». При Мальте — четыре корабля и четыре фрегата, все они нуждаются в исправлениях. Два португальских судна имею я в Палермо. У Чивита-Веккиа — небольшая крейсерская эскадра, и у Неаполя — вместе с прибывшими — десять кораблей...

Он говорил, держа голову несколько набок, так как смотреть прямо ему мешало отсутствие глаза. Светлые волосы его были спутаны, и прядь их спускалась почти к переносице, закрывая полученный при Абукире шрам.

— Я намереваюсь, — разъяснял он, — послать семь кораблей в Гибралтар и четыре к Минорке. Но мой друг коммодор Траубридж, который стоит с эскадрой в Неаполе, не может его оставить, пока на смену не придут другие суда...

— Чьи же? — спросил Федор Федорович.

— Крайне желательно, чтобы это были ваши... Беспорядок в стране продолжается, и уже дважды были открыты заговоры. Войска же кардинала Руффо не в силах водворить тишину.

Федор Федорович сказал:

— Имея повеление моего государя, должен я предпочесть иной план действий.

— А именно?

— Я ожидаю войск десантных, и мое предложение —

как только войска придут, совместно идти к Мальте, ибо гарнизон неприятельский там весьма стеснен.

Косой луч солнца падал на грудь Ушакова. Ордена его искрились, переливались, и вспыхивал белым огоньком золотой мальтийский крест.

Не отрывая взгляда от белого огонька, Нельсон произнес решительным тоном:

— Мальта — потом!.. Я сейчас не располагаю для нее кораблями. Они нужны, чтобы охранять море от сильного еще врага.

— Осмелюсь заметить, — возразил Федор Федорович, — что судов у нас достаточно. С приходом русско-турецкой эскадры союзные флоты — господа моря. Я ссылаюсь в том на письмо фельдмаршала Суворова, которое имел счастье незадолго перед сим получить.

Нельсон поморщился и по привычке вытянул губы.

— До господства еще далеко!.. А что касается Мальты — там действительно держится одна только крепость Ла-Валетта. — И он добавил, подчеркивая каждое слово: — Неаполитанский и британский флаги уже развеваются на острове во многих местах.

— По смыслу союза, — сказал Федор Федорович, — Мальту следует занять равными силами. Стало быть, там надлежит развеяться и российскому флагу.

— Это — увы! — невозможно.

— По какой причине?

— Жители Мальты с согласия его сицилийского величества отдались покровительству Великобритании.

— Смею напомнить, что покровителем Мальты является также российский император — верховный глава ордена, его великий магистр!

— Это может привести нас к ненужным и долгим спорам...

Федор Федорович покраснел и выпятил подбородок.

— Тогда я немедленно возвращаюсь в Корфу! — И он уперся ладонями в ручки кресла с явным намерением встать.

Ему было досадно. Все портила Мальта, которая весьма мало его привлекала. Но дело приняло оборот, оскорбительный для чести России, а это была честь его самого.

— Я возвращаюсь! — повторил он твердо.

Тогда королева метнула взгляд на короля Фердинанда, и он, улыбнувшись Федору Федоровичу, заговорил:

— Российский флаг, конечно, может быть поднят, и я даю на это свое соизволение. Но прошу вас, прежде чем вы пойдете к Мальте, помочь моему королевству и мне...

Король продолжал просительным тоном, мало подобающим его сану:

— Народ не хочет обуздаться законами и повиноваться истинному правосудию. Мятежники вновь пытаются овладеть столицей. Поэтому необходимо присутствие в ней вашей эскадры и ваших войск. Я также предлагаю вам доверенность на освобождение от французов Рима. Сам я не могу ничего предпринять и вас прошу подать мне помощь!..

Ушаков соображал. Предложение было заманчивым и не нарушало предписаний императора Павла. Поход на Рим позволял лучше подготовиться к Мальте — запастись провиант и дожидаться прибытия войск.

С минуту длилось молчание. Затем Федор Федорович повернулся к Метаксе, стоявшему подле его кресла, взял у него папку с бумагами и положил ее перед собою на стол.

— Если подкрепления, — сказал он, — придут в ближайшее время, я отправлюсь к Мальте; если же они запоздают, соглашусь я исполнить просьбу высочайшего двора... Но должен сказать, что мне потребуется полная мочь как в делах военных, так и в гражданских... — Тут он вынул из папки лист голубоватой бумаги, мелко исписанный с обеих сторон. — Я имею донесения из Неаполя обо всех бывших там происшествиях... Российский «Устав морской» говорит: «Никто да не дерзает убить пленных, которым уже пощада обещана». Между тем обещания оказались нарушены, и через это последовала во всем расстройство...

Ушаков взглянул на Нельсона и поразился происшедшей в нем перемене: английский адмирал слушал без всякой любезности, с совершенно другим — жестким, спесивым лицом.

— Множество людей замешано в революции, — говорил Федор Федорович. — Они содержатся в тюрьмах; многие уже казнены, а других ожидает казнь. Их друзья

и родственники в отчаянии составляют заговоры, отчего лишь умножается беспорядок. Не лучше ли бы поступить с кротостью и тем утишить народную бурю?..

Нельсон с сомнением покачал головою.

— Я могу привести пример, — с силой сказал Федор Федорович: — республику, учрежденную мной на Ионических островах!..

Лица у сидевших за столом вытянулись и, как по команде, приняли холодное выражение. Это был вид отчужденности, замкнутости, казалось говоривший: «Мы не учреждаем республик, напротив — стремимся их искоренить».

Метакса бесстрастно произносил слова перевода. Он делал это искусно, точно всю жизнь был переводчиком: можно было подумать, что присутствует один его голос, а его самого как бы нет в салоне совсем.

Эмма Гамильтон выжидательно смотрела на Нельсона. Взгляд ее почти приказывал дать отпор Ушакову. Было известно, что сердце английского адмирала находится в ее власти и что он вместе со своим флотом отдан ею в руки сицилийского двора.

Она перевела взгляд на Федора Федоровича, затем опять на Нельсона и снова на Ушакова, как бы сравнивая между собою двух героев — одного, которого она слишком хорошо знала, с другим, который был для нее непостижим...

— Каковы же ваши условия? — проговорил Нельсон. — Должен признаться, они для меня неясны.

— Генеральное прощение республиканцам!.. — раздельно произнес Федор Федорович. — На нем настаиваю и без оно не смогу я ничего совершить!

— Это выше моих сил, — тихо сказал король.

— Им нет прощения! — вырвалось у королевы.

— В таком случае, я возвращаюсь! — И Федор Федорович, сложив бумаги, отдал их Метаксе.

Вторично наступило молчание.

Королева опять взглянула на короля, и Фердинанд сказал Ушакову:

— Если иного выхода нет, я согласен. Обещаю дать генеральное прощение мятежникам... Когда вы полагаете отбыть в Неаполь?

— Дней через семь или восемь.

— Тогда будем надеяться, что все споры улажены...
И король с королевой поднялись со своих мест.

Когда они удалились, Федор Федорович откланялся и в сопровождении Метаксы вышел. Гамильтоны удивленно посмотрели ему вслед.

С усталым лицом, оттопырив губы, сидел Нельсон, устремив задумчивый взгляд в пространство.

— Каков адмирал? — с улыбкой спросил Гамильтон. — Что скажете, сэр Горацио?

Нельсон быстро повернул к нему голову и стукнул по столу маленьким кулаком.

— Медведь!.. — произнес он сквозь зубы. — Медведь, скрывающийся под маскою вежливости. Держать себя так высоко — это отвратительно!.. На каждом шагу: «Я ворочусь в Корфу!» И его подозрительность!.. Думает, что мы всё делаем для себя!..

Гамильтон улыбнулся еще шире и сказал прищурясь:

— Русских вообще провести трудно. Но вы уверены, что он не пойдет к Мальте?

— Нет, не уверен! И надо ослабить его силы, чтобы он туда не пошел!

— Каким образом?!

— Отделив от него турок. Они, кстати, уже бунтовали в Мессине.

— Не представляю себе...

— Я это берусь устроить. Турок — нам брат, он все сделает, чего бы мы ни пожелали.

Гамильтон перестал улыбаться и серьезно сказал:

— А все-таки он тверд, этот адмирал! И, кажется, на море таков же, как и на суше...

Леди Эмма с любопытством взглянула на Нельсона.

— Не думаю, — возразил он. — Русские вообще моряки плохие. Взгляните на их корабли — они едва могут держаться в море. Я не колеблясь атаковал бы их авангард!

— Но, приветствуя Ушакова, — лукаво заметил Гамильтон, — вы как будто отдали должное его искусству...

Нельсон презрительно сжал губы.

— Вежливость!.. — ответил он хрипло. — Вежливость, сэр Вильям, не более того!

12 (23) августа, в тот самый день, когда союзники совещались на борту «Фудройана», англичане разомкнули цепь блокады у берегов Египта и дали Бонапарту возможность бежать.

Это сделал Сидней Смит, начальник эскадры, крейсировавшей у Александрии. Он посетил запертого там Бонапарта, «был очарован» его любезностью и разрешил ему отправить во Францию три корабля.

Этого было достаточно для бегства одного человека, а по расчету Сиднея Смита — и для того, чтобы кончить войну.

Английский коммодор был уверен, что англичане легко заключат мир с Бонапартом, если он придет к власти.

Не все в Англии так полагали. Одни настаивали, что этого генерала нельзя выпускать из Египта, другие же надеялись, что «общий любимец» покончит с республикой и восстановит монархию; они лишь не думали, что он восстановит ее для себя...

* * *

Спустя одиннадцать дней Суворов получил «крушительное известие». Готовившееся предательство совершилось: эрцгерцог Карл, командовавший австрийской армией в Швейцарии, бросил оборону двухсотверстной линии, поставив русский корпус Римского-Корсакова под удар французских войск.

Корпус стоял у Цюриха: Двадцать четыре тысячи русских оказались перед превосходящим их втрое противником. Суворову пришлось спешить на помощь. «Иду, иду! — воскликнул он выступая. — Но горе тем, которые посылают меня!..»

Австрийцы добились своего — выманили его из Италии. Они не думали о последствиях — им важно было отделаться от Суворова. А способ избрали они самый верный: в шесть дней перебросил он свои войска к подножию Альп.

Уикгэм, английский представитель при Римском-Корсакове, писал, не понимая значения происходящего:

«Единственный, кто может вывести нас из создавшегося положения, это фельдмаршал Суворов. Он посылает нам в долину сильное подкрепление, без помощи которого мы провели бы лето, кусая себе пальцы, под победный клич врага».

Но русский фельдмаршал знал, что вынужденный его марш повлечет за собой проигрыш кампании.

Теперь уже понял это и Павел. «Уверен, — писал он Суворову, — что успехи французов против цесарцев¹ начнутся с прибытием вашим в Швейцарию. Но на кого же пенять? Пусть их бьют...»

* * *

Нельсон сдержал слово и «отделил» турецкую эскадру от русской.

Прежде всего он посвятил в свой план стоявшего в Неаполе коммодора Траубриджа и дал ему две секретные инструкции — обе в один и тот же день.

В первой из них Нельсон писал:

«Как только русские фрегаты² появятся вблизи Неаполя, вам надлежит немедленно идти к Чивита-Веккиа...»

Смысл этих строк был непонятен постороннему, но его, видимо, понимал адресат.

Вторая инструкция дополняла первую и разъясняла ее:

«...Теперь вы знаете мой образ мыслей и согласно ему будете действовать; но надо держать это в тайне, иначе возбудим подозрение русских. Что до турок, то с ними мы можем сделать все, что угодно. Они добрый народ, но совершенно бесполезны...»

В заключение следовала таинственная (скорее всего, шифрованная) фраза:

«Ваш младший боцман получит боевой приказ».

После этого в Палермо произошли события, повлиявшие на дальнейший ход дел.

Началось с того, что какие-то люди затеяли ссору с

¹ Цесарцы (от «цесарь» — император) — австрийцы.

² Нельсон называл все без различия русские корабли фрегатами.

турецкими моряками; ссора быстро перешла в побоище, и с обеих сторон было убито до ста человек.

Ушаков тотчас же приказал Кадыр-бею подвергнуть своих матросов строжайшему наказанию. Но турецкий флагман, расстроенный и смущенный, вскоре сам явился к нему на корабль.

Он доложил, что команды его взбунтовались и требуют немедленного возврата на родину.

Ушаков отправился к бунтовавшим матросам. Они притихли и спокойно выслушали русского адмирала, но на этот раз ему не удалось убедить их. Турки твердо решились итти домой.

Он покинул их, размышляя, следует ли ему принять более строгие меры или же вовсе не удерживать при себе турок. Его колебания разрешило письмо Фердинанда, доставленное ему в тот же день.

Это был второй и последний ход, дававший Нельсону выигрыш.

«Его сицилийское величество» настоятельно просил «о предупреждении бедствий, которые турки могут приносить подданным короля».

«Король предпочел бы, — писал он достаточно ясно, — лишиться сильной помощи, если она может быть приобретена только с ущербом для его подданных».

Федор Федорович больше не колебался и решил не препятствовать уходу турок.

Они снялись с якоря и ушли 1 (12) сентября.

Нельсон написал графу Спенсеру, первому лорду Адмиралтейства:

«Король добился, чтобы русский адмирал шел в Неаполь...»

С уходом турок силы Ушакова уменьшились почти вдвое. Это заставило его отложить мысль о Мальте и направиться в Неаполь, чтобы там подготовить поход на Рим.

19 сентября русские суда бросили якорь на Неапольском рейде. Английской эскадры там уже не было, и в гавани стоял всего лишь один корабль.

К Ушакову сейчас же явились гражданские, военные и морские власти, в том числе коммодор Траубридж, заявивший, что он горд и счастлив встретиться со знаменитым русским моряком.

Федор Федорович в тот же день отдал визит союзному коммодору. Осматривая его корабль, он заметил на нем приготовления к походу. На вопрос, куда направляется судно, Траубридж ответил не сразу.

— К Чивита-Веккиа, — сказал он замывшись. — Я должен собрать крейсирующие там суда и следовать на соединение с адмиралом Нельсоном...

Заминка не ускользнула от внимания Ушакова, но особого значения он ей не придал.

После этого Федор Федорович осмотрел военные заводы и арсеналы Неаполя и приступил к обучению королевских войск.

Он имел доверенность короля распоряжаться всеми его силами и освободить Рим от французов. В доверенности, кроме того, было сказано, что пока русские не будут в состоянии выступить к Риму, туда не двинутся никакие другие войска.

Но капитан Траубридж имел секретный приказ Нельсона. Пока Ушаков готовил колонну к походу, английский коммодор появился у Чивита-Веккиа и послал парламентаря в Рим к французскому генералу Гарнье.

Чтобы лишить русских славы занятия великого города, французам было сделано предложение сдаться; об условиях более почетных и выгодных они не могли даже мечтать: у них не отбирали оружия и они не лишались права участвовать в военных действиях; сверх того, было обещано доставить их во французские порты на английских судах.

Силы противника освобождались для борьбы с союзниками на другом фронте: французы намеревались теперь усилить оборону Генуи, на блокаду которой Суворов положил немало труда.

Узнав об этом, Ушаков немедленно написал Траубриджу:

«Вы не рассудили за благо объявить мне подлинные намерения ваши относительно до Чивита-Веки тогда, когда изъявил желание я знать оные; принужденным себя нахожу беспокоить вас настоящим письмом. Честь имею вас уведомить, что получил я от его величества короля Обеих Сицилий формальную доверенность и полную мочь, дабы освободить Рим и Чивита-Веки от непри-

ятеля, обретающегося ныне в обоих сих городах, на каковой предмет вверены мне войска... Ваше высокородие прошу пресечь всякие переговоры с неприятелем, ибо оная капитуляция подает сикурс¹ непосредственный и немаловажный французам, находящимся в Генуе».

Еще более резко написал он кардиналу Руффо:

«...бесполезная и вредная капитуляция не составляет то, чтобы Рим освобожден был от неприятелей, но неприятели французы освобождены из Рима и от рук войск наших».

Но протесты не помогли. Не помогло и «представление» Ушакова королю Фердинанду о том, что все это «несовместно с высоким достоинством союзных держав».

27 сентября генерал Гарнье и коммодор Траубридж подписали капитуляцию. Затем по Тибру прибыла в Рим шлюпка с английскими моряками, и на Капитолии был поднят британский флаг. После этого англичане заняли Чивита-Веккиа, а в Рим вступили неаполитанцы. Это был отряд генерала Бургардта — тысяча королевских солдат, посланных Фердинандом.

Они повторили в Риме ужасы Неаполя — те же убийства и грабежи.

Ушаков уже решил отказаться от марша и посадить на суда высаженную на берег пехоту. Но кардинал Руффо упросил его не отменять похода. Он объявил, что иначе нельзя будет спасти Рим и установить в нем порядок. И Федор Федорович согласился послать восемьсот человек.

12 октября русские вступили в Вечный город. Они прошли мимо Колизея и по древнему Форуму: впереди — эскадрон неаполитанской кавалерии и взвод русских матросов, за ними — весь отряд повзводно с двумя корабельными знаменами и пушками, а позади — королевские войска.

Колонна двигалась в образцовом порядке среди густых толп народа. «Eviva Moscovito! — Да здравствуют русские! — кричали итальянцы. — Вот те, которых французы боятся!» И так же, как это было в Занте и Корфу, бросали морякам цветы.

¹ С и к у р с (франц. secours) — помощь, подмога.

По страшным кручам и обледенелым скатам, выбивая засевших за камнями французов, шли воины Суворова, преодолевая Сен-Готард.

Они штурмовали перевал, чтобы выйти на соединение с Римским-Корсаковым. Ущелье, где кипела сдавленная скалами Рейсса, они перешли по Чортову мосту, перекинув через пропасть бревна и связав их офицерскими шарфами. 16 сентября был начат подъем на снеговой хребет Росшток.

19-го вышли в Муттенскую долину. Здесь Суворов узнал, что Римский-Корсаков, покинув Цюрих, с тяжелыми потерями пробился к Рейну и что главные силы Массена стоят впереди.

Французы предупредили соединение русских армий и теперь преграждали путь Суворову. Они готовились окружить и взять его войска в плен. Был один только выход: повернуть на юг, к Рейну, и, соединясь с Римским-Корсаковым, «обновить кампанию».

23-го войска начали свой последний альпийский переход.

Хребет Паникс встретил их ледяною стужей. Глубокий снег лежал на склонах. Пришлось бросить пушки, заряды, патроны и штыками отбиваться от наседавших французских стрелков.

В эти дни и часы вся армия жила силой Суворова. Его трясла лихорадка. Он был уже больной и дряхлый, но полностью сохранял великий дар своей бесстрашной души. 26-го он вывел людей к Иланцу, в долину Рейна. Еще день пути — и он встретил австрийцев, предоставивших ему боевые припасы и провиант.

«Мы перешли цепи швейцарских горных стремнин, — написал он Павлу. — В сем царстве ужаса на каждом шагу зияли окрест нас пропасти, как отверстые могилы. Мрачные ночи, непрерывные громы, дожди, водопады, свергающиеся с гор огромные льдины и камни, Сент-Готард — колосс, ниже вершины коего носятся тучи, — все было преодолено...»

Он негодовал на австрийцев, едва не погубивших весь русский корпус, и считал, что, кроме предательства, от них ничего нельзя ожидать; однако он сдерживался и да-

же предложил им план наступательных действий, но пока этот план обсуждался, в намерениях Суворова произошел перелом.

Он получил известия о полном расхождении между петербургским и венским дворами и понял, что предстоит разрыв между ними.

Ему стало легче — руки его развязались. Он отказался обсуждать какие бы то ни было планы, соединился с Римским-Корсаковым и повел армию в тыл.

Австрийцы просили его взять на себя оборону хотя бы малого участка их границы. Но он был непреклонен и продолжал путь в Богемию, чтобы расположить на отдых войска.

Эрцгерцог Карл послал ему вдогонку письмо, упрекая его в том, что он отступает. Суворов ответил: «В письме вашем употреблено на счет мой слово от с т у п л е н и е; против оного подаю голос и объявляю, что я во всю жизнь свою не знал слова сего так, как и оборонительной войны».

* * *

Осада Мальты шла вяло. Ее гарнизон осмелел, видя, что англичане не желают тратить силы на атаку, и Нельсон решил привлечь к этому русские войска и флот.

Он предложил Ушакову отправиться вместе для взятия Ла-Валетты. Но Федор Федорович теперь уже был осторожен и ответил уклончиво, напомнив Нельсону о палермском совещании и о походе на Рим:

«С искренностью уверяю ваше превосходительство о истинном желании дружелюбно содействовать с вами, хотя последствия со стороны господина Трубриджа здесь произведены не соответственно. Не распространяюсь об оных; вам известно... Я с соединенными эскадрами приходил в Палермо для советывания с вами об общих действиях и предприятиях. Первое предложение мое было об Мальте; вы изъявить соизволили другие, надобные вам обстоятельства. Я намерился с соединенными эскадрами итти туда, но по известным же вам обстоятельствам турецкая эскадра от нас отделилась и ушла в Корфу; и без десантных войск не будучи я в состоянии предпринять действий противу Мальты, по требованию его вели-

чества корабля Обеих Сицилий, отправился в Неаполь и высадил все с эскадр войска...»

Он писал, что не может идти к Мальте, пока не возвратятся посланные им в Рим отряды.

Нельсон ответил ему любезнейшим и туманным письмом:

«Мое удовольствие и моя гордость — всегда поступать с вами по-братски, быть открытым и искренним с вами — в то время как мы должны быть замкнуты по отношению ко всем другим... Все, что сделано моим храбрым другом капитаном Траубриджем, сделано по моим приказаниям. Вам стоит только узнать его, и вы воздадите ему любовь, честь, уважение, удивляясь прекрасным качествам его ума и души... Все дело было в том, чтобы сохранить тайну, и Траубридж при таких обстоятельствах не вправе был приоткрыть ее, особенно когда ваше превосходительство только что покинули меня. Будь потеряны два часа — Рим не был бы в руках его сицилийского величества. Я не ожидал такого счастливого события и от всей души радуюсь ему вместе с вами. Пойдемте к Мальте. Соединим все наши средства... Верьте всегдашней искренности вернейшего вашего брата по оружию...»

И Федор Федорович стал готовить эскадру в поход.

Его склонили к этому не письма Нельсона и не просьбы короля Фердинанда, а остававшийся в силе приказ Павла и желание доказать, что русские возьмут Мальту, которую союзники никак не могли взять.

Он приказал отряду, ушедшему в Рим, вернуться, и моряки в начале октября возвратились в Неаполь. Затем прибыли из Ливорно три гренадерских батальона под начальством генерал-майора Волконского. Они были присланы Суворовым и предназначались для будущего гарнизона Мальты, который должен был состоять из союзных войск...

В эти дни новое предательство произошло у Анконы, где эскадра Войновича¹, блокируя крепость, уже почти заставила ее спустить флаг.

Город с моря осаждался русскими кораблями, а с суши — итальянскими патриотами и корабельным десантом в девятьсот человек.

¹ Войнович Н. Д. — участник штурма Корфу.

3 октября в Анкону прибыл австрийский корпус генерала Фрелиха. Генерал повел себя надменно и вызывающе, но отнюдь не намеревался идти на штурм.

Когда осенние бури заставили Войновича отправить в Триест большие суда эскадры, Фрелих заключил с неприятелем капитуляцию и занял крепость силами одних австрийских войск.

Условия сдачи были такие же, как и в Риме. Гарнизон остался при своем оружии. Французы покинули город, грозя кулаками и крича, что они еще вернутся, а народ смотрел, как они увозят награбленное имущество и австрийский конвой охраняет их обоз...

Ушаков негодовал, но ничем не мог помочь делу.

Удручало его еще и другое: в Неаполе попрежнему действовала Юнта, ибо «генеральное прощение не последовало», несмотря на слово, данное королем.

Даже Нельсон, отнюдь не сочувствовавший республиканцам, выразил свое смущение в письме к Траубриджу: «Не понимаю, почему манифест о всепрощении, подписанный уже тому три месяца, еще не обнародован?.. Нельзя же, однако, отрубить голову целому королевству...»

Действительность убеждала его, что Ушаков был прав...

Весь ноябрь чинили суда, иначе они не смогли бы держаться в море зимою. А Нельсон жаловался лордам Адмиралтейства: «Я не могу склонить русского адмирала выйти из Неаполя, и потому войска наши попрежнему стоят на Мальте, готовые, кажется, скорее выдержать атаку французов, чем на них идти»...

* * *

Сидней Смит знал, что делает, когда выпускал Бонапарта из Александрии. Для этого человека настало время — он мог преуспеть во Франции, как никто другой.

Пока он сражался в Египте, все плоды его побед исчезли.

Суворов прошел Италию и уже стоял на границах Франции. Монархисты ожидали возвращения Бурбонов. Всюду была разруха: дороговизна — в городах, разбой — на дорогах. Многие думали, что только Бонапарт может

удержать завоевания революции, восстановить порядок, дать стране выгодный мир.

Так думала прежде всего армия, встретившая его с восторгом. А он объявил, что намерен спасти республику, хорошо понимая, что этого от него и ждут.

18 брюмера (7 ноября нового стиля) он начал действовать и совершил переворот в течение суток. Правительство было низложено, и вся власть в стране вручена трем консулам; в списке их первым стоял Бонапарт.

Он был одним из трех, но два других не имели значения. Главное было сделано. Бонапарту оставался один только шаг к трону. Франция уже принадлежала ему.

* * *

Ушаков готовил эскадру. Нельсон жаловался на него разным лицам.

11 (22) декабря он писал в Константинополь — британскому посланнику Джемсу Смиту:

«Я не могу сдвинуть адмирала Ушакова с места, и по его беспечности не только замедлено падение Мальты, но и самый остров может быть потерян».

12 (23) декабря — лорду Спенсеру:

«По-моему, император не будет доволен адмиралом Ушаковым...»

Но он не знал, что император уже приказал адмиралу «итти к своим портам». Это «повеление» было получено в Неаполе 13 декабря.

Возмущенный союзниками, обманувшими его в Италии, на Мальте и в Риме, Павел предписал Ушакову собрать рассеянные в Средиземном море отряды и покинуть Италию, посадив на суда войска...

20 декабря русский флот оставил Неаполь. 22-го он был в Мессине. Дальнейший путь лежал к Ионическим островам.

Федор Федорович с радостью возвращался на Корфу. Там было его детище, созданная им республика, и его тянуло туда, как в дом, который он сам построил.

В Мессине он пробыл недолго и вышел в море в первый день нового, 1800 года — 1 (12) января.

Узкие, кривые улицы Корфу поднимались от гавани, пересекаясь на горе во всех направлениях; каменные лестницы во многих местах соединяли их. Неудобные для проезда, тесные до того, что двум ослам с поклажею разойтись было невозможно, они носили громкие названия: Софоклова, Эпаминондова, Святой Елены. Но самая широкая, упиравшаяся в главную площадь города, именовалась в честь русского адмирала: греки называли ее теперь «Одос Ушаков».

Андреевские флаги развевались на рейде, и длинные вымпелы с двумя узкими косицами трепетали на гот-мачтах. Один корабль и два фрегата ремонтировались в порту Гуинб.

Шестой месяц эскадра стояла в Корфу. Она не ушла к своим портам, потому что Павел прислал новое «повеление»: он снова требовал похода к Мальте. Но у Федора Федоровича не было для этого средств.

Пока он добывал провиант (что стоило ему великих усилий), получилось еще несколько рескриптов, и все они противоречили один другому. Надо было не двигаться и ждать.

Но вот пришло известие из Палермо: Бонапарт разбил австрийские войска при Маренго и отнял у союзников почти всю Италию; король Обеих Сицилий опять призывал на помощь русский флот.

Ушаков был в затруднении. Указы Павла менялись с такой быстротою, что Федор Федорович колебался что-либо предпринять.

Он созвал военный совет. Было решено, ввиду «совершенной перемены политических обстоятельств» и так как Порта отказывается доставлять припасы, возвратиться в Россию, уведомив об этом сицилийский двор...

Стоял июнь — пора второго цветения в этом краю померанцев. Ветер с берега приносил сладковатый запах на палубы кораблей.

Федор Федорович был у себя. Шагая по своей адмиральской каюте, он рассеянно слушал доклад Метаксы.

Приняв накануне решение, Ушаков и виду не показывал, что эскадра уходит. Все созданное им рассыпалось прахом. Но он не мог спокойно думать об этом, и его

твердым намерением было сохранить установленный им порядок — во всяком случае, пока флот не уйдет...

— Так чего же хочет этот капиджи-паша? ¹ — хмуро спрашивал он, не переставая шагать, заложив руки за спину.

(Капиджи-паша был начальник турецкого гарнизона и небольшой султанской эскадры, оставленной в Корфу после ухода ее главных сил.)

Метакса, улыбаясь, сказал:

— Приближается день рамазан-байрама. Турки намерены устроить пальбу из крепостных пушек и требуют, чтобы ваше превосходительство приказали палить и нашим кораблям.

— Вы говорите — они требуют?..

— Капиджи-паша утверждает, что в бытность здесь Кадыр-бея от вас по случаю сего праздника было палено.

Нижняя челюсть Ушакова выдвинулась, и он сказал, совершенно взбешенный:

— По случаю рамазан-байрама от меня не было п а л е н о н и к о г д а!.. При поднятии султанского флага я действительно салютовал ему из двадцати одной пушки, но то — дело другое... А палить из крепости им не позволю! Они однажды уже всполошили мне весь город. Пусть на рейде со своих судов стреляют сколько хотят... Да садитесь вы, Егор Павлович! — добавил он раздраженно и, перестав шагать, сел в кресло. — Мне надобно потолковать с вами и кое-что распорядить...

Он взялся за бумаги, доставленные с последнею почтой, отобрал несколько писем и придавил их тяжелой ладонью к столу:

— Итак, мы уходим... Суворов, должно быть, уже в России... Французы бесподобным образом разбили австрийцев и вновь приобрели великую часть Италии. Этого следовало ожидать... Но мы уходим с чистою совестью. Русские войска и флот всюду показали свою решимость, и не наша вина, что неприятель восторжествовал...

Голос его был глухой, сдавленный — прорывались обида и гнев за все вынесенное в эту кампанию.

Метакса, видя, как ему тяжело, сказал:

¹ К а п и д ж и - п а ш а — турецкий придворный чин: дворцовый комендант.

— Одна мысль служит нам утешением: что труды наши не пропали даром — в Средиземном море создано независимое греческое государство...

Федор Федорович покачал головою:

— Сохранить здесь что-либо вряд ли удастся... Во-первых — турки. Они только и ждут, чтобы мы ушли... Затем — происки других иноземных старателей. Я не знаю, кто они таковы, ибо так они скрытны, что их отыскать не могут. Но их действия явственны: и уже во многих местах знатнейшие поднимают голову, надеясь на наш скорый уход.

— Говорят, что на острове Занте жители снова взялись за оружие.

— И на Занте, и на Кефалонии, и на других островах. Офицеры наши, поставленные там комендантами, просят о взятии их на эскадру — они не в силах сдержать островитян. А с чего сие началось, известно: несколько человек отправились отсюда депутатами от дворянства, дабы сделать перемену в устройстве республики; с их мнением согласились в Константинополе и в Петербурге, конституцию мою нашли несоответственной, и она будет изменена.

— Бедная Кефалония! — тихо сказал Метакса. — Земля моих предков! Опять ей предстоят испытания!.. Поистине прав был Аннибал, сказавший: «Не Рим победил меня, а карфагенский сенат!»

— Именно так, — подтвердил Федор Федорович. — Я писал к жителям, чтобы они свято чтити данные им законы. Выходит, писал напрасно. Признаюсь, это для меня наичувствительнейший удар!..

Верхняя губа Метаксы дрогнула. Он посмотрел на Ушакова участливым, преданным взглядом, намереваясь что-то сказать, быть может утешить, но тот его опередил:

— Возьмите перо, Егор Павлович. Я задавлен беспредельною перепискою и от невозможности успевать совсем себя потерял... У нас нет припасов, и мы не можем уйти отсюда... Вы составите письмо морейскому губернатору Мустафе-паше... Изложите ему, что крайность заставляет меня писать об этом вторично. Ежели через десять дней от сего числа не получу от него продовольствия, то, не мешкая, пойду с эскадрой в Морею и буду брать во всех

местах провиант силою! Прошу его превосходительство избавить от такого несчастья и себя и меня!..

Метакса записал. Федор Федорович снова заговорил, сопя от волнения и ожесточаясь:

— Теперь — другое. Али-паша взялся за прежнее — истребляет и разоряет обитающих в Албании христиан, восстав против них со всею своею злобою. Дóлжно потребовать от него прекращения таковых действий! Напишите, что я с флотом нахожусь в здешнем краю!..

— Он мстит нам, — сказал Метакса. — И не только за Санта-Мавру и Корфу. С тех пор как флот наш появился в ионических водах, здесь исчезла работорговля, а это — убыток и туркам и Али-паше.

— Когда мы уйдем, они свое наверстают.

— Корсары!.. — произнес Метакса презрительно. — Единственно страх перед вами удерживает их от сего бесчеловечного варварства!..

Федор Федорович усмехнулся и сложил руки в замок.

— Полно! — сказал он. — Не стоит более говорить об этом... Мы свой долг исполнили и отправляемся в обратный путь. Эскадру надеюсь привести в целости. Почти все корабли исправлены; худые же, которые еще в ремонте, с теми надобно поспешить... Трофеев с собой не возьму. «Леандр» починен и в добром порядке возвращен англичанам, а шесть французских полугалер дарю жителям, дабы имели они для своей защиты флот. Объявите им сие на бумаге за моею подписью... Вот и все, Егор Павлович. Распорядитесь спустить шлюпку. Я поеду на берег, осмотрю суда...

Метакса вышел. Федор Федорович закрыл лицо руками и, подняв высоко плечи, с минуту сидел не шевелясь. Потом он взял исписанный лист бумаги — черновик своего письма Томаре, письма, которым он хотел отвести «наичувствительнейший» удар.

Ему не повезло. Письмо было оставлено без внимания.

С горечью вчитывался он в строки, выведенные собственной его рукой:

«Милостивый государь мой Василий Степанович!

Депутаты, в Константинополе находящиеся, успели во вредных их замыслах противу общества всех островов; сказывают, что сделана перемена, при которой существо-

вать будет один первый класс дворян; говорят, что ваше превосходительство одобрили оное, что скоро подписано будет и кончится... Скажу вам, милостивый государь, ежели точно последует сие (чего я по прозорливости вашей ниже вообразить не осмеливаюсь), оным навлечена будет столь великая расстройка между нижними классами от крайнего их неудовольствия и негодования; что ничем ее прекратить будет не можно; в таком случае и я не могу уже переуверивать всю чернь в нашем к ним благоприятстве, когда не мог я удержать того, что обещал в их примирении с первоклассными, и все оставил на произвол судьбы, как они хотят. Я не ожидал, чтобы ваше превосходительство, не уверясь моим представлениям, положились на мнение пяти или шести человек, которые о своей только собственной пользе стараются, а не общественной... Прошу наипокорнейше, ежели еще перемена в правлении не сделана, употребить ваше старание в пользу общества островов, за которых именем всего народа и вас прошу устоять и не переменять Конституции».

Он бросил письмо и сказал громко:

— До того все надоело, что и жизни не рад!..

Хлопнув дверью каюты так, что затрещала переборка, он прошел на галлерею, затем — на палубу и по правому, парадному, трапу спустился в шлюпку, уже плясавшую на волнах.

Она доставила его в порт Гуино, где ремонтировались два фрегата и корабль «Мария Магдалина». Было время обеда. Матросы, запасавшие дрова для эскадры, отдыхали на берегу.

Федор Федорович осмотрел фрегаты, нашел, что повреждения могут быть скоро исправлены, и поднялся на корабль. Он оказался ветхим, почти не мог продолжать плавания, а починить его раньше осени не представлялось возможным. Но корабль этот был участником сражений при Еникале, Тендре и Калиакрии, и Ушакову не хотелось его оставлять. Он приказал снять артиллерию и разместить по эскадре, а корабль — снайтóвить¹ и вести в Севастополь, пробираясь из порта в порт.

¹ С н а й т ó в и т ь — скреплять канатами, связывать.

Потом он побывал в провиантских складах, в мастерских адмиралтейства и, обойдя все свое хозяйство, направился в дальний угол гавани, где не было уже ни людей, ни строений, а только серая, нагретая солнцем галька да плеск волн.

Русские моряки называли Гуино «вторым Ахтиаром». Пустынная часть порта чем-то и впрямь напоминала Севастополь.

Наверху, на круче Монте-Оливето, темнела зелень орешника, плюща, каштанов и акаций, а берег лежал голый и суровый. Федор Федорович медленно брел вдоль него, заложив руки за спину, и галька под ногами казалась ему севастопольской, милой и дорогой.

Камень торчал у воды. На камне, охватив руками колени, сидел матрос и пел песню. Федор Федорович сразу же узнал его.

Перед ним встали: штурм острова Видо и комендор, который, казалось, стрелял по пустому месту, а на самом деле отлично угадывал укрывшегося врага. Ушакову хорошо запомнились его синие со слезою глаза, светлые брови и лицо — белое, немного припухшее от голода. Только теперь он не стрелял из пушек, а тянул песню без слов.

Федор Федорович приблизился. Матрос, не видя его, продолжал. Чистый голос его набирал силу, будто жалуюсь и все вырастая. Может быть, он сетовал на свою долю, на помещика, сдавшего его ранее срока в службу, или сокрушался о разоренном своем домишке, или же попросту тосковал по родине, славу которой он здесь добывал.

Песня была знакомой. Федор Федорович однажды слышал ее в Севастополе... Он вспомнил: сентябрьский день... крыльцо дома над бухтой... Старый грек-пекарь пел песню про птицу, летящую через море и горы, лес и туман...

Старик, что пел тогда песню, сказал: «Кто поет ее, тот плачет за свое отечество». Федор Федорович подумал: «Должно быть, на всех языках поют ее одинаково», и, обогнув камень, быстро прошел стороной...

Полчаса спустя шлюпка с адмиралом возвратилась к «Св. Павлу».

Фáлрепные¹ подали ему обшитый сукном трос и помогли взобраться на трап.

Всйдя в каюту и притворив дверь, он остановился в раздумье. Потом взял со стола ключи и отпер сундук, окованный медью по углам.

На самом дне, завернутая в кусок парусины, лежала флейта. Федор Федорович достал ее, повертел в руках и поднес к губам.

Он заиграл совсем тихо, и все же вахтенные матросы слышали. Они знали по рассказам, что адмирал умеет играть на флейте, но им ни разу еще не приходилось слышать, чтобы он играл.

Это длилось недолго. Он вскоре перестал играть, снова завернул в парусину и спрятал в сундук флейту.

— Дай бог скорее возвратиться к своим портам! — пробормотал он и стал приводить в порядок стол.

Письмо на английском языке, писанное левой рукой, попало ему на глаза.

— Поздно! — сказал он. — Поздно!..

Это было письмо Нельсона, полученное им недавно:

«...В настоящий момент я отправляюсь к Мальте, где буду иметь бесконечное удовольствие встретиться с вашим превосходительством, чтобы сообща положить конец знаменитой экспедиции Бонапарта и вырвать у него последние остатки его побед...»

¹ Ф á л р е п н ы е — матросы или морские офицеры, подающие пристающему к судну почетному лицу фалреп (веревочный поручень, обшитый сукном).

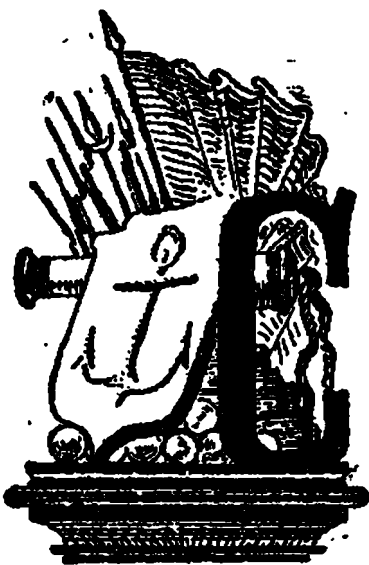

Глава XV, „БУРИ ВСТАЮТ НА ЗАПАДЕ“

«Не отчаивайтесь! Сии бури обратятся к славе России».

Ушаков

1

УВОРОВ, почти умирающий, прибыл в Кобрин. Швейцарский поход надломил его силы, и он был уже совсем плох, но врачи отходили его.

«Горячка моя обновилась при выезде из Праги, — писал он Ф. В. Ростопчину¹ из своего кобринского имения, — 12 суток не ем, а последние 6 — ничего, без лекаря. Сухопутье меня качало больше недели, как на море. Сверх того, тело мое расцвело: сыпь и пузыри — особливо в сгибах; здесь я лекаря нашел, он меня обещает справиться через неделю, я бы согласился и на две. Я спешил из Кракова сюда, чтобы быть на своей стороне...»

Он был угнетен. Политика союзников его удручала. С убийственной меткостью писал он об их вероломстве, о том, что англичане утверждают на морях «и з н у р е н и е м в о ю ю щ и х д е р ж а в»...

¹ Ростопчин Ф. В., граф, кабинет-министр, занимал в Коллегии иностранных дел третье место.

Суворова «справили» — временно поддержали угасавшие силы и повезли в Петербург, где готовилась пышная встреча: придворные кареты были высланы к Нарве; в Зимнем дворце для него отвели покои; он должен был въехать при колокольном звоне и пушечной пальбе.

Но еще в пути сразила его весть о новой опале. Выговор в приказе по армии за то, что в походе имел при себе дежурного генерала. И вслед за этим — запрос: почему действовал «старым обычаем» и нарушил устав?

Павел был беспощаден.

Под «старым обычаем» разумелись тот дух и порядок, которые создал Суворов и чем держались и побеждали его войска. Но Павел, сторонник муштры, не терпел суворовского искусства, считал его вольностью и не склонен был уступать. Он ввел новый устав и за малейшее нарушение его карал штрафами и опалой. «Дежурный генерал» действительно его разгневал; но дело заключалось не в нем.

Суворов — победитель французов — был больше не нужен. Он стал неудобен, ибо Павел, отвернувшись от Англии, уже склонялся к сближению с Францией. Он не считал ее больше опасной, и генерал Бонапарт казался ему надежней, чем Вильям Питт...

23 апреля Суворов въехал в столицу. Колокольного звона и салютов не было. Он остановился на Крюковом канале, в доме Хвостова¹, у своей родни.

Ему сказали, что «государю не угодно его видеть», а через два дня у него отобрали адъютантов. Затем он почувствовал себя, как в каземате: кроме докторов, к нему никто не смел приходить.

Но лечить было незачем — смерть властвовала над его телом. Он еще пытался заниматься турецким языком и беседовал о политике, но память уже изменяла ему.

Когда стало ясно, что он умрет, было разрешено навещать его. Он слабел с каждым днем и часом, но не хотел верить, что жизнь кончена.

Конец наступил 6 мая, около двух часов дня...

12-го Суворова хоронили. Огромные толпы провожали

¹ Хвостов Д. И., граф, сенатор; был женат на племяннице Суворова.

его к Александро-Невской лавре. Гвардейцы-суворовцы несли гроб.

На лицах военных лежало выражение глубокого горя. Люди всех сословий теснились на улицах, и многие вдруг становились на колени. Но ни сановников, ни придворных не было видно в толпе.

У церковных дверей произошло замешательство: стали подниматься по лестнице, но она оказалась узкой для гроба. Тогда гвардейцы разом подняли его высоко над собою, и один воскликнул: «Небось! Пройдет: везде проходил!»

2

«Корфу — освободителю своему Ушакову».

«Кефалония — всех Ионических островов спасителю».

«Остров Занте — мужественному и храброму спасителю и победителю».

Так были надписаны золотое оружие и медали, выбитые в его честь.

Республика Семи Островов простилась с русским адмиралом.

6 июля он вышел из Корфу, 1 сентября был в Константинополе, более месяца простоял в Босфоре и 26 октября прибыл на Севастопольский рейд.

Выучка его моряков доставила ему неожиданную радость при входе в гавань: корабль «Мария Магдалина», который должен был идти следом, догнал эскадру. Ушаков глазам своим не поверил. Снайтовленное, опутанное канатами судно заливалось водою: оно терпело страшное бедствие и все же, несмотря на волнение, первым вошло в порт.

Федор Федорович мог гордиться: флот был в сборе, и корабли возвратились в целости после плавания, длившегося более двух лет.

Но город встретил его невесело. След запустения лежал на недостроенных домах и незаконченных суворовских батареях; во всем замечалось отсутствие «глаза», твердой хозяйской руки.

Дом был пуст. Старый Федор умер еще прошлой осенью. Ни Пустошкина, ни Данилова не было в Севастополе. О смерти Суворова Ушаков уже знал от посланни-

ка Томары и теперь остро чувствовал вокруг себя пустоту.

А заполнить ее не мог. Ни слава, ни сознание исполненного долга не давали удовлетворения и покоя, хотя, казалось, он мог бы быть удовлетворен.

Турки встретили и проводили его как героя. От султана он получил второй алмазный «челенг» и пять медных пушек — в полную свою собственность (необычайно почетный дар!).

Утвердив договор о Республике Семи Островов, Порта оставила Проливы открытыми — разрешила русским судам проходить в Средиземное море. Ушаков мог считать это своею личною заслугою и самой крупной победой, которую он за последний год одержал.

Но какой-то гнет висел над ним с самого дня прибытия, и он не видел для себя ничего хорошего впереди.

Кочубеи, Мордвиновы, Кушелевы не могли оставить его в покое. Он был уверен, что они уже очернили его перед Павлом, а император и без того был им недоволен. Это означало, что следует ждать грозы.

И он дождался ее в конце года.

Пришел «высочайший» запрос: какие причины заставили его по взятии Корфу заключить почетную для противника капитуляцию с французами?

Федор Федорович понял: против него затевалось «дело» — его обвиняли в сочувствии неприятелю! Надо было оправдываться, ехать немедленно в Петербург.

Он понял, что навсегда покидает Севастополь, и решил продать недвижимость. Но дом был заложен. Пришлось ограничиться продажей «магазина» — склада, выстроенного им на Северной стороне.

Как и Суворов, он был больше не нужен.

С тяжелым сердцем передал он команду над портом и флотом вице-адмиралу Вильсону, чувствуя, что уже никогда не вернется к своей милой эскадре.

Это был закат.

3

Мальта сдалась¹. Британский флаг развевался над крепостью Ла-Валеттой, и английский флот, господствуя

¹ 5 (17) сентября 1800 года.

на тесных морях Европы, захватывал суда нейтральных держав.

Но Россия попрежнему желала сохранять морскую свободу, провозглашенную ею двадцатью годами раньше. И так как малые государства непрерывно жаловались Павлу на Англию, он повторил шаг Екатерины и в союзе с Данией, Австрией и Пруссией возродил Северный нейтралитет.

Первый консул Франции зорко следил за событиями. Ему было необходимо иметь Россию союзницей, чтобы одолеть Англию и после того завладеть Европой. И он протянул руку Павлу, любезностью и лестью втягивая его в союз.

Еще в июле он объявил, что возвращает без размена русских пленных и «дарит» царю Мальту, которая тогда только осаждалась англичанами.

Любезность подействовала: Павел поверил, что Бонапарт — его друг.

Их сближение вызвало в Англии беспокойство. Но еще больше встревожил ее оборонительный морской союз, созданный русским царем.

Между тем спор с англичанами из-за расчетов по содержанию суворовских войск в Италии и нарушение прав нейтрального флага вывели из себя Павла. В сентябре 1800 года он наложил арест на английские суда с товарами, стоявшие в русских портах, и выслал их экипажи в Калугу.

В декабре он обратился к Наполеону с письмом:

«Господин первый Консул!.. Предлагаю вам войти со мной в соглашение относительно средств, как прекратить бедствия, тяготеющие над всей Европой в течение одиннадцати лет... Я тем более считаю себя вправе предложить вам это, что находился вдали от борьбы, в которой если я и принимал участие, то лишь как верный пособник тех, кто не сохранил верности относительно меня... Я приглашаю вас восстановить вместе со мною всеобщий мир, которого трудно будет нас лишить, если мы только захотим. Сказанного достаточно, чтобы вы могли оценить мой образ мыслей и мои чувства...»

В ответ на это Наполеон предложил Павлу союз и совместный поход в Индию, чтобы поразить Британскую империю в самом источнике ее богатств.

В начале нового года этот план был приведен в действие.

Главнокомандующим Индийской экспедицией, по требованию Павла, был назначен Массена — тот самый, который пытался окружить в Швейцарии Суворова.

Но Павел не стал дожидаться прибытия французского корпуса, и в феврале казачье войско выступило в поход за Каспий.

На западной границе готовилась громадная армия. Вдоль Балтийского побережья строились батареи и маяки.

Тогда английская эскадра под начальством Паркера и Нельсона появилась у Копенгагена. Их целью было вывести Данию из союза. После этого Нельсон намеревался идти к Ревелю и запереть там русский флот.

Но пока Нельсон справлялся с Данией, гвардейские офицеры и придворные, при участии английского посла Уитворта, совершили в Петербурге переворот в пользу Александра Павловича. В ночь на 12(24) марта Павел был убит.

* * *

Прошел год. Ушаков жил в Петербурге, в 4-й части Измайловского полка, в собственном доме. Его назначили главным командиром Балтийского гребного флота — вместо занимавшего эту должность маркиза де-Траверсе.

Маркиз, французский эмигрант, получил командование Черноморским флотом, а Федор Федорович был оставлен — «сдан» на галерный флот, время которого миновало (в России уже с 1796 года перестали строить гребные суда).

Он утешался малым — заботами по своему ведомству: хлопотал о покупке домов в Галерной гавани для офицеров, обитавших «по всему Петербургу»; составлял записки «о мерах к облегчению наряжаемых на работы казенных людей».

Изредка вспоминалась боевая слава: остров Видо... работа батарейных палуб... Фидониси, Еникале, Тендра, Калиакрия... флот в движении, согласном и величественном, как на маневрах, весь в дыму и огне...

Он старался не думать, не вспоминать об этом. Все было кончено; он ни на что не надеялся и приучал себя жить, не радуясь ничему.

Одно лишь радовало (этого он добился еще при Павле): по его докладу, был дан приказ флоту обшивать медью строящиеся на Черном море фрегаты и корабли.

«Дела» его никто не разбирал — оно было только предлогом. Его попросту убрали из Севастополя и перевели «на галеры», как он говорил.

Не было ни друзей, ни близких. Иногда лишь появлялся в Петербурге Данилов — он командовал теперь кораблем на Кронштадтском рейде.

В Адмиралтейств-коллегии сидел Мордвинов. Он и тут не забыл своей неприязни к Федору Федоровичу и норовил отказать во всем, чего бы ни просил Гребной порт...

Новый император был равнодушен и к морю и к Ушакову, но вовсе не безучастен к судьбе Европы. Ища дружбы с Англией, он с возмущением говорил о ненасытности Бонапарта и предлагал начать против него общий поход.

Но уже был подписан мир¹. В Амьене англичане закрыли глаза на дела Германии, Голландии, Италии, Швейцарии. Бонапарт же отступился от Египта и Мальты.

Мир был особенно нужен Англии, ее промышленникам и купцам.

Они думали, что теперь откроются для них европейские рынки.

Они надеялись победить Наполеона своей уступчивостью и даже советовали ему стать императором.

Английский государственный деятель Джон Макферсон прямо заявил представителю республики: «Признаю возможным, что французская нация из чувства благодарности и во избежание политических тревожений пожелает признать в лице первого консула и его потомства новую династию».

Они сеяли ветер, не зная, что будет буря, либо надеясь, что ее придется пожинать другим.

¹ Амьенский мир; заключен между Англией и Французской республикой 15 (27) марта 1802 года.

Прошло два с половиной года.

В заголовках государственных актов Франции уже стояло: «Наполеон, божьей милостью и волею представителей республики, император французов».

(Спустя немного он вычеркнул из актов слово «республика» и отменил республиканский календарь.)

Мир в Амьене оказался непрочным. Наполеон не допустил английские товары в Европу. В подвластных ему странах он вел себя, как хозяин; вдобавок — возрождал флот, строил порт в Шербурге, верфи — в Антверпене, усиливал армию и снова требовал Мальту.

Англия вынуждена была начать войну...

Наполеон готовил удар, вернувшись к мысли о «прыжке через море». В Булони, на берегу Ла-Манша, раскинулся огромный лагерь. Там строились суда и собиралась армия: сто пятьдесят тысяч для высадки на острова.

Тревога охватила Англию, не имевшую войск для обороны.

Тогда Питт, прежний глава правительства, сложивший с себя власть перед Амьенским миром, снова взял в свои руки всё.

Наполеон считал, что без России ему не одолеть Британию.

Питт был уверен, что спасти Англию от вторжения могут только русские войска.

Россия и затем Австрия должны были оттянуть французские силы в Европу.

Питт предложил денежную помощь.

Александр ответил: «Россия и Англия — единственные державы в Европе, не имеющие между собою враждебных интересов»...

Так образовался новый англо-русский союз.

* * *

Наполеон ждал тумана, чтобы перебросить войска на английский берег. Эту операцию должен был прикрывать французский линейный флот.

Но его надо было собрать и для этого вывести из

Бреста, Рошфора и Тулона, а их блокировали англичане, стянувшие к ним почти все свои боевые суда.

У французов было сорок кораблей. Союзная Испания выставила еще двадцать. Но все они находились в разных портах, и Наполеон решил провести соединение трех эскадр в Вест-Индии и оттуда уже направить их в Ла-Манш.

Но лишь одной из них — Тулонской — удалось прорваться. Ею командовал виновник гибели флота при Абукире — контр-адмирал Вильнёв.

Он прибыл к Антильским островам и взял форт Диамант, но никого из своих не дождался, зато оттянул на себя часть английского флота, к чему и стремился Наполеон.

Нельсон кинулся в Вест-Индию, но уже не застал французов — они успели выйти в море. Вильнёв взял курс на запад, возвращаясь в Европу. В пути он имел короткий бой с английским адмиралом Кальдером, достиг Испании и вошел в порт Ферроль.

Там он пополнил свои силы испанскими и французскими кораблями; теперь их стало у него двадцать девять. Однако идти в Канал он не решался, хотя Наполеон писал ему: «Один ваш переход — и Англия в наших руках».

В августе он все же сделал попытку, но, получив неверные сведения о противнике, повернул обратно и укрылся в Кадиксе.

В это время Наполеону стало известно, что на запад идут русско-австрийские войска.

Англия была спасена: ей больше не угрожала высадка. Булонские легионы двинулись на Дунай, против союзников. Но Наполеон не мог допустить, чтобы его флот бездействовал в Средиземном море (у него была мысль высадить десант в Неаполе), и он приказал морскому министру Декре:

«Ваш друг Вильнёв, вероятно, побоится выйти из Кадикса. Отправьте туда адмирала Розили, пусть примет начальство над эскадрой, если она еще не выступила».

Но она уже выступила, ибо Вильнёв спасал свою честь.

На приказ Декре он ответил:

«Если французскому флоту, как утверждают, не хватает только смелости, то в этом отношении император скоро будет удовлетворен».

Он знал, что дело не только в смелости, а в гораздо более важном — в искусстве смелых, еще не проникшем во французский флот.

Предвидя встречу с Нельсоном, этот адмирал старой школы ясно представлял себе возможные удары, но не видел способов отразить их и рассуждал:

«Он будет стараться окружить наш арьергард, прорежет нашу линию и устремит на отрезанные корабли превосходные силы... Но у меня нет ни средств, ни времени приготовиться к какому-либо новому тактическому маневру с теми командирами, которым вверены мои суда».

* * *

Была осень, октябрь 1805 года.

Британское адмиралтейство поручило блокаду Кадикса Нельсону, выделив ему двадцать семь кораблей.

Он вышел в море вице-адмиралом белого флага, то есть с правом главнокомандующего. Младшим флагманом был его друг, вице-адмирал Коллингвуд. На случай выхода франко-испанского флота из порта Нельсон разработал план.

«Я думаю, — сообщил он своим командирам, — что почти невозможно выстроить и удержать в линии баталии многочисленный флот. Если мы будем гнаться за таким построением, то при случающихся здесь частых туманах и ветрах может оказаться, что это потребует такого большого времени, что мы упустим случай вступить в решительный бой. Вместо того чтобы перестраиваться в виду неприятеля, я желаю, чтобы походный строй служил в то же время строем для боя...

Все усилия британского флота должны быть направлены на то, чтобы действовать превосходными силами против части вражеских кораблей...

Конечно, надо что-нибудь предоставить случаю. В морском сражении нельзя рассчитывать наверно: ядра срывают реи и громят мачты врагов и товарищей; но я надеюсь, что мы победим...

С того момента, как второму по мне флагману сделаются известными мои окончательные намерения, я предоставляю ему полную свободу...

В том же случае, когда нельзя будет разглядеть или хорошенько разобрать сигналов, ни один командир не сделает большой ошибки, если подведет свой корабль вплотную к борту неприятельского корабля».

После общих указаний были даны более определенные:

«Второй по мне флагман должен прорезать неприятельскую линию у двенадцатого корабля, считая от заднего; сам же я прорежу их линию в центре, стараясь завладеть кораблем главнокомандующего...»

Это означало, что Нельсон намерен атаковать противника двумя колоннами и прорезать его строй в двух местах.

К своей инструкции он приложил чертеж из книги Клерка, изображающий прорезание и окружение арьергарда. Но в плане Нельсона было новое, ибо он дополнял Клерка, намечая одновременный удар на арьергард и на центр...

9 (21) октября, вскоре после рассвета, с английской эскадры заметили союзный флот. Он держал курс к югу, находясь в десяти милях от мыса Трафальгар. Дул слабый вест-норд-вест, и скорость кораблей была три-четыре узла, не больше. С запада шла крупная океанская зыбь.

Вильнёв, увидев англичан, понял, что сражение неизбежно. Тем не менее он попытался возвратиться в Кадикс и приказал повернуть через фордевинд на норд.

Тихий ветер и зыбь сильно затруднили маневр, и на него ушло более часа. При этом строй союзного флота до того смешался, что отдельные суда центра и арьергарда шли по два и даже по три в ряд.

В десять часов утра Вильнёв выстроился по старинным правилам — в одну линию баталии. Она была крайне беспорядочной, но главнокомандующий не принял никаких мер.

Он шел в центре; его авангардом командовал контр-адмирал Дюмануар, арьергардом — испанский адмирал Гравина.

Ветер с запада едва наполнял паруса. Двумя колон-

нами двадцать семь судов английского флота спускались на огромную дугу из тридцати трех кораблей.

Неяркий свет солнца освещал волнистую равнину моря и мрачные корпуса судов Нельсона с желтыми полосами вдоль батарейных палуб и черными пушечными портами, похожими на клетки шахматной доски.

Нельсон держал свой флаг на стопушечном, но не очень быстроходном «Виктори», Коллингвуд — на корабле «Роял Соверен».

Уже в подзорные трубы различались флаги: Вильнёва — на «Буцентавре», Дюмануара — на «Формидабле», Гравина — на «Принце Астурийском». Исполином высился среди союзного флота один из величайших кораблей Европы — испанский «Сантиссима Тринидад».

Курс противника указывал на его намерение укрыться в Кадиксе. Это заставило Нельсона пойти наперерез Вильнёву и атаковать его наиболее опасным способом — спускаясь почти под прямым углом.

Было одиннадцать часов, когда он отдал последние распоряжения. «Я намерен, — сообщил он сигналом Коллингвуду, — прорезать неприятельский центр, чтобы лишить союзников возможности войти в Кадикс. Вы прорезаете арьергард у двенадцатого корабля с хвоста».

В поношенном мундире, с четырьмя вышитыми, потемневшими от времени звездами, он вышел на шканцы.

— Я не буду доволен сегодняшним днем, — объявил он, — если мы захватим меньше двадцати кораблей...

Некоторые офицеры хотели посоветовать ему закрыть на груди звезды (слишком яркую мишень), но не решились сказать об этом. Они лишь попросили его не идти в голове колонны и пропустить несколько кораблей вперед.

— Пусть проходят... — улыбаясь, сказал он.

Это означало: «пусть попробуют, если смогут». Но когда шедший за ним «Темерер» стал обходить его, Нельсон крикнул капитану «Темерера»:

— Попрошу вас держать мне в кильватер!..

Потом он спустился в каюту и стал писать завещание на случай своей смерти в этом сражении. Оно касалось его личных дел.

В самом конце он сделал приписку:

«Боже! Даруй отечеству моему, для блага всей Европы, великую и славную победу, и пусть ничто не омрачит ее».

Он снова вышел наверх; обойдя палубы, воодушевил комендоров и приказал поднять сигнал:

«Нельсон надеется, что каждый исполнит свой долг!»

Ему сказали, что слова «Нельсон» нет в телеграфном словаре и что его придется выставить буквами. Тогда словом «Англия» он заменил «Нельсон», и в таком виде это вошло в историю.

Затем пестрые флажки еще раз затрепетали в воздухе, и был поднят последний, уже не убиравшийся до конца дня сигнал:

«Вступить в бой на ближайшей дистанции!»

— Больше мне делать нечего, — пробормотал Нельсон с улыбкой и сказал одному из наиболее любимых им командиров — Блеквуду: — Нам с вами больше разговаривать не придется!..

Им овладела мысль, что эта битва может оказаться для него последней, но он улыбался, не сомневаясь, что победит...

Не было нового в том, что служило основой для этой веры в победу.

Походный строй, являвшийся строем для боя, сближение на самую малую дистанцию, удар на флагманов и атака превосходными силами — все это уже применил в четырех сражениях Ушаков.

На некоторых английских кораблях находились молодые русские моряки, незадолго перед тем посланные в Англию для практики. Этим морякам довелось стать участниками и свидетелями боя, в котором приемы русского военно-морского искусства повторил британский адмирал...

План Нельсона сводился к тому, чтобы связать большую часть сил противника, лишив его авангард и центр возможности помочь арьергарду. Новым здесь было решение: атаковать сразу двумя колоннами и таким образом скорее ввести в бой наибольшее число кораблей.

Этот план содержал ошибку, но Нельсон сознательно допускал ее, не боясь, что она может сделаться роковою.

Авангарду противника стоило лишь повернуть против ветра в самом начале боя, и половина английских судов оказалась бы между двух огней.

Но у Нельсона был расчет — уверенность, что противник неспособен воспользоваться его ошибкой, что Дюмануар не поможет своим товарищам, даже если Вильнёв прикажет ему...

В полдень раздался первый выстрел с корабля «Роял Соверен». Все суда мгновенно подняли свои флаги, а каждый испанский корабль вывесил еще на конце гика деревянный крест.

Союзный флот открыл канонаду.

Не отвечая на огонь, «Роял Соверен» приближался к союзному арьергарду. Из предосторожности матросы лежали на палубе, и Коллингвуд дошел до противника без потерь. Подойдя под корму двенадцатого с конца судна (это был испанский корабль «Санта-Анна»), «Роял Соверен» дал залп из пушек, заряженных двумя и тремя ядрами. Этот залп уничтожил у неприятеля до четырехсот человек команды; но тут Коллингвуд оказался окруженным со всех сторон. В течение пятнадцати минут он отбивался; затем подоспели суда его колонны, прорезали арьергард и атаковали ближайšie к себе корабли.

В это время Нельсон медленно подвигался к центру противника. Его капитан — Гарди — правил в промежуток между «Буцентавром» и «Сантиссима Тринидад».

С кораблей, окружавших Вильнёва, открылся ураганный огонь против «Виктори». Одно ядро сбило стеньгу, другое расщепило штурвал, так что рулем пришлось управлять из констапельской¹. Новое ядро пронеслось совсем близко от Гарди, и осколок кнехта² сорвал пряжку с его башмака.

— Становится жарко, — сказал Нельсон, — слишком жарко... Этак долго не продлится...

Более двухсот пушек били по «Виктори», но он уже

¹ Констапельская — кормовая каюта нижней палубы; служила для хранения артиллерийских запасов.

² Кнехты — на парусных судах деревянные стойки, установленные у мачт и бортов; служат для крепления снастей.

достигал неприятельской линии, имея выбывшими из строя всего пятьдесят человек.

Французы теснились, не пропуская в интервалы англичан. Слабеющий ветер мешал управлению, и Нельсон для атаки Вильнёва решил пройти у него под кормою. Но этому воспрепятствовал шедший за французским флагманом двухпалубный «Редутабль».

Его командир, развернув все паруса и ловя последнее дуновение ветра, подошел так близко, что задел «Буцентавр» бушпритом, сломав украшения на его корме.

Проход оказался запертым. Между тем скученность союзного центра делала неизбежной абордажную схватку.

— Без свалки не обойтись! — заметил Гарди. — Но с каким кораблем схватиться?

Нельсон пожал плечами:

— Не мое дело, выбирайте любой...

Гарди выбрал и сцепился на абордаж с «Редутаблем». От столкновения оба судна вышли из линии, и проход снова открылся за кормой «Буцентавра». Два или три английских корабля устремились в это пространство. В то же время остальные суда колонны прорвали центр в нескольких других местах...

Главные силы Вильнёва были связаны боем. Он делал сигналы Дюмануару, но тот не обращал на них внимания и продолжал идти вперед.

А «Виктори» и «Редутабль» готовились к абордажу. Сцепившись, они дрейфовали по ветру, и между ними шла ружейная перестрелка. Но на марсах французов, помимо стрелков, стояли еще небольшие орудия. Это дало кораблю союзников перевес.

Верхняя палуба «Виктори» быстро покрылась убитыми и ранеными. Нельсон, в сопровождении Гарди, ходил взад и вперед по левым шканцам¹. Он расхаживал с непокрытой головой, без шпаги; вышитые звезды выделялись на его груди.

Был второй час дня. С марса «Редутабля» заметили

¹ Левая сторона шканцев считалась почетной в бою под парусами, правая — в бою на якоре.

звезды, узнали адмирала. И вот пуля пробивает его левый эполет и, пройдя сквозь грудь, застревает в спине.

Колени его подгибаются, и он падает, стараясь опереться рукой о палубу.

— Гарди!.. — тихо зовет он. — Они разделались со мною!..

— Надеюсь, нет, сэр!

— Да!.. Они перешибли мне хребет!..

Сержант и два матроса относят его в кубрик и кладут среди массы других раненых.

Тогда стрелки «Редутабля» дают знать вниз, что палуба английского корабля опустела, и французы идут на abordаж. Но борт «Виктори» на целый дек выше борта «Редутабля». Команда противника возится с грота-реем¹, чтобы спустить его как перекидной мостик; но вдруг град ядер и картечи очищает палубу от людей.

Это задний мателот² Нельсона «Тэмерер», пройдя под носом у «Редутабля», дает продольный залп и сцепляется с ним с другой стороны.

Пушки «Виктори» продолжают стрелять. Они бьют в упор, настолько близко, что пламя выстрелов зажигает неприятельский борт. Французский корабль сжат, стиснут с обеих сторон; он — двухдечный, противники — трехдечные. Матросы не успевают заливать водой дымящиеся палубы. И «Редутабль» спускает флаг...

А Дюмануар шел вперед. Слабый ветер и зыбь не располагали его повернуть к месту сражения. И Вильнёв напрасно выкидывал на своих мачтах флаги, означавшие, что десять кораблей — не на своих местах.

Это было возмездие за Абукир, за ночь разгрома, когда он точно так же ослушался Брюэса. В густом дыму он не видел, что происходит с его эскадрой. Мачты его летели одна за другою, и он на последней из них поднимал сигналы, приказывая авангарду итти в огонь.

Уже был взят «Сантиссима Тринидад» — не помогли ему его сто тридцать пушек. Уже «Буцентавр» спустил флаг главнокомандующего, и Вильнёва перевели на английский корабль.

¹ Грота-рей — нижнее поперечное дерево на грот-мачте.

² Мателот — соседний в строю корабль.

Только теперь решился Дюмануар вернуться к месту боя. Суда его начали поворачивать посредством буксиров, поданных на шлюпки; но союзный флот был уже разбит...

Нельсон умер в пятом часу дня. Сражение продолжалось еще до вечера. Англичанами было захвачено девять французских и девять испанских кораблей...

* * *

Тактика Нельсона в Трафальгарском бою была семнадцатью годами раньше предварена Федором Ушаковым.

Сочетая огонь и маневр, безбоязненно нарушая каноны и всегда сообразуя свои действия с обстановкой, Ушаков создал в конце XVIII века новое военно-морское искусство.

В этой области русскому флотоводцу принадлежит бесспорное первенство. Между тем имя его даже не упоминается в трудах западноевропейских морских историков, и создателем новой тактики назван Нельсон, хотя он того не заслужил.

5

Трафальгар был последним крупным сражением времен парусного флота, где искусство маневра решало спор.

Разгром союзной армады лишил Наполеона возможности продолжать борьбу на море и дал Англии полное господство на океанских путях.

Французские войска больше не могли угрожать ей высадкой. Морское могущество было утрачено Францией. Наполеону оставалось одно: «покорить море войной на суше». И он немедленно принялся его покорять.

Это был трудный путь. Предстояло овладеть всею Европой и только тогда вырвать у англичан море. И на Трафальгар он ответил Аустерлицем, разбив 20 ноября (2 декабря) 1805 года русско-австрийские войска.

Австрия была раздавлена. Император Александр отступил к своим границам. Шестнадцать германских кня-

жеств покорно склонились перед Наполеоном и образовали зависимый от него Рейнский союз.

Оставалась Пруссия. Спустя десять месяцев он свел счеты и с нею: 26 сентября (8 октября) 1806 года начал войну и через девятнадцать дней вступил в Берлин.

В Англии еще не тревожились — там были слишком спокойны за море. Правительство выпустило из плена Вильнёва и заблокировало французское побережье, не допуская к нему иностранные суда.

Но Европа (большая ее часть) была покорена, и Наполеон диктовал ей свои законы. Отвечая Англии ее же мерой, он издал запретительный декрет:

«Британские острова являются блокированными. Всякая торговля и все сношения с ними воспрещены».

Он хотел блокадой покорить море.

Его вассалам и союзникам предписывалось закрыть для английских товаров рынки. Это был исполинский план уничтожения богатства и могущества Англии — удар по ней всего Европейского материка.

Но в плане была брешь. Ее проламывала Россия, которая сносила и торговала с Британскими островами и не давала Наполеону затянуть петлю до конца.

Он все же пытался. Войска его заняли Гамбург, Бремен, Любек и уже захватывали Балтийское побережье.

Это была континентальная блокада — главное его оружие после потери флота.

Во Франции бурно радовались победам.

Одно событие этого года прошло в ней незамеченным: ударом кинжала покончил с собой Вильнёв...

* * *

Ушаков попрежнему был начальником Балтийского гребного флота и, кроме того, всех находившихся в Петербурге корабельных команд.

Царь Александр предпочитал «урон от беспрекословного повиновения, чем выгоду от решительности», и не мог благоволить к такому человеку, как Ушаков.

Вдобавок все чаще приходилось слышать, что флот не нужен.

Говорилось, что несколько полков морской пехоты могут сделать больше, чем все эскадры в море, что со-

держание флота дорого стоит и что он должен служить лишь для обороны морских границ.

Эти мысли высказывали люди, близкие к императору, который признавался, что судит о флоте, «как слепой о красках», и не хотел думать о море, ведя сухопутную войну.

Маркиз де-Траверсе, начальствуя Черноморским флотом, быстро довел его до полного упадка. Он занимался торговлей, пользовался судами для своих личных надобностей, и даже плавание кораблей с войсками к Кавказу зависело от того, нужно ли это подрядчикам маркиза, у которого там были дела.

Жалобам на него не придавали значения. Морские офицеры напрасно доказывали, что он «во Франции кораблями никогда не командовал» и что скоро «исчезнет бедный флот».

А он все же строился. Новые суда спускали не часто, но зато их обшивали медью, и были они много лучше, чем раньше: об этом заботились русские корабельные мастера...

Федор Федорович был «не у дел». У него отняли море и вместе с ним — силы. Кругом толковали о наполеоновской армии и о том, нужен ли вообще флот России. Ушаков хорошо понимал, что время славных морских дел для него прошло.

Уже враг был на Немане. Федор Федорович, желая хоть чем-нибудь быть полезным, принес в дар отечеству «пожалованный» ему султаном алмазный «челенг».

Александр не принял дара и написал об Ушакове сенатору Строганову: «Отдавая полную справедливость благородным чувствованиям, к таковому пожертвованию его побудившим, почитаю я, что сей знак сохранен должен быть в потомстве его...»

1806 год был на исходе. Федор Федорович, присутствуя на заседании Адмиралтейств-коллегии, услышал, как один «сухопутный» адмирал говорил: «Посылка наших эскадр в Средиземное море стоила государству много, сделала несколько блеску, а пользы — никакой...»

Ушаков тотчас же подал в отставку.

Свою просьбу он объяснил «душевной и телесной болезнью» и опасением «быть в тягость службе».

Александр приказал спросить его, в чем заключается «душевная болезнь».

Ушаков подал второе прошение, уклонившись от прямого ответа:

«...Не прошу я награды, знатных имений, высокославными предками вашими за службу мне обещанных... Ныне же, после окончания знаменитой кампании, бывшей в Средиземном море, честью прославившей флот ваш, замечаю лишенным себя... милостивого воззрения».

Впрочем, это был достаточно прямой ответ.

Он не надолго уехал в свою тамбовскую деревню, а 17 января 1807 года последовал указ об отставке, в котором подробно перечислялись все чины, награды и подвиги адмирала. Он был уволен «с мундиром и половинным жалованьем» и остался жить в Петербурге — «в доме своем, в 4-й части Измайловского полка».

6

Семен Афанасьевич Пустошкин совершил наконец подвиг, и даже не один, а два подряд.

Подстрекаемые Наполеоном, турки решили еще раз «попытать счастья». Они остались верны своей поговорке: «Подеремся — отдохнем — опять подеремся», и снова объявили России войну.

Это оттянуло часть русских сил с Немана и Вислы к Дунаю. Первое время армия придерживалась обороны, а наступательные действия вел Черноморский флот.

Контр-адмирал Пустошкин прорубился с гребной флотилией сквозь лед Днестровского лимана и помог войскам взять Аккерман¹.

В конце весны, командуя линейным флотом, он неожиданно появился у Анапы¹. Огнем судов и стремительной атакой с суши он взял крепость и остатки ее взорвал.

Флот оказался н у ж е н. И не только в Черном, но и в Средиземном море. Там действовал Дмитрий Николаевич Сенявин, уже бывший вице-адмиралом. Заняв Катаро, он прикрывал от Наполеона земли балканского

¹ По Ясскому миру 1791 года, Аккерман и Анапа были возвращены Турции.

славянства и базу русского флота — Ионические острова.

19 июня¹ 1807 года у горы Афон, в Эгейском море, Сенявин разгромил турецкую эскадру, захватив лучшее судно противника и не потеряв ни одного корабля.

Он остановил линию турок и не дал им уклониться от боя, решив спуститься на неприятеля под прямым углом.

Он поступил как верный ученик Ушакова: приказал командирам подойти как можно ближе и атаковать турецких флагманов, нападая вдвоем на каждый из трех адмиральских кораблей.

Он пошел дальше Нельсона, дав задачу не одному, а трем своим отрядам.

Нападать он велел «двум с одной стороны, но не с обоих бортов».

Так был достигнут двойной перевес огня в решающих местах боя. Сам же он с четырьмя кораблями сковал остальные суда противника, чтобы не дать им помочь своим.

* * *

Пока Сенявин громил турок и прикрывал от французов Балканы, в Восточной Пруссии шли битвы русских и французских войск.

Наполеон пришел к убеждению, что «путь к Англии лежит через Россию». Нельзя было задуть Британские острова блокадой, пока этому противилась великая русская страна. И он стремился разбить Россию, оторвать ее от Англии и сделать своим орудием.

Эти две державы, будучи в союзе, не позволяли ему покорить мир.

Новая кампания решала многое. Январский бой у Прейсиш-Эйлау не принес французам победы. Но 2 (14) июня битвой под Фридландом Наполеон кончил войну.

В маленьком прусском городке Тильзите встретились

¹ 1 июля нового стиля.

два императора, притворяясь, что вражда их была взаимной ошибкой. Принужденный к этому, но стараясь не ронять достоинства, Александр заключил мир и союз.

Россия обязалась участвовать в континентальной блокаде и объявить войну Англии. Русские войска, находившиеся на Адриатическом побережье, должны были отдать французам «землю, называемую Каттаро»; «в полную собственность» Наполеона передавались также Ионические острова.

Это был двойной удар: по русской торговле и по русскому флоту в Средиземном море; эскадре Сенявина оставалось разоружиться либо попасть в руки англичан.

Наполеон улыбался, суля Александру вознаградить его за счет Турции. Александр также улыбался, подписывая тяжкий договор¹. Впрочем, он действительно был недоволен Англией, ничем не помогшей ему в войне.

* * *

Мечты осуществлялись — Наполеон был повелителем Европы. Но неуязвимость Англии не давала ему покоя, и он, снова вернувшись к мысли об Индии, предложил Александру совместный поход.

«Армия франко-русская в 50 тысяч человек, — писал он царю, — быть может, отчасти и австрийская, которая направится через Константинополь в Азию, не успеет еще достичь Евфрата, как Англия затрепещет и преклонится перед континентом. Через месяц после того, как мы придем к соглашению, армия может быть на Босфоре. Удар отзовется в Индии, и Англия будет поработана».

Александр отвечал:

«Я предлагаю одну армию для экспедиции в Индию, а другую — с целью содействовать при овладении приморскими пунктами Малой Азии. В то же время я предписываю командирам моего флота состоять в полном распоряжении вашего величества».

¹ Тильзитский договор; подписан 26 июня (8 июля) 1807 года.

Он вел себя, как верный союзник, готовый отдать и самый флот.

Но он лукавил, то ли надеясь усилить этим союзом свою империю, то ли выиграть нужное ей время. Скорей — и то и другое, ибо он знал, что союз непрочен и впереди — война.

И когда Наполеон передал ему через князя Волконского¹: «Мир — как яблоко: мы можем разрезать его на две части, и каждый из нас получит половину», Александр заметил: «Сначала он удовольствуется одной половиной яблока, а затем потянется и к другой».

* * *

Не прошло трех лет после Тильзитского мира, и обе державы стали готовиться к войне.

Отказ торговать с Англией разорял русское купечество и дворянство. Блокада не принесла пользы и русской промышленности; хотя правительство и рассчитывало на это вначале. Союз с Францией обходился слишком дорого, и уже многие понимали, что это не союз, а «вооруженный мир».

Вся Европа была придавлена и видела спасение свое в России.

Уже русский император уклонялся от помощи своему «союзнику», а «союзник» приказывал Австрии и Пруссии готовить армии в поход на восток. Александр перестал улыбаться, и Наполеон не расточал ему больше улыбок; он окончательно уверил себя, что «путь к Англии лежит через Россию» и что он должен сломить лукавого русского царя...

Наполеон разработал план, наметив прежде всего создать армию первой линии. Он решил расставить ее от Эльбы до Одера; Гамбург будет ее базой, Данциг — передовым постом; позади первой линии он соберет новые полчища, и под ружьем окажутся две трети военных сил всей Европы; тогда из Средней Германии он двинет армию, какой не знали еще новые времена...

А русско-турецкая война продолжалась. Турок били;

¹ Волконский П. М., князь; после Тильзитского мира был назначен во Францию русским военным атташе.

они дрались, отдыхали и опять дрались, но мира не заключали. Наполеон обещал им за это Крым. Он возлагал на них большие надежды: они должны были ринуться на Украину, пройти в Полесье и примкнуть к правому крылу наступающих французских войск.

Сподвижник Суворова, Кутузов, твердо стоял на Дунае. Постепенными, мудрыми действиями наносил он удары туркам, готовясь сокрушить их вовсе, чтобы не смогли они помочь французам, когда те начнут войну.

Он не знал, что в этой войне ему придется стать во главе армии куда большей, чем те, которые когда-либо имел Суворов, — армии всей страны.

Уже посланники начинали сговариваться об англо-русском союзе.

Уже орлы империи готовились лететь из Франции к западным рубежам России.

Но войска и народ готовы были ее защищать.

7

Летом 1811 года Ушаков еще раз увидел Черное море, приехав в Севастополь по личным делам.

В Бельбеке у него была земля, в городе — заложенный дом. Пора было привести все в порядок. Жить оставалось немного — недуг подтачивал силы, и он торопился: как бы не помешала война...

Город-крепость притих, настороженный и суровый. Флот в боевой готовности стоял на рейде.

Федор Федорович вскоре после приезда решил осмотреть новые корабли.

Знакомый недвижимый зной дохнул на него, когда он вышел из дому, и все было так дорого и знакомо на улицах и в порту...

Он миновал дома и госпитали, которые сам построил; поглядел на казармы, пристани и адмиралтейство; улыбнулся, завидев мыс, куда впервые пристал на «Св. Павле» и где матросы накинулись на кизил.

— Федор Федорович! Вы ли?! — окликнул его кто-то.

Его друг Пустошкин стоял перед ним, улыбающийся, счастливый. Он был в вице-адмиральском мундире, все

тот же — подтянутый и румяный, но ставший суше и от этого как бы стройней.

— Все-таки встретились! — сказал, обнимая его, Федор Федорович. — А я не знал, что вы в Севастополе служите.

— Нет, — поправил Пустошкин, — служу я в Херсоне, а сюда нынче по делам прибыл.

— Стало быть, как и я...

Они помолчали, разглядывая друг друга, словно сравнивая, кто из них постарел больше. Потом Ушаков сказал:

— Ну, вот и прославились вы... дождались... Помните — я предвещал вам?

— Дела мои малые, — сказал Пустошкин, — не чета вашим. Но, видать, каждому свое...

Отряд моряков с офицером прошел мимо. Офицер был в мундире с фалдочками и треуголке с плюмажем, а матросы — в шляпах, напоминавших цилиндры, и тоже в мундирах, похожих на фрак.

— Новое царствование — новая форма... — проворчал Федор Федорович. — А я вот в отставке! — вдруг добавил он резко, и гнев вспыхнул в его глазах.

— Я узнал об этом перед самым своим походом к Анапе.

— К Анапе... — повторил Федор Федорович. — И я бывал там... громил с судов крепость... А что горские племена? Как себя ведут?

— Воюют. И весьма терпят от турок. Более, чем от войны с нами.

— Отчего же?

— Да турки разбойничают по всему Кавказу: хватают на берегу ребят обоего пола и увозят на своих судах, называемых «чектерме».

— И до сего времени так?

— Ну нет, стеснили мы их, конечно: Анапа — наша; флот Черноморский занял Суджук-Кале, и там заложен Новороссийск...

— А еще говорят, что флот не нужен! — И Ушаков сделал над собой усилие, отгоняя мысль, перенести которую ему было трудно. — Вот что, Семен Афанасьевич, поедем со мной на эскадру, посмотрим новые корабли.

Им подали катер — двенадцативесельную шлюпку. Они уселись на банках¹ друг против друга, и шлюпка отвалила.

Был полный штиль.

Дошли до середины бухты, и на холмах распахнулся город: черепичные кровли, белые мазанки, невысокие корпуса казенных зданий — тихий, укромный и грозный Севастополь, твердыня русских морских сил.

Впереди, на рейде, стояли корабли: «Полтава», «Ратный» и «Двенадцать апостолов»; все — 100-пушечные; подле них — несколько кораблей меньшего ранга, а дальше — фрегаты и мелкие суда.

— Не нужен флот! — гневно сказал Федор Федорович. — Глядите!.. Да разве сие может быть не нужно?! — И он протянул руку, указывая на эскадру. — Нет, будут у нас еще корабли, будут и моряки, еще удивим свет!..

— А ведь быть беде! — тревожно заметил Пустошкин. — Гроза идет на отечество наше.

— Да, идет! Грозные бури встают на западе... Но не отчаивайтесь, сии бури обратятся к славе России!.. — И Федор Федорович, задумавшись, замолчал.

Они миновали Павловский мыс, Северную косу. Шлюпка вышла на рейд, и ее уже покачивало легкой зыбью.

— Мне немного остается, — сказал Федор Федорович. — Не страшусь смерти, желаю только увидать новую славу отечества... хотя бы в свой последний час...

Катер подошел к флагманскому кораблю «Полтава».

Фальрепные встретили Федора Федоровича у трапа; адмиральский флаг взвился на грот-мачте; на деках выстроилась команда; оркестр сыграл встречный марш.

Ушаков быстро пошел вдоль строя, седой, согбенный, в темносерого цвета сюртуке с георгиевской звездой.

Стоявшим в строю казалось, что он не шел, а бежал по палубе. Многие знали его раньше и думали, что вот такой же он был при Корфу — совсем еще бодрый, железный старик.

Он осмотрел корабль, нашел его построенным гораз-

¹ Б а н к а — поперечная скамья для гребцов в шлюпке.

до лучше прежних и, взо́дя на мостик, окинул взглядом рейд.

Чуть повернул голову — увидел Севастополь, гавань, суворовские батареи; несколько секунд стоял, безмолвно любуясь флотом, и, должно быть, вспомнив, на каких кораблях сражался и ходил по Средиземному морю, воскликнул:

— Вот если бы у меня были такие корабли!..

ЭПИЛОГ

12 (24) июня 1812 года французская армия перешла Неман без объявления войны.

Наполеон руководил переправой у Ковно. «Я иду на Москву, — сказал он, выступая к русской границе, — и в одно или два сражения все кончу. Без России континентальная система — пустая мечта...»

Одному из маршалов он вручил свой портфель — красную бархатную сумку с планом похода. Серебряное шитье украшало бархат: с обеих сторон — лавровые венки, звезды и пчелы, а по углам — вышитые буквы «I. N».

План, по которому устремлялись войска, был составлен незадолго до начала вторжения. Он являлся вторым, измененным планом, ибо от первого Наполеону пришлось отступить.

Его первоначальным намерением было провести через Голштинский канал флотилию канонерских лодок, поддержать ею левый фланг своей армии и направить главный удар на Петербург через Ригу. Но его заставил воздержаться от этого русский флот.

Малые суда могли держаться вплотную к берегу и были неуязвимы для кораблей с большой осадкой. Наполеону не нужно было высылать лодки в открытое море — он полагал провести их вдоль немецкого побережья. Отразить это нападение можно было только та-

кими же мелкими судами, и Россия немедленно усилила свой гребной флот.

Она решила выставить более трехсот канонерских лодок и оборонять ими подступы к Риге. После этого Наполеон отказался от своего первоначального плана и наметил направление на Москву.

Тем не менее, начав кампанию, он попытался двинуться и в сторону Петербурга. Вместе с главными его силами через Неман переправился Макдональд, занявший 18 июня Россиены. Оттуда он послал дивизию пруссаков к Риге, которая запирала путь к русской столице, служа фланговым опорным пунктом на линии Западной Двины.

Но русский флот вторично расстроил планы французов: канонерские лодки, расставленные по Двине, не допустили противника к переправам и не дали ему развернуть силы. Командующему прусской дивизией Граверту пришлось обложить Ригу издалека...

Отход русских войск не дал Наполеону желаемого успеха; не принесла ему победы и великая битва у Бородина.

Кутузов недаром сказал о французах, что хочет «изрыть им могилы в России». Противник убедился в этом вскоре после того, как вступил в Москву.

Кутузовский штаб готовил спасение отечества.

Из лагеря под Тарутином высылались крупные отряды; они держали под непрерывными ударами всю линию неприятельских сообщений Москва — Смоленск.

Кутузов направлял действия партизанских отрядов. Народная война встречала всюду французов. Обида за страдающую родину, за пепел Москвы подняла русских навстречу волне нашествия, и «вся Россия пошла в поход».

Были созданы и вооружены ополчения: Рязанское, Калужское, Владимирское, Ярославское.

Тамбовская губерния также выставила ополчение. Начальником его избран был Ушаков.

В эти дни Федор Федорович уединенно жил в трех верстах от своей деревни Алексеевки, в доме, выстроенном для него вблизи Санаксарского монастыря.

«По общему всех желанию и доверию» был он избран в начальники губернского ополчения как человек,

«известный всем по отличным деяниям, храбрости и долговременной службе». Но принять это почетное звание он уже не мог.

Болезнь приковывала его к постели. Командовать и сражаться он был не в силах. А мысли и чувства его были с родиной, и он горько сокрушался, что не может ей послужить¹.

Сожалая, что не в состоянии сделать большего, он отдал в пользу разоренных неприятелем свои сбережения, хранившиеся в Опекунском совете Воспитательного дома в Петербурге, и при этом просил, чтобы имя его не было оглашено.

Лежа у окна, слушал он шум сосен Санаксара, и в гуле монастырского леса чудился ему голос моря, с которым он не расставался пятьдесят лет.

Думы о флоте омрачали его дни: он полагал, что флот бездействует, и это угнетало его больше, чем близость собственной кончины. Но вести доходили к нему медленно, и он не знал, что делается на морях.

Флот действовал. Корабли Балтийской эскадры перебросили из Финляндии в Ревель крупное подкрепление, а канонерские лодки доставили его в Ригу, усилив ее гарнизон. После этого русские войска произвели из Риги вылазку, истребив запасы дивизии Граверта в Митаве и Бауске. Это случилось в тот самый день, когда Наполеон вошел в Москву.

В это время Макдональд, занимавший Двинск, пытался выйти на петербургское направление. Вылазка рижского гарнизона нарушила планы французов: Макдональду пришлось двинуть на помощь Граверту свои силы, лишив себя этим возможности обойти русский фланг.

А корабли, высадившие войска в Ревеле, отправились в Англию. Их было шестнадцать. Вместе с английскими они нависли угрозой над морскими силами Франции, сковав наполеоновский флот².

Английские моряки восхищались конструкцией рус-

¹ В таком состоянии Ушаков провел еще пять лет; умер он 2 (14) октября 1817 года.

² После Трафальгарского боя французский флот был отстроен и доведен Наполеоном до пятидесяти восьми кораблей.

ских судов, в особенности 100-пушечным кораблем «Храбрый». Британский генерал-адмирал де-Кларенс просил русского посла Ливена доставить ему чертеж этого судна, чтобы можно было строить в Англии такие же корабли.

Русский флот был силой, которая помогла запереть неприятельские эскадры в гаванях. И французские суда не смогли ничего изменить в ходе кампании вплоть до самого ее конца...

7 (19) октября Наполеон покинул Москву, решив пробиваться в южные районы через Калугу. Кутузов, преградив неприятелю путь у Малоярославца, заставил войска его повернуть на запад.

У этого города, как писали потом французы, «остановилось завоевание вселенной и были утрачены плоды двадцатилетних побед».

Русская армия начала преследование. Она нападала на противника во время марша, изматывала его беспрестанными ночными тревогами, осуществляя теперь главную цель Кутузова — уничтожение врага.

Но великий полководец берег свои силы для сокрушительных последних ударов.

«Я хочу, — говорил он, — чтобы Европа видела, что существование главной армии есть действительность, а не призрак или тень».

Свой первый удар он нанес под Красным и, преследуя неприятеля по пятам, пошел за ним, стремясь к конечному его истреблению.

Оно завершилось спустя две недели в боях на Березине.

С правого берега реки Наполеон написал Марэ, герцогу Бассано — министру внешних сношений: «Армия многочисленна, но расстроена ужасающим образом».

Он преувеличивал: армии у него уже не было никакой.

Он сам в последующем письме признался, что остатки его солдат «превратились в бродяг, или, вернее, в разбойников». Это были жалкие выморозки, как называл их русский народ...

Во время березинской переправы казаки среди прочих трофеев отбили красный бархатный портфель. На нем были вышиты серебряные звезды, пчелы и вензели

Наполеона. В портфеле находился план кампании — план похода на Москву...

Так исполнилось желание Ушакова: он увидел новую славу отечества.

Исполнились пророческие слова Суворова: «Тщетно двинется на Россию вся Европа. Она найдет там Фермопилы, Леонида и свой гроб».

1943—1945

О Г Л А В Л Е Н И Е

<i>Глава I.</i>	В Морском корпусе	5
<i>Глава II.</i>	Чесменский бой	14
<i>Глава III.</i>	«Не к масти козыры!»	26
<i>Глава IV.</i>	Чума в Херсоне	41
<i>Глава V.</i>	Путешествие в полуденный край	52
<i>Глава VI.</i>	Кинбурн — Очаков	74
<i>Глава VII.</i>	Огонь до флагману	84
<i>Глава VIII.</i>	«Начальствовать флотом буду я!»	96
<i>Глава IX.</i>	«Да впишется сие в журналы...»	120
<i>Глава X.</i>	Благополучный Севастополь	173
<i>Глава XI.</i>	Экспедиция Бонапарта исчезает, как дым...	205
<i>Глава XII.</i>	При Корфу	226
<i>Глава XIII.</i>	Корабли въезжают в бастионы	242
<i>Глава XIV.</i>	Республика Семи Соединенных Островов	260
<i>Глава XV.</i>	«Бури встают на западе»	303
<i>Эпилог</i>	330

68 км

Б.р.80 км